



ISSN 0132-7496

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ  
ГЕОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ  
Вып. 34

ИСТОРИЯ ГЕОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА РАН  
В ДОКУМЕНТАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ: АЛЬМАНАХ

# ИСТОРИЯ ГЕОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА РАН В ДОКУМЕНТАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ: АЛЬМАНАХ



Федеральное государственное бюджетное учреждение науки  
Геологический институт Российской академии наук

**ИСТОРИЯ  
ГЕОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА РАН  
В ДОКУМЕНТАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ:  
АЛЬМАНАХ**

Очерки по истории геологических знаний

Выпуск 34

(Серия основана в 1953 г. в ИГН АН СССР)

Москва  
ГЕОС  
2024

УДК 550.9  
ББК 26.323

Ответственные редакторы:  
член-корреспондент РАН *Н.Б. Кузнецов, И.Г. Малахова*

Редакционная коллегия:  
*К.Е. Дегтярёв* (главный редактор),  
*Н.Б. Кузнецов* (заместитель главного редактора),  
*Г.Н. Александрова* (ответственный секретарь),  
*Ю.О. Гаврилов, А.Б. Герман, В.Ю. Лаврушин, Б.Г. Покровский, М.А. Рогов,*  
*С.Д. Соколов, С.Ю. Соколов, М.И. Тучкова, М.А. Фегонкин,*  
*М.Д. Хуторской, Н.П. Чамов*

**Очерки по истории геологических знаний** / Ин-т геол. наук АН СССР, Геол. ин-т АН СССР, РАН. — М.: Изд-во АН СССР, 1953—1963; М.: Наука, 1971—2006; СПб: ВСЕГЕИ, 1994—1995; М.: ГЕОС, 2022—2024. — ISSN 0132-7496

**Вып. № 34. История Геологического института РАН в документах и воспоминаниях: Альманах** / Ответственные редакторы *Н.Б. Кузнецов, И.Г. Малахова*; Составитель и автор комментариев *И.Г. Малахова*. М.: ГЕОС, 2024. 240 с.

Обработка фотоматериалов — *И.П. Второв*

ISBN 978-5-89118-888-4

DOI: 10.34756/GEOS.2024.17.38814

В сборник вошли редкие документы, связанные с научной деятельностью Геологического института Российской академии наук, мемуарные очерки и проза его сотрудников. В этом старейшем академическом институте страны работали и работают немало выдающихся ученых. Датированные разными годами предлагаемые читателям материалы дают возможность не только ощутить атмосферу творческого процесса в научном сообществе Геологического института на отдельных этапах его истории, но и раскрыть многогранность талантливых учёных. Значительная часть документов и произведений, входящих в альманах, публикуется впервые.

© ГИН РАН, 2024

© ГЕОС, 2024

Geological Institute of the Russian Academy of Sciences

**THE HISTORY  
OF THE GEOLOGICAL INSTITUTE  
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES  
IN DOCUMENTS AND MEMOIRS:  
ALMANAC**

Essays on the History of Geological Knowledge

(the Series started in 1953  
at the Institute of Geological Sciences  
of the USSR Academy of Sciences)

Volume 34

Moscow  
GEOS  
2024



УДК 550.9  
ББК 26.323

Responsible Editors:  
corresponding member of the Russian Academy of Sciences *N.B. Kuznetsov*,  
*I.G. Malakhova*

Editorial Board:  
*K.E. Degtyarev* (Editor-in-Chief),  
*N.B. Kuznetsov* (Deputy Editor-in-Chief),  
*G.N. Aleksandrova* (Executive Secretary),  
*Yu.O. Gavrilov*, *A.B. Herman*, *V.Yu. Lavrushin*, *B.G. Pokrovskii*, *M.A. Rogov*,  
*S.D. Sokolov*, *S.Yu. Sokolov*, *M.I. Tuchkova*, *M.A. Fedonkin*,  
*M.D. Khutorskoy*, *N.P. Chamov*

**Essays on the history of geological knowledge** / Institute of Geological Sciences of the USSR Academy of Sciences, Russian Academy of Sciences. — Moscow: Publishers of the USSR Academy of Sciences, 1953—1963; Moscow: Nauka, 1971—2006; Saint-Petersburg: VSEGEI, 1994—1995; Moscow: GEOS, 2022—2024. — ISSN 0132-7496

**Vol. 34. The history of the Geological Institute (Russian Academy of Sciences) in documents and memoirs: almanac:** / Responsible Editors: corresponding member of the Russian Academy of Sciences *N.B. Kuznetsov*, *I.G. Malakhova*; Compiled and commented by *I.G. Malakhova*. Moscow: GEOS, 2024. 240 p.

Pictures design — *I.P. Vtorov*

ISBN 978-5-89118-888-4

DOI: 10.34756/GEOS.2024.17.38814

The collection includes rare documents related to the scientific activities of the Geological Institute of the Russian Academy of Sciences, memoirs and prose of its employees. Many outstanding scientists have worked and continue to work at this oldest academic institution in the country. Dated from different years, the materials offered to readers provide an opportunity not only to feel the atmosphere of the creative process in the scientific community of the Geological Institute at certain stages of its history, but also to reveal the versatility of talented scientists. A significant part of the documents and works included in the almanac are published for the first time.

© GIN RAS, 2024

© GEOS, 2024

# Оглавление

---

<i>И.Г. Малахова</i> <b>От составителя</b> .....	7
<b>ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА</b> .....	8
<i>И.Г. Малахова</i> Дмитрий Иванович Мушкетов – руководитель Отдела тектоники ГИН АН СССР .....	8
Стенограмма заседания Ученого Совета ГИН АН СССР. 19 февраля 1936 г.: Доклад академика В.А. Обручева; Комментарий ( <i>И.Г. Малахова</i> ) .....	14
<i>В.А. Обручев</i> Отзыв о научных трудах Н.С. Шатского .....	30
Стенограмма заседания отделов минералогии и геохимии ИГН АН СССР 20 мая 1952 г., посвященного седьмой годовщине со дня смерти академика А.Е. Ферсмана .....	36
<b>ВОСПОМИНАНИЯ СОТРУДНИКОВ ИНСТИТУТА</b> .....	44
<i>Н.М. Чумаков</i> ИГН АН СССР в 1945 г. и Забайкальская экспедиция .....	44
Первые годы работы в Якутии: Восточно-Сибирская нефтяная экспедиция (1950 – 1956 гг.) .....	50
Шустрый коллектор (1952 г.) .....	60
Семь дней наедине с убийцей (1956 г.) .....	65
Нашествие зайцев и переправа в ледостав (1963 г.) .....	70
Экспедиция на Шпицберген: (1966 г.) .....	73
Встречи с медведями и другими зверюшками .....	79
Колыма (1992 г.) .....	86
Вместо заключения .....	89
Автобиография (2023 г.) .....	90

<i>М.С. Нагибина</i>	
С Новым Годом!:	
Владимиру Николаевичу Григорьеву и Николаю Михайловичу Чумакову по почте из геологического детства .....	93
<i>В.А. Захаров</i>	
Путь в науку .....	97
<i>Т.Н. Хераскова</i>	
Воспоминания об отце .....	113
<b>МЫ О НИХ – ОНИ О НАС:</b>	
<b>МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО</b> .....	125
<i>Н.П. Херасков</i>	
Из китайских дневников. 1958 г. и 1960 г.;	
Предисловие ( <i>И.Г. Малахова</i> ) .....	125
<i>В.А. Захаров</i>	
Первый опыт пребывания советского человека в буржуазной стране .....	157
Датские дневники. 1979 г. ....	163
Очерки о зарубежных коллегах .....	165
<i>Р.Г. Колман</i>	
Письмо в Россию. 2010; Комментарий ( <i>И.Г. Малахова</i> ) .....	194
<b>И В ШУТКУ, И ВСЕРЬЁЗ</b> .....	206
Поздравление Н.С. Шатского с 60-летием (1955 г.) .....	206
Поздравление Н.П. Хераскова с получением степени доктора геолого-минералогических наук (1965 г.) .....	209
Письмо Д.И. Туголесова от 20 февраля 2021 г. ....	213
<i>А.Л. Книппер</i>	
Двиньдодыр: [тектоническое стихотворение] (1976 г.) .....	214
К 70-летию академика А.Л. Яншина (1981 г.) .....	217
Список литературы .....	219
Список принятых сокращений .....	226
Именной указатель .....	229

## От составителя

---

Предлагаемый читателям очередной выпуск серии «Очерки по истории геологических наук» подготовлен к 300-летию Российской академии наук и в преддверии 100-летия Геологического института РАН.

Сборник составлен в виде альманаха, что позволило включить в него материалы различных литературных жанров (документального, мемуарного, эпистолярного). Это всё — лишь часть обширного фонда, собранного историками геологии Геологического института за семь десятилетий.

Цель публикации — дать «слово» тем, кто был связан с Геологическим институтом на протяжении почти ста лет его истории. Они занимали разные посты, работали в разное время, но их объединяет одно — высокий профессионализм в том деле, которому они посвятили жизнь.

Составитель выражает глубокую признательность Т.Н. Херасковой за передачу дневниковых записей и фотоматериалов из личного фонда Н.П. Хераскова в распоряжение Группы истории геологии. Бесценную помощь оказала также племянница Н.П. Чумакова — М.М. Дьячковская, предоставившая записки и фотодокументы Н.М. Чумакова и обеспечившая с ним контакт в процессе подготовки издания, и М.Ю. Кожевникова, работавшая с текстами воспоминаний. Благодарим также учёного секретаря Института кандидата геолого-минералогических наук Г.Н. Александрову, доктора геолого-минералогических наук Н.С. Брагина и доктора геолого-минералогических наук М.А. Рогова за внимательное прочтение текста и внесение поправок.

Книга проиллюстрирована фотографиями из фототеки Группы истории геологии ГИН РАН, а также из личных архивов В.А. Захарова, Н.М. Чумакова, Т.Н. Херасковой, коллекции экспедиционных исследований в Мировом океане С.Ю. Соколова.

*И.Г. Малахова*

# ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА

*И.Г. Малахова*

## **Дмитрий Иванович Мушкетов – первый руководитель отдела тектоники ГИН АН СССР**

---

Создание Геологического института в Ленинграде в период масштабной реорганизации Академии наук СССР было предопределено наличием организационной инфраструктуры, политикой Академии наук и её кадровым потенциалом.

В 1928 – 1929 гг. прошли первые выборы в Академию наук СССР, и состав действительных членов увеличился сразу на 42 человека (Академики Российской академии..., 2023).

Ранее избранные академики (А.П. Карпинский, В.И. Вернадский, Ф.Ю. Левинсон-Лессинг, А.Е. Ферсман) и новые действительные члены (А.Д. Архангельский, А.А. Борисяк, К.К. Гедройц, И.М. Губкин, В.А. Обручев) составили инициативную группу по реорганизации деятельности Академии с целью усиления геологического, особенно теоретического, направления исследований. С докладом «Задачи Академии наук СССР в области геологических дисциплин» на Общем собрании АН СССР 15 мая 1929 г. выступил А.А. Борисяк (Борисяк и др., 1929). Суть предложения реформаторов заключалась в реорганизации Геологического музея АН СССР в Ленинграде и создании на его базе новых академических институтов.

1 февраля 1930 г. Президиум АН СССР принял решение о реорганизации Геологического музея АН СССР и учреждении трёх самостоятельных институтов: Геологический институт с геологическим музеем (ГИН), Петрографический институт (ПЕТРИН) и Палеозоологический институт с палеозоологическим музеем (ПИИ) (Историческая справка., 1931 – 1937). 8 марта 1930 г. это решение Президиума АН СССР было утверждено Комитетом по заведованию учёными и учебными заведениями ЦИК СССР (Историческая справка., 1931 – 1937).

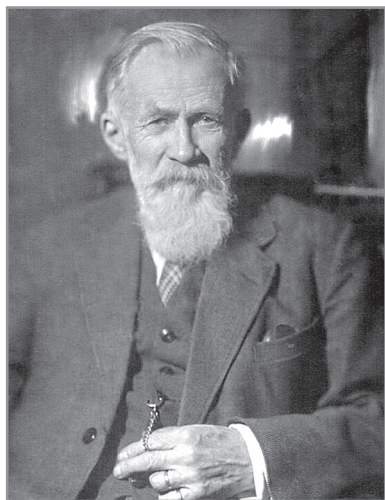
Первым директором Геологического института АН СССР был избран академик В.А. Обручев. Его имя было широко известно в России и за её пределами благодаря многолетним исследованиям геологии Закаспийской области, Средней и Центральной Азии, Сибири.

Небольшой коллектив (около 30 человек) начал работу с постановки грандиозных задач по изучению геологического строения, стратиграфии, литологии и природных ресурсов страны.

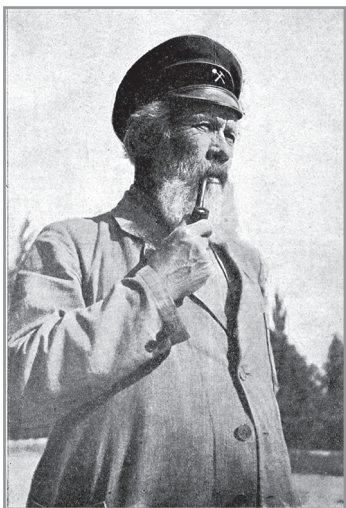
23 февраля 1933 г. Президиум АН СССР принял решение о структурной реорганизации Геологического института, направленной на проведение фундаментальных геологических исследований. Были созданы структурные подразделения и определены их руководители: Отдел стратиграфии (Д.В. Наливкин), Отдел литогенеза и геологии полезных ископаемых (В.А. Обручев), Отдел тектоники и геоморфологии в связи с тектоникой (Д.И. Мушкетов), Отдел гидрогеологии (Н.Н. Славянов), Отдел изучения четвертичного периода (Г.А. Бонч-Осмоловский) (Управленческая документация..., 1931 – 1937).

Выбор кандидатуры Д.И. Мушкетова не был случайным. Профессор, ректор Горного института (1918 – 1927 гг.), директор Геологического комитета ВСНХ (1926 – 1929 гг.) и Института прикладной геофизики (1924 – 1930 гг.) Дмитрий Иванович был одним из самых известных геологов России.

15 полевых сезонов в Центральной Азии (1901 – 1916 гг.), «...накопившие громадный материал и совершенно изменившие не только прежнее представление об этой области, но и на основе её в значительной



*Академик В.А. Обручев.  
1930-е годы*



*В.А. Обручев на 3 Всесоюзном съезде геологов (Ташкент, 1928 г.)*

мере вообще о геологии и тектонике Туркестана» (Борисяк, 1902 – 1928, л. 1), сделали Д.И. Мушкетова авторитетным специалистом по тектонике и общей геологии этого региона. Как директор Туркестанского отдела КЕПС он являлся организатором Третьего Всесоюзного съезда геологов в Ташкенте с участием иностранных специалистов в 1928 г. (Мушкетов, 1928). Председателем съезда был В.А. Обручев.

После упразднения Геологического комитета ВСНХ Д.И. Мушкетов продолжал читать лекции в Горном институте и проводил занятия со студентами в Геологическом музее АН СССР, который стал частью ГИН АН СССР в 1930 году.

Научная работа Д.И. Мушкетова совпала с периодом «разброда» в текто-



*Д.И. Мушкетов (четвёртый слева) с делегатами съезда геологов*



нике, который он считал исключительным временем, когда ни одно учение не «...господствует безраздельно; лишь в самые последние дни как будто забрезжил свет среди хаоса гипотез, и в густом тумане непреодолимых трудностей и противоречий стали вырисовываться, пока еще не ясные, очертания какого-то единого, все обобщающего символа тектоники...» (Мушкетов, 1926, с. 11).

Но если теоретическая тектоника представлялась Д.И. Мушкетову туманной, то план работы в Геологическом институте был для него вполне определённым. Этому предшествовала его активная работа по укреплению международных научных связей.

Как директор Геологического комитета ВСНХ Д.И. Мушкетов был уполномочен советским правительством «...озаботиться своевременной разработкой и проведением необходимых мероприятий для организации предстоящего в 1932 г. Интернационального Геологического Конгресса на территории Союза ССР, в связи с пятидесятилетним юбилеем Всесоюзного Геологического Комитета» (Сообщение об участии Д.И. Мушкетова..., 1926 – 1937, с. 6). В этой связи Д.И. Мушкетов провёл огромную организационную работу (переписка, заграничные командировки, личные контакты) и, получив предварительное одобрение международного геологического сообщества, в 1929 г. выехал на 15 Сессию Международного геологического конгресса (МГК) в Южную Африку (г. Претория). Его миссия потерпела неудачу – в последний момент советское предложение было отклонено англо-американским лобби, и местом проведения следующей сессии Конгресса была названа столица США – Вашингтон (International geological congress..., 1930).

Д.И. Мушкетов был лишён возможности приехать на 16 Сессию МГК (Материалы о несостоявшейся командировке..., 1931 – 1933). В письме Генерального секретаря Конгресса У. Менденхола деятельность Д.И. Мушкетова в Претории названа решающим аргументом в определении места проведения 17 Сессии МГК в Москве в 1937 г. (Письма и телеграмма У.С. Менденхолла..., 1932).

На 15 Сессии МГК в Претории получила поддержку и инициатива создания Комиссии земной коры, озвученная Д.И. Мушкетовым, и он на правах исполняющего обязанности председателя Комиссии начал разработку программы работы. В Вашингтоне Д.И. Мушкетов был избран председателем Комиссии земной коры, и его программа получила одобрение (International geological congress, 1936).

С этой программой Д.И. Мушкетов и пришёл в Геологический институт после приглашения В.А. Обручева возглавить Отдел тектоники с 1 октября 1933 г. (Геологический институт АН СССР..., 1929 – 1934, л. 16, 17).



Свои планы Дмитрий Иванович изложил на производственном совещании Отдела тектоники 7 декабря 1933 г., в работе которого приняли участие Д.В. Наливкин, Е.В. Павловский, С.С. Шульц. Председательствовал Д.И. Мушкетов. Он доложил, что программа Комиссии земной коры принята МГК, ему поручена организация работы, и он предложил сосредоточить её в Геологическом институте с привлечением сотрудников Сейсмологического института.

Программа исследований включала:

1. «Составление Толкового Тектонического Лексикона, или Энциклопедии, в которой помимо разработки и унификации терминологии и синонимии, должны быть детально установлены основные тектонические понятия, например: эпейрогения и орогения, жесткие массы, платформы, барьеры <...>; «глубинные складки», «альпийская тектоника» и т.п.

2. Составление Сюпокиума — сборника в историческом и тематическом плане всех типов теорий с полной их библиографией.

3. Составление интернационального сборника по региональной геотектонике — строение Земли, каждой стороной своей части. При этом для накопления систематического материала отдельные страны смогут произвести объединённые одной методологией специальные исследования, в частности СССР может взять на себя исследования молодой евразийской орогенической полосы.

4. Желательно особо остановиться на специальных изучениях четвертичной тектоники как базы для общетектонических рассуждений, и притом обязательно комплексной с гравиметрическими сейсмологическими наблюдениями. В частности в этом порядке вносится от имени СССР, Финляндии, предложение особое о совместном с Швецией, Норвегией и Данией комплексном изучении поднятия Фенноскандии <...> Это объединение желательно распространить и на Северную Америку, привлекая САСШ<sup>1</sup> и в сотрудничестве с Ассоциацией по изучению Канады.

5. По соглашению и в сотрудничестве с новой Ассоциацией по изучению докембрия желательно поставить интернациональную работу по параллелизации докембрия Земли» (Геологический институт АН СССР..., 1929 — 1934, л. 22 — 23).

В конце 1933 г. пост директора покинул В.А. Обручев. Академия наук СССР и подведомственные ей институты готовились к переезду в Москву.

Сохранился ещё один документ — Протокол заседания Отдела тектоники от 23 мая 1934 г. под заголовком «Ударное обязательство Отдела

---

<sup>1</sup> Северо-Американские Соединенные Штаты. — Прим. И.М.

тектоники», которое заключалось в составлении тектонических карт наиболее важных областей СССР по единой методике к 1 декабря 1934 г. Руководителями этих региональных исследований были назначены ведущие сотрудники Института: Д.И. Мушкетов (Средняя Азия), С.С. Шульц (Южный Казахстан), А.Н. Чураков (Кузнецкий Алтай), Е.В. Павловский (Прибайкалье) (Геологический институт АН СССР..., 1929—1934, л. 34).

Срок работы Д.И. Мушкетова в ГИНе оказался очень коротким. 30 мая 1934 г. он направил в дирекцию письмо с просьбой освободить его от занимаемой должности с 1 июля. И повторно обратился 9 июля 1934 г.: «Моё заявление от 30-го мая с просьбой от освобождения от работы в ГИН я сегодня 9-го июля получил обратно с надписью Зам. дир. ГИН Д. Наливкина "Принять отказ считаю невозможным"». Своё решение Д.И. Мушкетов обосновал проблемами со здоровьем и загруженностью в учебном процессе, однако выразил готовность сотрудничать с ГИН, полагая, что наибольшую пользу «...мог бы принести по делам, связанным с подготовкой Международного геологического конгресса, если таковая вообще в ГИН будет вестись в том масштабе и направлении, какие нужны» (Геологический институт АН СССР..., 1929—1934, л. 38). Отставка Д.И. Мушкетова была принята.

После переезда Геологического института в Москву его возглавил академик А.Д. Архангельский. Руководство Отделом тектоники было поручено Н.С. Шатскому. Геологические исследования были продолжены в тех регионах, которые были намечены ещё в Ленинграде.

Д.И. Мушкетов продолжил работать в Ленинграде — читал лекции в Горном институте, работал в Сейсмологическом институте АН СССР и участвовал в большой организационной работе по проведению 17 Сессии МГК в Москве, намеченной на 20—29 июля 1937 г.

Этим планам не суждено было осуществиться. Д.И. Мушкетов был арестован незадолго до открытия 17 сессии МГК в Москве в 1937 г., и его имя как председателя первой международной тектонической комиссии — Комиссии земной коры — в сборнике трудов Конгресса отсутствует (Международный геологический конгресс..., 1939). Имя Д.И. Мушкетова не упоминалось по понятным причинам. Его судьба стала известна только в 1962 г. после обращения заведующего Лабораторией истории геологии ГИН АН СССР В.В. Тихомирова в компетентные органы. Получен ответ — Д.И. Мушкетов был расстрелян 18 февраля 1938 г. Реабилитирован 8 декабря 1956 г. Об этом знал ограниченный круг людей. Документ был опубликован только несколько десятилетий спустя (Соловьев, 2001).



# Стенограмма заседания Ученого Совета ГИН АН СССР

---

19 февраля 1936 г.

Председательствует проф. Н.С. Шатский

**Н.С. Шатский:** Товарищи, мы сегодня открываем цикл небольших сообщений, докладов, о том, как работают наши старшие товарищи, о том, как они творят.

Дело в том, что в стахановском движении, которое пытаемся мы перенести и в научную работу, есть несколько сторон. Первая сторона — это помощь стахановцам в промышленности. Эта сторона необычайно интересная и благодарная. Она совершенно ясна. Вторая сторона — организация самой научной работы, лабораторные работы. Уже первая неделя применения стахановских методов работы в этой области принесла необычайно хорошие результаты. Так что эта сторона, перенос стахановских методов работы в научную работу, вполне оправдывает себя.

Но есть ещё одна сторона, которая до сих пор не поддавалась учёту. Это сторона научной, творческой работы. Как вам всем хорошо известно, не только усилить эту сторону, но даже составить хороший план научной, творческой работы представляется до сих пор необычайно трудным. Вместе с тем эта сторона не должна быть оставлена без внимания, так как она по существу представляет главнейшую сторону научной работы. Как известно, и у нас, и за границей на эту сторону довольно давно было обращено внимание, и некоторые учёные, в частности Оствальд, посвятили большое внимание этому вопросу. Оствальд написал очень интересную книгу, так называемую ... [пропуск в тексте<sup>1</sup>]. Думаю, что изучение этой книги с несколько иной точки зрения, чем это делал Оствальд, несколько по-иному поможет нам, в конце концов, более сознательно подойти к вопросу о научном творчестве. То, что это необходимо нам, совершенно ясно, так как, если в области промышленности мы уже перекрыли значительно многие правительственные

---

<sup>1</sup> Возможно, имеется в виду: *Оствальд В.* Организация и организаторы / Пер. с нем.: В 2 ч. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1912—1913. — Прим. И.М.



*В.А. Обручев, 1937 г.*

нормы, то в области науки мы этим похвастаться не можем как со стороны оформления нашей работы, так и со стороны богатства тех идей, которые до сих пор даёт Западная Европа и Америка.

Мы пошли по такому пути: решили, прежде всего, чтобы нам доложили о своей творческой работе наши старшие товарищи, потом мы эти доклады размножим, тщательно продискутируем, сделаем соответствующие выводы и в заключительном заседании детально обсудим полученный материал. Эти доклады были организованы, главным образом, одним из наших товарищей, Павловским, и в дальнейшем постараемся по возможности расширить круг докладчиков.

Сегодня мы приступаем к первому докладу — докладу Владимира Афанасьевича.

**В.А. Обручев:** Товарищи, меня просили сделать сообщение о надлежащей организации научной работы на основании собственного многолетнего опыта. Большое количество выполненных мною научных работ наводит некоторых товарищей на мысль, что я обладаю какими-то особенными методами организации работы и что в настоящий момент в связи со стахановским движением необходимо поделиться с товарищами, научными сотрудниками, секретами моей работы.

Успехи стахановцев промышленности обуславливаются наиболее целесообразной организацией труда. Но я должен сказать, что никаких секретов я не могу вам сообщить, потому что их нет, и большая часть того, что я скажу, старшим товарищам вполне известно, а младшим, может быть, окажется бесполезным материалом.

Успешность научной работы обуславливается, прежде всего, тремя факторами: материальной базой, планомерностью и распределением рабочего времени.

Материальной базой является библиотека. За работой нужны книги, справочники по основным наукам, в нашем случае — геологии. Главное — руководства по геологии, физическое, историческое, по петрографии и т.д., которые каждый геолог должен приобрести для своей библиотеки. Но необходима также литература по специальной области, в которой данный человек работает. Например, я специально работаю по геологии Азии, в частности Сибири и Китая, и у меня была собрана новая литература по Сибири в виде отдельных сочинений, оттисков статей и журналов, которые печатались, соответствующих статей из *Известий Геологического комитета* с 1891 г., *Горного журнала* с 1886 г. и целого ряда иностранных и русских журналов. По Китаю и Центральной Азии моя библиотека является ещё более полной, в ней не хватает очень немногочисленных из всей литературы по географии страны.

Иные товарищи говорят: зачем заводить у себя, если всё это можно достать в разных других библиотеках. Но добыча книг из других библиотек сопряжена с громадными потерями времени. Во-первых, вы не знаете, в какой библиотеке имеется данная книга. Если даже и узнали, то желаемая книга может не оказаться на месте. Вы приходите раз, другой, третий, и всё время эта книга у кого-то в работе. Кроме того, во многих случаях в больших публичных библиотеках книги на дом не выдаются, и нужно производить всякие выписки на месте. А многое бывает очень часто нужно не один раз. Я испытал это, когда мне приходилось писать историю и географическое исследование Сибири в Москве. Очень часто нужных книг я не находил, в особенности книг, которых не было. Это по 18 в. и первым трём четвертям 19 в.

Итак, собственная библиотека, состоящая из основных сочинений по своей специальности и возможно большее количество сочинений по той области, в которой данное лицо работает, является необходимой материальной базой для успешной научной работы.

Необходимым дополнением библиотеки является картотека. Когда ваша библиотека разрослась до известной степени, тогда невозможно упомянуть, где, в каком журнале интересующая вас статья помещена. Поэтому необходимо иметь в картотеке не только запись всех книг, но запись всех статей, которые есть во всех журналах, имеющихся в вашей библиотеке, для того, чтобы возможно было очень быстро разыскать статьи, которые нужны. Желательно записать здесь не только то, что имеется у вас в библиотеке, но все статьи, которые интересуют вас, которые вы читали в журналах или рефератах. Таким образом, в вашей картотеке всё больше и больше будет накапливаться список литературы, которая может понадобиться вам.

У меня, например, в настоящее время накопилось 38 000 карточек, которые занимают в длину 5 метров 30 сантиметров. Благодаря этому я мог в «Полевой геологии» [Обручев, 1927] дать в конце каждой главы список специальной литературы, необходимой для данных глав, которая оказалась очень полезной для молодых работников.

Картотека необходима и для тех, у кого нет возможности завести свою библиотеку, так как она облегчает всякие поиски соответствующей литературы в других библиотеках, в особенности, если на карточке будет помечено, в какой библиотеке книга имеется, в каком журнале, в каком году [работа была опубликована].

Далее идет планомерность работы.

Когда вы взяли какую-нибудь тему, то прежде, чем приступить к её выполнению, необходимо обдумать и составить план, разделить тему на части, подобрать соответствующую литературу, которая понадобится, и затем приступить к выполнению работы по этому плану.

Для предварительных отчётов по специальным полевым исследованиям, которые производятся большинством геологов, план всем известен. Он публикуется на всех производствах. Например, частный случай. Недавно я написал статью «Молодость рельефа Сибири» [Обручев, 1936]. Во введении я очень кратко указал имеющиеся наблюдения в других странах, которые доказывают, что современная эпоха не является инорогенной, эпохой спокойствия, как принято думать, а орогенной. Затем после введения я проследил на основании литературы по Сибири все данные, которые подтверждают, что в настоящее время в Сибири происходят молодые движения. И дальше удалось, в известных пределах, наметить амплитуду этих движений в северной и южной полосе Сибири.

От планомерности зависит быстрота и полнота выполнения. Когда разработан предварительный план, и вы переходите от одной части к другой, тем самым наиболее полно развивается Ваша тема, что не исключает возможности возвращения к предыдущим частям.

Третий фактор — распределение рабочего времени. В этом отношении многое зависит от индивидуальных способностей данного научного работника. Одни работают преимущественно по утрам, другие — по вечерам, третьи — по ночам. С физиологической точки зрения наиболее целесообразно производить наиболее трудную работу утром, на свежую голову. Так я всегда поступаю. Утром, с 9 или 10 часов до двух часов дня, я исполняю наиболее трудную работу, затем делаю перерыв для обеда, прогулки и отдыха. С 5 до 11 — 12 часов [вечера] беру себе более лёгкую работу: всякую дополнительную работу, которую приходится выполнять, различные рефераты, отзывы, чтение новой ли-

тературы, выписка карточек, корреспонденция, которой у меня очень много, корректура печатающихся сочинений.

Если кроме главной темы возникает другая, то ей приходится уделять вечернее время в ущерб другим работам, иногда в ущерб главной теме. Этот порядок, конечно, нарушается различными заседаниями, конференциями, съездами Академии, которые занимают и утренние часы в ущерб планомерной работе. Благодаря этим нарушениям мои главные работы «Геология Сибири» [Обручев, 1935 – 1938] и «История геологического исследования Сибири» [Обручев, 1931 – 1949] продвигается не так быстро, как это было бы желательно.

Необходимо ещё сказать несколько слов об условиях, способствующих успешной работе. Таковыми являются хорошее знание иностранных языков. Я свободно читаю и понимаю без словаря немецкий, французский и английский языки. Поэтому использование мной иностранной литературы требует наименьшего времени. Немецкий и французский языки я знаю с детства, а английский язык выучил в студенческие годы. При пользовании словарём приходится очень много времени на это, и нужно рекомендовать молодым учёным скорейшее освоение иностранных языков.

Второе условие – порядок в рабочем помещении. Если у вас библиотека приведена в порядок, литература расположена по алфавиту, то наведение всяких справок при помощи картотеки требует минимум времени.

Третье. Спокойствие в рабочем помещении. Успешность работы зависит и от этого. Часто и посетители отрывают от работы, прерывают течение мысли, иногда в самом интересном месте. При современной перенаселённости квартир это спокойствие нарушается, и это является таким злом, с которым приходится мириться.

Четвёртое. Семейные условия. Если ваш супруг или супруга мало считаются с успехами вашей работы, отрывают вас для хождения в кино, театр и в гости, то это, безусловно, отражается на успехе вашей работы. Семейные ссоры, болезнь супруга или супруги отнимают немало времени.

Пятое. Большое значение имеют индивидуальные способности научного работника. Одни умеют работать успешно при неблагоприятных внешних обстоятельствах, несколько раз вновь исправляя данную работу. Другие работают медленнее, но зато всякие поправки вносят в уме. Такой научный работник в этот же промежуток времени даст гораздо меньше. Я, например, пишу без помарок. Мой труд идет в типографию без всяких поправок черновика. Я объясняю это тем, что течение мыслей у меня сравнительно медленное, так что я успеваю фиксировать их на

бумаге. В Томске<sup>1</sup> у меня был ассистент, который жаловался, что не поспевает за своими мыслями, приходится постоянно перерабатывать тему, вставлять поправки, дополнения. Я думаю, что он не является исключением. Такому научному работнику надо рекомендовать приглашать стенографистку или приобрести диктофон, фиксирующий на плёнке ваши мысли, и воспроизводить потом эту речь так медленно, как вы этого хотите. Такой диктофон, по-видимому, находится у меня в голове.

Большая производительность моего труда объясняется целым рядом благоприятных обстоятельств. Таковы: хорошая библиотека, большая картотека, знание иностранных языков, планомерная организация работы с максимальной утилизацией рабочего времени, порядок в рабочем помещении, очень спокойные квартирные и семейные условия, хорошее здоровье. Несмотря на мои 72 года мне приходится работать по 10 часов в сутки, иногда и больше, иногда без выходных. И наконец, индивидуальное качество: диктофон в голове.

**М.И. Сумгин:** Это всё внешняя сторона дела. Я, например, могу работать в любой обстановке, никакого внимания на обстановку я не обращаю. А вот как зарождается идея?

**З.А. Макеев:** Как докладчик считает, по-видимому, индивидуальные особенности каждого научного работника играют большую роль — как ни рационализируй свой труд, если человек не имеет таланта, он не напишет ничего?

**В.А. Обручев:** Успешность работы прежде всего зависит от индивидуальных качеств того или иного лица. Если он работает в той области, к которой склонен по своей природе, то эта работа будет более успешна, чем, если бы он работал в другой области. Так что тут ко всем с общей меркой нельзя подходить.

**А.Н. Чураков:** Я недавно узнал, что существует сочинение «Сибирские брифе»<sup>2</sup>. Какую роль они сыграли в Вашей работе?

**В.А. Обручев:** Я должен сказать, что «Сибирские брифе» — это не моё произведение, а произведение моей матери. Я писал ей из Сибири различные письма, и она из всего этого скомпоновала эту книгу, которую напрасно приписывают мне. Моя мать — немка. Ей я обязан хорошим знанием немецкого и французского языков. И по-немецки я пишу так же свободно, как по-русски. Это большой плюс для моей работы.

---

<sup>1</sup> В.А. Обручев преподавал в Томском технологическом институте в 1901 — 1912 гг. — *Прим. И.М.*

<sup>2</sup> «Сибирские брифе» — это «Сибирские письма», опубликованные П.К. Обручевой на немецком языке в 1893 г. На русском языке вошли в сборник «В старой Сибири» (Обручев, 1958). — *Прим. И.М.*



**С.Е. Колотухина:** Как полезнее при работе с книгой — составлять полный реферат какой-нибудь статьи или разбивать статью на ряд отдельных тем? Это первый вопрос.

Второй вопрос. Как нужно организовать своё время в смысле отдыха: лучше ли действительно делать отдых или переходить от умственной работы к какому-нибудь другому занятию, или же комбинировать резко противоположные занятия, но всё-таки умственного характера?

**В.А. Обручев:** На это можно ответить так, что, если есть время, то лучше делать целый реферат, но это потребует затраты большого количества времени, поэтому прежде всего надо затронуть вопросы, интересующие вас.

Во-вторых, в отношении времени. Утром — более трудной работой заняться, вечером — более лёгкой. Между этими работами — несколько часов отдыха.

**Ф.П. Саваренский:** Как лучше научному работнику организовать руководство научной работой наших сотрудников?

Во-первых, насколько наша высшая школа даёт соответствующее направление для научной работы? Следовало ли бы тут внести какие-нибудь элементы в смысле известного направления научной мысли, известных методов проработки, накопления материала и приведения его в научное обобщение?

**В.А. Обручев:** На последний вопрос я не могу ответить, потому что я от педагогики отстал. На это могут ответить другие, преподающие в настоящее время.

На первый вопрос — это вырабатывается в студенческие годы, когда человек переходит от изучения чужого материала к различным комбинациям, к обработке дипломной работы. Когда человек научится самостоятельно изучать вопрос, тогда он постепенно входит в научную работу. Тут важна помощь со стороны его руководителя, который будет указывать его недостатки, пробелы, литературу, наиболее лёгкие методы исполнения данной работы.

**Ф.А. Силин:** Как Вы считаете продуктивнее: работать над одной темой или одновременно над несколькими?

**В.А. Обручев:** Наиболее продуктивно будет, если работать над одной темой, чтобы не отрывать от неё совершенно. Но, с другой стороны, вторая тема, несколько отличающаяся или значительно отличающаяся, даёт настоящий отдых мозгу. Те клеточки, которые прорабатывали первую тему, будут отдыхать, другие клеточки будут работать. Это, может быть, будет целесообразнее. Я очень часто работаю одновременно по двум темам, причём вечером я выбираю более лёгкую работу.

**С.А. Юшко:** Какое Ваше мнение — преподавательская работа мешает научной работе или помогает? И в какой период эта работа является тормозящей или помогающей основной работе.

**В.А. Обручев:** Преподавательская работа помогает научной работе. Я сравнительно поздно сделался преподавателем (мне было 33 года), но благодаря преподавательской работе я гораздо более основательно изучил основы геологии, петрографию, историческую геологию, которые я знал раньше со студенческой скамьи. Это мне помогло в усвоении основ науки, так как к лекциям я должен был основательно готовиться. Эта работа мне стала мешать в том смысле, что она отнимала много времени.

**В.М. Шалфеев:** Владимир Афанасьевич отметил целый ряд предпосылок, которые должны содействовать успешности работы. Но с какой меркой следовало бы подходить к оценке научно-исследовательской работы для того, чтобы оценить её успешность.

**В.А. Обручев:** Надо подходить с точки зрения, что в ней является новым, насколько она полно выполнена, принималось при этом выполнении во внимание то, что было сделано раньше, является ли эта работа критикой того, что уже имеется, пристрастная ли эта критика или беспристрастная. Вот так надо подходить к оценке научной работы.

**С.А. Юшко:** Когда Вы начинаете какую-либо работу, что лучше сделать раньше — литературную сводку или стараться раньше получить факты своей работы, а потом на своих фактах обработать литературный материал? Например, если изучаешь какой-нибудь рудный район, лучше получить свои факты и их обработать, а потом перейти к изучению литературы по данному региону.

**В.А. Обручев:** Обязательно раньше изучать литературу по данному вопросу. Тогда вы будете полнее свою работу производить. Когда вы знаете все пробелы в этой литературе, вы знаете все спорные места, вы даёте что-нибудь новое, чтобы эти спорные вопросы разрешились.

**Д.Г. Сапожников:** Мне интересно знать, в связи с чем у Владимира Афанасьевича рождается та или иная идея? Любопытно было бы проследить этапы работы над каким-нибудь отдельным трудом.

**В.А. Обручев:** Как рождается идея? Она рождается сама по себе. Возникает она тогда, когда читаешь по данной теме имеющееся исследование, начинаешь замечать, что недостаточно проработано, недостаточно выяснено. Возникают новые вопросы, в каком направлении надо дальше работать, что нужно делать для изучения совершенно новой стороны данного вопроса, на которую до сих пор не обращалось внимания.

Об этапах работы я сказал. С самого начала — изучение литературы, а потом естественное развитие данной темы. С самого начала берётся тема в общих чертах, затем переходят к деталям. Показать эти этапы на каком-нибудь труде?

**Н.С. Шатский:** Палеозой Лены.

**В.А. Обручев:** «Палеозой Лены»<sup>1</sup> — описательная работа по литературным данным. На основании того, что собрано отдельными лицами, — общий вывод.

**В.С. Коптев-Дворников:** Как строить взаимоотношения между работниками при работе над коллективной темой?

**В.А. Обручев:** Если вы являетесь руководителем коллективной работы, прежде всего надо дать максимальную свободу каждому из сотрудников в зависимости от его индивидуальных наклонностей, не стесняя его своим направлением. Затем в беседе с ним критиковать и указывать недостатки, но не втискивать всех своих сотрудников в те рамки, которые вы ставили себе. Это может принести большую пользу.

**И.И. Катушенок:** Как Вы совмещаете научно-производственную работу с литературно-художественной?

**В.А. Обручев:** Это работа производилась поздно вечером или же в каникулярное время, когда я был совершенно свободен. Например, «Земля Санникова»<sup>2</sup> написана в Железноводске на отдыхе, когда я лежал в парке в тени деревьев. Другая работа, «Плутония»<sup>3</sup>, написана на даче под Харьковом. Вечерние часы для такого творчества более благоприятны. Но в последнее время благодаря перегрузке научной работой я этими произведениями почти не занимаюсь. Только при повторном издании произвожу корректуру, исправления.

**З.А. Макеев:** Считаете ли Вы возможным такое совмещение, не будет ли это в ущерб научной работе?

**В.А. Обручев:** Мой пример показывает, что как будто нет. Если не брать время для литературной работы в ущерб театрам и кино, это будет только наиболее целесообразно и полезно.

**В.С. Коптев-Дворников:** Владимир Афанасьевич, можно думать, что, отдыхая в Железноводске, ведя такую планомерную работу, Вы

---

<sup>1</sup> Вероятно, имеется в виду работа «Древнепалеозойские осадочные породы долины р. Лены между станциями Качутской и Витимской» (Обручев, 1892). — Прим. И.М.

<sup>2</sup> Обручев В.А. Земля Санникова, или последние онкилоны. М.: «Пучина», 1926. 325 с. — Прим. И.М.

<sup>3</sup> Обручев В.А. Плутония: Необычайное путешествие в недра земли. Л.: «Путь к знаниям», 1924. 364 с. — Прим. И.М.

по инерции писали роман. Чем это было обусловлено: внутренним настроением или известной методичностью?

**В.А. Обручев:** Это была внутренняя потребность. Меня навели на это романы Жюль Верна и Уэлса. Когда я их читал, уже давно хотелось самому что-нибудь написать. Я у Ж. Верна увидел грубые ошибки и тогда захотел написать роман. Тогда возникла «Земля Санникова». Мне захотелось написать что-нибудь более правдоподобное.

**А.И. Осипова:** Здесь несколько раз задавался вопрос о рождении идеи. Правильно ли я поняла, что идея рождается не благодаря тому, что человек талантлив, а благодаря тому, что он упорно работает над какой-то темой?

**В.А. Обручев:** Иногда идея возникает совершенно случайно по поводу чего-нибудь прочитанного или подмеченного в жизни. Затем это начинает заинтересовывать и захватывать.

**К.Е. Никифорова:** Владимир Афанасьевич говорил, что нужно оставлять и кино, и театр, и чтение художественной литературы для научной работы. Вы же себя сами оговорили в том отношении, что Вы пишете художественную литературу. Если бы Вы не посещали театр, кино, не читали бы беллетристику, то вряд ли бы это написали.

**В.А. Обручев:** В промежутке между утром и вечером есть время для развлечений. Затем можно уделять этому отдельные вечера, но не в избытке.

**Г.А. Мирлин:** Каково было соотношение полевых работ и работ по обработке материала в первый период Вашей работы после окончания ВТУЗ'а?

**В.А. Обручев:** Летняя работа продолжалась три-четыре месяца в поле. В Закаспийской области полевые работы продолжались 5 – 6 месяцев – остальное время на обработку материала. Но по окончании описания Закаспийской области я переселился в Иркутск и работал там как геолог Горного управления. За всю зиму можно было успеть обработать материал, так как не было старого материала, старой литературы было сравнительно мало, и новый материал можно было обработать за зиму. Но там, чем больше мы шли, тем больше собиралось материала, тем больше умножалась новая литература. Так становилось более затруднённым успевать обрабатывать в течение зимы тот материал, который собрал в течение лета. В Геологическом комитете давно говорили, что нужно после двух-трёх лет работы в поле давать целый год для обработки материала, иначе получается всё большее и большее накопление старого материала и значительное количество собранных данных теряет свой интерес.

## Обсуждение доклада В.А. Обручева

**М.И. Сумгин:** Всё-таки я думаю, что в этом вопросе надо различать две вещи: зарождение идеи и оформление идеи. Я думаю, что эти вещи совершенно разные. Зарождение идеи — чрезвычайно существенная вещь. Мне хотелось, чтобы в последующих докладах рассказали, как зарождается идея. К сожалению, мне приходится повторить то, что сказал Иван Петрович<sup>1</sup>. Когда ему исполнилось 80 лет, его спросили, как работать, он ответил; «Я непрестанно думаю над одним и тем же предметом. Если я занялся каким-нибудь вопросом науки, я всегда о нём думаю».

Если я занимался каким-нибудь вопросом науки, я всегда о нём думал. Читая роман Чернышевского «Что делать?»<sup>2</sup>, я думал о том, как он поступал в условиях вечной мерзлоты. Когда я думал над формулой вечной мерзлоты, то как-то я собирался на работу и пошёл садиться на трамвай, буквально не замечая окружающих, и чуть не попал под трамвай. Поэтому я бы сказал, что на почве непрестанного углублённого мышления мозговые клетки рождают новую идею. Возьмите идею деградации вечной мерзлоты. Она у меня в полусознательной форме зародилась еще в 1925 — 1926 гг.

Так что я думаю, что непрестанное мышление по поводу тех вопросов, которыми вы занимались, обдумывание их со всех сторон рождает соответствующую новую мысль.

**А.Н. Чураков:** Вопрос о зарождении идеи в геологии представляет собой вопрос, который интересовал очень многих учёных. Нужно сказать, что том ответ, который дал Михаил Иванович [Сумгин], действительно правильный. Я вспоминаю интересную книгу, которую я прочёл будучи мальчиком, и она осталась у меня в голове на всю жизнь. Это биография немецкого физика Германа Гельмгольца<sup>3</sup>. Когда в Германии праздновался его юбилей, ему говорили много речей и все хвалили его. Старик сидел и слушал. Когда приветственные речи закончились, он произнес свою замечательную речь. Я помню одно место из этой речи. Он говорит: «Да, без всякого ложного стыда я должен сказать, что в физике я оставил после себя большой след, и я часто думал о том,

---

<sup>1</sup> Имеется в виду И.П. Павлов. — *Прим. И.М.*

<sup>2</sup> Чернышевский Н.Г. Что делать: (Из рассказов о новых людях) // Современник. 1863. № 3 — 5. С. 5 — 142, 373 — 526, 55 — 197 с. — *Прим. И.М.*

<sup>3</sup> В 1925 г. вышли две научные биографии: *Зернов В.Д.* Герман Гельмгольц. М.; Л.: Госиздат, 1925. 100 с.; *Лазарев П.П.* Гельмгольц. Л.: Научхимтехиздат, 1925. 112 [1]. — *Прим. И.М.*

чем я обязан <...>, и после многих размышлений пришёл к выводу, что мой мозг ничем существенным не отличался от мозга других физиков, но есть одно обстоятельство, которое выгодно отличает меня от других исследователей: я обладаю способностью сосредотачивать своё внимание на одном вопросе в течение неопределенно долгого времени» [Источник не указан — Прим. И.М.]

Это подчёркивается признаниями и других крупных учёных. Талант талантом, но, в конце концов, это — дело труда. Это первая причина. Вторая причина в том, что можно развивать в себе путём долгих упражнений новые мысли и далее то, что я назвал бы способности к ассоциации. Это самое трудное и самое существенное. Но это, я бы сказал, чисто индивидуальная способность, она не может быть развита в одинаковой мере у всех. Удачные мысли часто очень многим приходят в голову, но вся беда в том, что мало кто из нас бывает Гельмгольцем. Так что мне кажется, что секрет заключается именно в этом. Случайные удачные идеи мне рисуются в виде пули, которые летят мимо вас, и, если у вас нет задерживающего экрана, эти пули полетят мимо.

Мне вспоминается случай, когда я был студентом первого курса Уральского лесотехнического института и интересовался ботаникой. Я помню, что во время одного из занятий по программе были рассмотрены крахмальные зёрна в поляризованном свете. Прошло пять лет, я окончил Институт и стал читать лекции на небольших фельдшерских курсах. Когда читаешь курс, то вспоминаешь прошлое, и, между прочим, рассказывая о строении клеток, я рассказал и о совсем ненужных фельдшерам крахмальных зёрнах. Через несколько дней я слушал доклад, поразивший меня своей оригинальностью, о строении некоторых органических и неорганических веществ, которые он обнаружил экспериментальным путём. Этот доклад произвел на меня очень сильное впечатление. Я пришёл домой, лёг спать и заснул с блаженной улыбкой на лице, весь отдавшись этому впечатлению. Просыпаясь утром ещё в состоянии полудремоты, я вдруг почувствовал, что мозг начинает работать над тем, с чем он заснул. Я вспоминал доклад, лекции о крахмальных зёрнах, и вдруг картина, которую я видел 10 лет тому назад, — кривые кресты в крахмальных зёрнах. Здесь было несколько этапов, и после каждого этапа оставалась такая печать, и в том, что всякое последующее связывалось с предыдущим, заключается зарождение. Можно ли это развить в себе? Я думаю, что можно. Для этого нужно то, что сделал Гельмгольц, а затем — богатство внешних впечатлений. Больше читать, больше разговаривать, больше наблюдать, и, если были пули, которые случайно прошли мимо вас, они через некоторое время заставят вас думать о них.

**Г.А. Мирлин:** Мне хотелось бы кратко остановиться вот на каком вопросе. Прежде всего — о зарождении идеи. У меня создалось впечатление, что об этом говорят, как о чём-то чуть ли не идеалистическом, возникающем совершенно внезапно в связи с какой-то ассоциацией, по какой-то причине. Конкретно в данную минуту, может быть, эта идея возникла ассоциативно, но, если бы она не возникла сегодня, то она возникла бы завтра. Почему? Потому что человек, научный сотрудник, работал в этом направлении длительный промежуток времени. Если бы он не работал в этой области, никакие ассоциации не помогли бы. Только на основании длительного промежутка времени, в течение которого данный человек работал над этой темой, на основании сбора огромного количества материала. Поэтому я считаю, что нельзя спрашивать, как зарождается идея. Какой пример можно привести? Архимед воскликнул «Эврика!» не только потому, что он сидел в ванне, а потому что он работал над этим продолжительное время.

Меня интересует вопрос о соотношении количества времени сбора фактического материала и количество времени, которое нужно затратить на обработку этого материала. Нужно оставлять после каждых двух-трёх лет работы более или менее взрослого геолога год для обработки этого материала, потому что почти каждый из нас (мы видим это на примере старших) с такими фактами, когда много чрезвычайно ценного материала пропадает, потому что не успевает обрабатываться. Вот соотношение между этими двумя моментами имеет решающее значение. Соотношение между полевым и камеральным периодами имеет большое значение.

Меня интересует вопрос о начинающих научных работниках и молодых сотрудниках. Тут надо обратиться к старшим товарищам. Начинающие научные сотрудники должны сами много работать над собой, знакомясь с большим диапазоном фактического материала, но совершенно необходимо руководство старших. Нужно, чтобы они не только не навязывали свои рамки, мысли, идеи и дали бы свободу, но и руководили бы в смысле ориентировки, знакомства с методикой, советовали, как оформлять ту или иную работу, как представить к печати. Все эти вопросы имеют чрезвычайно больше значение. Я обращаюсь к старшим товарищам от имени молодых, чтобы они оказывали нам возможную помощь в этом отношении.

**Н.С. Шатский:** Мне хотелось бы сказать несколько слов. Наши дебаты касались двух вопросов. С одной стороны, психология творчества — вопрос необычайно сложный. С другой стороны — организация научной работы. Но есть ещё промежуточная область между психологией творчества и организацией научной работы. А именно, как подходить к

новой работе, к новому труду, к новой теме. Как сделать так, чтобы эта тема дала бы что-нибудь новое в её разработке. И в этом отношении, мне кажется, у нас имеется довольно много данных и в литературе.

В этой области мне хотелось бы, прежде всего, указать на работу Чемберлена-отца, которую он опубликовал примерно лет 35 назад, будучи молодым геологом [Chamberlin, 1897 — *Прим. И.М.*]. В этой работе он подробно останавливается на том, как он работал всегда и почему он давал так много нового. А, как известно, школа Чемберлена является наиболее блестящей школой в Северной Америке с центром в Чикаго<sup>1</sup>. Он, между прочим, в этой статье говорит, что есть три сорта исследователей. Первые ездят в поле, собирают материал, начинают его обрабатывать, смотрят в микроскоп, определяют и т.д., но совершенно не пытаются дать сколько-нибудь новые выводы. Они довольствуются тем, что в процессе этой работы может быть сделан вывод, и данный вывод применяют к конкретному исследованию. Этот сорт геологов Чемберлен называет нищенствующим сортом и очень образно сравнивает со способом мышления примитивного народа.

Геологи второго типа подходят к своему материалу с определённой идеей, зародившейся у них под влиянием длительной работы над каким-нибудь предметом. Это мне несколько напоминает то, что говорилось здесь. Они много думают и с этой идеей подходят к материалу, часто дают много нового. Но для нас важно не только дать новое, но и новое определённого качества. Ведь можно дать бесконечно много нового, но определённого качества новое дать значительно труднее. Вот этот сорт геологов Чемберлен ставит во вторую категорию.

К третьей категории относятся исследователи особого порядка, исследователи, которых Чемберлен сам воспитал. Он говорит, что у этих исследователей работа заключается в том, что они, производя анализ собранного материала и проводя полевые исследования, не просто собирают материал, не просто определяют, а подходят к каждому предмету своего исследования с точки зрения множественных рабочих гипотез. Этот метод стал сейчас необычайно широко распространённым и очень широко пропагандируется в Америке. В чём это заключается? В том, что на основании богатого предшествующего опыта, изучении литературы и т.д. стремятся подойти к предмету не с какой-то зародившейся идеей, а с целым комплексом идей, комплексом рабочих гипотез. Причём, чем больше этих гипотез, тем больше результатов.

Далее Чемберлен сравнивает это с учением Дарвина о естественном отборе. Он говорит, что происходит отбор этих гипотез. Некоторые

---

<sup>1</sup> Университет Чикаго (шт. Иллинойс, США) основан в 1890 г. — *Прим. И.М.*



отбрасываются совершенно, другая группа гипотез, менее удовлетворительная с точки зрения имеющегося материала, тоже отходит, и, наконец, остаются несколько более или менее удовлетворительных. И тогда начинается одна из наиболее серьёзных частей работы, тогда геолог начинает по возможности обосновывать или всячески критиковать гипотезы на имеющемся материале.

Так что я думаю, что зарождение новых идей не просто так происходит. Это, несомненно, происходит на основании работы и на основании больших и очень сложных исследований. Но каждый должен стремиться не ухватить какую-нибудь идею, а на основании анализа ухватить массу идей, и только в этом случае возможна плодотворная работа.

Эта статья очень неплохая, я её читал давно. Знакомство с ней и подробный разбор был бы очень полезен для нас, потому что школа Чемберлена сделала очень много для геологии Северной Америки, в особенности для теоретической геологии.

**В.А. Обручев:** Заключительное слово.

Я в докладе очертил преимущественно внешние условия организации научной работы, наиболее благоприятные для неё. Но, как оказывается, аудиторию больше интересовали вопросы внутренние, именно психологии этого дела. И в этом смысле я аудиторию не удовлетворил, потому что я сам над этим вопросом, видимо, не думал. На дальнейших заседаниях можно будет вернуться к этому вопросу и в других докладах затронуть более подробно. Я сам над этим вопросом подумаю на основании своих примеров, и со временем удастся прийти к каким-нибудь определённым выводам в этом отношении.

**Н.С. Шатский:** Разрешите, товарищи, закрыть заседание и поблагодарить Владимира Афанасьевича.

(Аплодисменты)



## Комментарий составителя

После прочтения «Стенограммы...» может сложиться впечатление о неудовлетворённости аудитории докладом В.А. Обручева. Тем более что он сам, завершая выступление, признал непонимание поставленной задачи. Но если внимательно отнестись к докладу, особенно к его обсуждению, то, безусловно, этот исторический материал следует считать чрезвычайно интересным.

В.А. Обручев относился к исследователям того поколения, которые благодаря таланту и кропотливой работе буквально вручную собирали сведения о природных ресурсах огромной страны. Они были первыми героями эпохи «великих геологических открытий». Их было не так много по сравнению с той «армией» молодых геологов, которые были мобилизованы на ускоренное развитие экономики Советского Союза. Старшее поколение их обучало, но новые специалисты нуждались в советах по организации научной работы.

Доклад В.А. Обручева — это яркий пример встречи двух поколений геологов: талантливых учёных-одиночек и отряда молодых специалистов, нацеленных на комплексное изучение недр страны. В этой связи важным представляются заключительные слова председательствовавшего на Учёном Совете Н.С. Шатского, в какой то мере объединяющие подход В.А. Обручева и ожидания молодых сотрудников Института. Это — обращение к гносеологии.

*И.Г. Малахова*

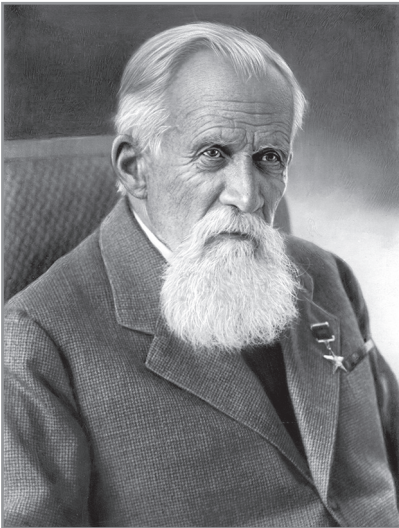


*В.А. Обручев*

**Отзыв о научной деятельности  
члена-корреспондента  
Академии наук СССР  
Шатского Николая Сергеевича**

---

Сохранившаяся оригинальная рукопись документа за подписью В.А. Обручева, к сожалению, не содержит даты. В тексте отмечены научные труды Н.С. Шатского до 1946 г. и, вероятно, документ был составлен В.А. Обручевым как обоснование выдвижения кандидатуры Н.С. Шатского на присуждение высокой государственной награды. В 1946 г. Н.С. Шатский стал лауреатом Сталинской премии второй степени за работу «Очерки тектоники Волго-Уральской нефтеносной области и смежной части западного склона Южного Урала» (Шатский, 1945б).



*В.А. Обручев (после 1945 г.)*

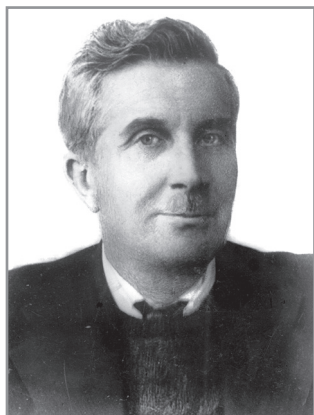
Член-корреспондент АН СССР заместитель директора Института геологических наук АН СССР и руководитель его тектонического отдела начал научно-исследовательскую работу по геологии в 1916 г. С тех пор им было много сделано для развития геологической науки вообще и для познания геологического строения СССР в частности. Его работы по изучению общих закономерностей геологического строения Европейской части СССР в целом, а также специальные работы по тектонике Донбасса, нефтяных районов Кавказа и Приуралья широко известны всем геологам СССР, а также за рубежом.

Являясь непосредственным преемником академиков А.П. Карпинского и А.Д. Архангельского в области изучения Русской платформы, Н.С. Шатский дал много новых идей и построений по сравнительной тектонике, так называемых платформенных участков земной коры. Оригинальные крупные научные работы выполнены Н.С. Шатским также по Казахстану и Сибири.

В настоящее время Н.С. Шатский является общепризнанным идейным руководителем советских геологов-тектонистов. Вокруг него объединилась в Институте геологических наук АН СССР большая группа молодых учёных, работающих под его руководством в области тектоники и истории развития структуры земной коры.

Преимущественно тектоническое направление научных интересов Н.С. Шатского определилось уже в самом начале его научной деятельности. Его первые работы в Нижнем Поволжье, Донецком бассейне и затем на Кавказе были посвящены главным образом вопросам тектоники. При этом весьма характерно, что уже в этих первых работах Н.С. Шатский выступил не только как мастер отличных региональных и морфологических описаний тектонической структуры изучавшихся им районов, но и как талантливый теоретик и методист. Так, например, уже в этих работах, опубликованных более 20 лет назад, Н.С. Шатский подробно развивал идеи о зависимости мощностей и фаций от тектонического и эрозионного рельефа, идеи, которые в наши дни являются основой любого анализа развития тектонических структур платформ и геосинклиналей. Известно, что эти идеи получили особенно широкое развитие в последние годы в трудах многих советских геологов.

В тех же ранних работах (1923 – 1924 гг.) на основании изучения распределения мощностей различных толщ карбона на площади Донбасса Н.С. Шатским впервые выведены известные сейчас закономерности изменчивости палеозойских отложений бассейна и, кроме того, были сделаны интересные выводы о длительности формирования основных складок Донбасса. Исследование это было опубликовано в 1924 г.<sup>1</sup> и сделано раньше немецких геологов Р. Бертинга, Г. Бетхера и других



*Н.С. Шатский. 1946 г.*

---

<sup>1</sup> Шатский, 1924. – *Прим. И.М.*

(1925 – 1930 гг.), на которых обычно ссылаются при разборе вопросов формирования и развития складчатости каменноугольных бассейнов.

В современной геотектонике большую роль играет сравнительно-тектонический метод, создателем которого в советской геологии может считаться Н.С. Шатский. Не говоря уже о работах последних лет, позволивших ему при помощи этого метода установить целый ряд новых принципиальных положений, касающихся истории развития Восточно-Европейской платформы, и вывести некоторые общие закономерности строения древних платформ вообще. Интересно отметить, что уже в одной из ранних работ, касающихся геологии Украины<sup>1</sup>, применение сравнительно-тектонического метода привело к открытию нового нефтеносного района. В этой работе внимание Н.С. Шатского привлекли загадочные Исачковский и Доманский холмы, через которые проходит одна из тектонических линий Карпинского. Вопросы тектоники этого района касались многие исследователи, но Н.С. Шатский, не побывав на месте, на основании литературных и сравнительно-тектонических данных, идёт в разрез со взглядами своих предшественников и высказывает смелую мысль, что в районе Ромен и Исачков мы имеем дело с соляными куполами, так хорошо известными в районах развития нефтяных месторождений. Произведенные позднее бурения показали правильность тектонических построений Н.С. Шатского.

В первый период своей научно-исследовательской деятельности Н.С. Шатский наряду с тектоническими работами выполнил ряд крупных стратиграфических работ, главным образом по меловым отложениям Донбасса и третичным отложениям Кавказа. Стратиграфия верхнемеловых отложений Донбасса, разработанная Н.С. Шатским более 20 лет тому назад, подтвердилась всеми последующими работами в этом районе. На Кавказе основные научные результаты стратиграфических исследований Н.С. Шатского заключаются: 1) в разработке стратиграфии палеогена Восточного Кавказа; 2) в установлении горизонтов майкопской свиты, хадумского яруса и др.; 3) в разработке стратиграфии миоцена Юго-Восточного Кавказа.

В дальнейшей своей работе Н.С. Шатский постепенно отходит от решения стратиграфических проблем, и всё его внимание сосредотачивается почти исключительно на вопросах тектоники. Он публикует ряд интересных и важных теоретических работ: «О неокатастрофизме»<sup>2</sup>, «Орогенические фазы и складчатость»<sup>3</sup> и другие, а также ряд ориги-

---

<sup>1</sup> Шатский, 1931. – *Прим. И.М.*

<sup>2</sup> См. Шатский, 1937а. – *Прим. И.М.*

<sup>3</sup> См. Шатский, 1937б. – *Прим. И.М.*

нальных работ по региональной геотектонике — Сибирь<sup>1</sup>, Арктика<sup>2</sup>, Казахстан<sup>3</sup>. Наибольшее значение имеют его многочисленные работы по тектонике древних платформ и в первую очередь — Восточно-Европейской платформы, по геологии которой Н.С. Шатский является лучшим специалистом в СССР.

Не останавливаясь на более ранних работах этого цикла, следует подробнее сказать о последних работах Н.С. Шатского по тектонике платформ — «Основные черты строения и развития Восточно-Европейской платформы»<sup>4</sup>, «Очерки тектоники Волго-Уральской нефтеносной области»<sup>5</sup>, «О сравнительной тектонике Северной Америки и Восточной Европы»<sup>6</sup>.

Как известно, геологии Восточно-Европейской платформы посвящено огромное количество работ, в том числе работ таких классиков русской и мировой геологии, как А.П. Карпинский и А.Д. Архангельский. Некоторые стороны её могут считаться изученными блестяще, как например, стратиграфия и палеогеография кайнозоя и мезозоя, отчасти стратиграфия верхнего палеозоя. Наряду с этим, однако, имеется ряд крупнейших вопросов тектоники платформ, которые и донныне освещены были слабо.

Так, несмотря на обилие и разнообразие присущих платформам тектонических деформаций, они не были должным образом систематизированы и генетически истолкованы. Чрезвычайно мало сделано было в области истолкования состава и структуры докембрийского фундамента платформы и в расшифровке соотношений его с прилегающими (послепротерозойскими) сооружениями. Наконец, вся постальгонгская тектоническая эволюция платформы рисовалась в очертаниях, достаточно общих и мало определённых. Названные проблемы затрагивались исследователями обычно лишь попутно при общем описании геологии платформы и, понятно, разбирались лишь вскользь, нередко без достаточных фактических данных и, главное, без надёжного метода исследования.

Особенность многолетних исследований Н.С. Шатского, сведённых в разбираемых его работах последних лет, составляет то, что они целиком направлены на разъяснение как раз перечисленных [выше]

---

<sup>1</sup> См. Шатский, 1932. — *Прим. И.М.*

<sup>2</sup> См. Шатский, 1935. — *Прим. И.М.*

<sup>3</sup> См. Шатский, 1938. — *Прим. И.М.*

<sup>4</sup> См. Шатский, 1946. — *Прим. И.М.*

<sup>5</sup> См. Шатский, 1945б. — *Прим. И.М.*

<sup>6</sup> См. Шатский, 1945а. — *Прим. И.М.*

мало разобранных основных проблем тектоники Русской платформы. Уже это обеспечивает им особое и почётное место в советской геологической литературе.

Ещё более выделяется их новый в советской литературе, впервые им разработанный, метод структурно-фациального анализа тектонических проблем — метод, в котором гармонично сочетаются, дополняя друг друга, чисто геометрический анализ структур с анализом формаций, слагающих эти структуры, и с анализом мощностей осадочных свит. При этом тектонический анализ Русской платформы ведётся Н.С. Шатским не изолированно от окружающих её складчатых сооружений, а сравнительно с ними, а также в сопоставлении с данными по тектонике других платформенных образований, что придаёт полученным выводам большую глубину и значительность. С методической стороны исследования Н.С. Шатского по Русской платформе, как и по другим районам, о чём уже упоминалось выше, являются выдающимися не только в русской, но и в мировой геологической литературе.

Применение нового более совершенного метода исследования, а также учёт обширных новых материалов глубоких буровых скважин позволили Н.С. Шатскому разобрать современную тектонику Русской платформы и историю ее развития с несравненно большей полнотой и убедительностью, чем было до сих пор. Докембрийский фундамент платформы в его работах впервые потерял свою экзотичность в смысле состава и строения и включился как новое дополнительное звено в общую цепь складчатых (альпийских, герцинских, каледонских) структур, подчиняясь общим закономерностям, свойственным этим зонам. Впервые с полной чёткостью выявлены специфические черты деформаций каледонского, герцинского и альпийского этапов развития платформы и установлены пространственные и генетические соотношения этих деформаций. Сами ограничения платформы и её переход в соседние складчатые сооружения впервые приобрели под пером Н.С. Шатского недостававшие им ясность и документальную обоснованность. Эти достижения позволяют рассматривать исследования Н.С. Шатского как делающие эпоху, открывающие новый этап в познании Русской платформы вообще. Я не сомневаюсь, что они (как и более ранние исследования) надолго будут образцовыми и руководящими для советских геологов и по методу работы, и по обилию идей в постановке и трактовке множества частных вопросов.

Поскольку поиски и разведка ряда таких основных полезных ископаемых, как нефть, газ, вода, угли и других, теснейшим образом связаны с правильными представлениями о тектонике платформы, естественно, что исследования Н.С. Шатского имеют не только круп-

ный теоретический, но и прямой практический интерес, давая богатый материал для прогноза поисков на этой территории перечисленных полезных ископаемых.

Следует отметить ещё одну сторону деятельности Н.С. Шатского как учёного. Он, отличаясь широтой своих научных интересов, является одним из очень немногих геологов, работающих в области истории геологических знаний. В этом отношении интересны его работы, характеризующие Ч. Дарвина как геолога<sup>1</sup>, а также работы о жизни и деятельности крупнейшего английского геолога прошлого столетия Р. Мэрчисона<sup>2</sup> и академика А.Д. Архангельского<sup>3</sup>.

Помимо научной деятельности Н.С. Шатский с 1918 г. непрерывно ведёт педагогическую работу (Московская горная академия, Московский государственный университет, Московский геологоразведочный институт). За время своей многолетней педагогической деятельности Н.С. Шатский воспитал и подготовил многие сотни инженеров и геологов и непосредственно участвовал в организации преподавания геологии в высших учебных заведениях нашей страны.

Всё сказанное позволяет мне сделать вывод, что в лице Н.С. Шатского мы имеем крупнейшего геолога нашей страны, лучшего специалиста по тектонике, руководителя большой объединённой им школы геологов, успешно работающих в Институте геологических наук АН СССР и других учреждениях.

Академик *В.А. Обручев*



---

<sup>1</sup> См. Шатский, 1936. — *Прим. И.М.*

<sup>2</sup> См. Шатский, 1941. — *Прим. И.М.*

<sup>3</sup> См. Шатский, 1944. — *Прим. И.М.*



# Стенограмма заседания отделов минералогии и геохимии 20 мая 1952 г., посвящённого седьмой годовщине со дня смерти академика А.Е. Ферсмана

---

Предлагаемый вниманию читателей документ из фондов Группы истории геологии, к сожалению, сохранился не полностью — отсутствует доклад О.М. Шубниковой. Но с его содержанием можно ознакомиться в публикациях это автора (Шубникова, 1946 и др.). Особый интерес представляет развернувшаяся на заседании дискуссия, в которой были отмечены принципы работы А.Е. Ферсмана и актуальные научные проблемы того времени.

Текст документа сохранен полностью, внесены лишь изменения в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации и ссылки на упоминаемые публикации.



*Ф.В. Чухров*

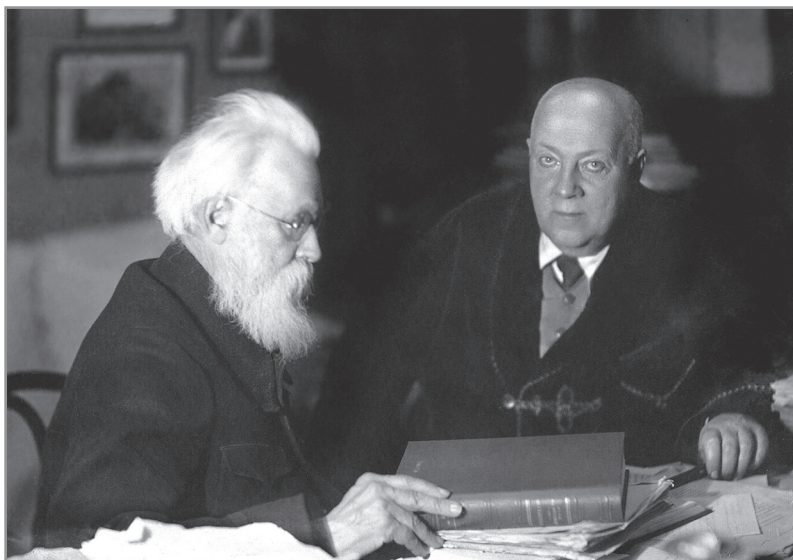
Председательствует т. Чухров Ф.В.

**Председатель:** Разрешите начать заседание отделов минералогии и геохимии, посвященное седьмой годовщине со дня смерти А.Е. Ферсмана — нашего бывшего руководителя отделов минералогии, геохимии и директора Института<sup>1</sup>.

Слово для доклада «Направление геолого-минералогических работ А.Е. Ферсмана и сопоставление их с некоторыми заграничными работами» предоставляется О.М. Шубниковой.

---

<sup>1</sup> 1942 — 1945 гг. — Прим. И.М.



*В.И. Вернадский, А.Е. Ферсман. 1940 (1941?) г.*

**О.М. Шубникова:** Текст доклада в Стенограмме отсутствует.

**И.И. Гинзбург:** Мы должны вернуться к осуществлению мыслей Александра Евгеньевича, изложенных в его книге «Геохимия» (Ферсман, 1922). Вся эта работа направлена на сопоставление топографической геохимии на базе геологии и минералогии, что, в конечном счёте, даёт возможность делать прогнозы. За это дело следует взяться, начав с небольших районов, уже хорошо изученных. Это будет исключительно интересно, и тут мы пойдём по пути, который нам указывали Владимир Иванович [Вернадский] и Александр Евгеньевич [Ферсман].

**Н.И. Володавец:** Мне недавно попалась на глаза старая записка: «21 мая посадили горох и овёс». Александр Евгеньевич имел обыкновение, изучая и просматривая литературу, выписывать всё то, что ему нужно, и передавал такие записки сотрудникам по интересующим их районам: Евгении Исааковне — слюды, глины; Екатерине Евтихиевне [Костылёвой-Лабунцовой — Прим. И.М.] — по её специальности и т.д. Как-то приносит мне Александр Евгеньевич книгу какого-то норвежца и говорит: «Прочтите и повторите». Я норвежского языка не знаю, достал словарь, посидел-посидел, и удалось мне всё же выяснить, что в Норвегии были проведены опыты с использованием слюдяного сланца при посевах гороха и овса. Александр Евгеньевич дал мне задание повторить эти опыты. Нужно было подобрать чистый морской песок,

который бы не содержал калия и фосфора, и взять азотистые и фосфористые удобрения, но без кальция.

Приготовил я соответствующее количество банок и посадил горох и овёс. Растения появились. Александр Евгеньевич живо интересовался этим: «Растёт?! Растёт! Развивается, развивается. Очень хорошо! Блестяще!». Там, где содержались слюдяные сланцы, растения пошли лучше, без них овёс и горох росли хуже. Но до конца опыты мне довести не удалось. Лето было жаркое, я был отпущен в отпуск, и растения погибли, а, может быть, и я оказался плохим экспериментатором, так как с агрохимией незнаком.

Этот случай показателен в том отношении, что Александр Евгеньевич всегда хотел повернуть минералы на пользу человеку. Мне бы хотелось напомнить здесь, каким он был вдохновителем в использовании минералов Хибинских тундр. Мы, «старики», отлично помним, как трудно было вначале доказать возможность применения апатита. Как волновался Александр Евгеньевич, доказывая возможность использования апатита для суперфосфата. Была теория, доказывавшая, что из апатита суперфосфат получить нельзя.

Тревожило также Александра Евгеньевича то обстоятельство, что слишком много нефелина, и его нужно также как-то использовать. Поставили опыты по использованию этих песков для производства стекла и керамики. Алюминия в стране в то время не добывали. Званковское месторождение находилось в периоде исследований, а здесь довольно удачные бокситы. Александр Евгеньевич несколько раз говорил, что надо заняться извлечением глинозёма из нефелина. Я, признаться, был скептиком и думал, что 30% глинозёма плюс некоторое количество щелочей — это будет почти невозможно использовать. Французские бокситы содержат 60%. Тогда, в 1929 г. Александр Евгеньевич предложил мне поехать в Хибины вместе с Лабунцовым.

Когда я приехал в Хибины и увидел, как много там нефелина, у меня сразу же интерес к этой проблеме сильно возрос, и я принял участие в работе по получению окиси алюминия из нефелина. Александр Евгеньевич очень интересовался моими опытами. Я испытывал большие затруднения, так как не мог достать электропечь, которая давала бы достаточно большие температуры. Александр Евгеньевич сам написал письмо к товарищу Ворошилову, и через некоторое время такая печь была нами получена.

Александр Евгеньевич стремился использовать нефелин в разных направлениях, и для этой цели был привлечён ряд сотрудников со стороны. Так Белов занимался с помощью нефелина дублированием кож, Волков [П.А.] — по кислотным методам и т.д.

Вот эта сторона деятельности А.Е. Ферсмана как-то забывается нами и недостаточно освещена.

**П.А. Волков:** Мне также хочется продолжить воспоминания об Александре Евгеньевиче и вспомнить о нём как о вдохновителе и организаторе нашей промышленности, в то время несколько отстающей.

Этот эпизод относится к возникновению серной промышленности в России. А.Е. Ферсман вернулся с одного из рудников в Фергане и сказал, что я поеду вместе с ним на месторождение, чтобы выяснить, нельзя ли там заняться выплавкой серы. Мы приехали, я взял пробы и вернулся в Шор-Су, а Александр Евгеньевич отправился еще дальше в Каракумы. Это была его первая поездка в эти края<sup>1</sup>.

Первые выплавки серы начались на руднике в Фергане. Затем я вернулся в Ленинград, и Александр Евгеньевич привёз мне образцы серы из Каракумов. В начале 1926 г. мне удалось найти метод выплавки серы. Александр Евгеньевич немедленно направил меня в ВСНХ и в Президиум [АН СССР], чтобы я доложил там об этом методе и добился получения денег для экспедиции в Каракумы.

В том же 1926 г. была отправлена большая экспедиция тов. Щербакова<sup>2</sup>, ботаника, минералога, и я там занимался выплавкой серы. В июне 1927 г. А.Е. Ферсман поставил вопрос о создании опытного серного предприятия в Каракумах. Я в том же году выехал в Баку и занялся там организацией завода. В Шор-Су опытные работы дали хорошие результаты. Александр Евгеньевич организовал большую экспедицию в Каракумы для выяснения возможности строительства там большого завода. Эта экспедиция вернулась в 1929 г. Завод был построен в 1932 г., его пустили в ход, и таким образом была создана серная промышленность в СССР.

А.Е. Ферсман возбудил вопрос в Механобре о способах обогащения серы. В Шор-Су был построен ещё больший завод, чем в Каракумах. Но и этим дело не закончилось. Александр Евгеньевич решил, что надо обследовать месторождение под Самарой. В 1934 – 1936 гг. были закончены разработки месторождения, залежи оказались солидными, и там тоже был построен завод.

Серная промышленность развивалась, а до 1925 г. ни одного куска серы в России не было. Были лишь попытки организовать такое предприятие в 1890-х годах, но сера не появилась. Таким образом, А.Е. Ферсман являлся не только вдохновителем, но и прямым организатором серной промышленности в СССР. Только при его участии мы добились

---

<sup>1</sup> Первая экспедиция А.Е. Ферсмана в Среднюю Азию – 1924 г. – *Прим. И.М.*

<sup>2</sup> Экспедиция Д.И. Щербакова к Серным буграм. – *Прим. И.М.*

этого. Нужно учесть, что сера имеет колоссальное значение не только для промышленности, но и как стратегическое сырьё. Вот мне и захотелось вспомнить об этих событиях.

**И.И. Гинзбург:** В этом направлении мне также хочется вспомнить некоторые события. Глину возили мы раньше из-за границы, песок из Бельгии, огнеупорные глины из Англии и Германии. Александр Евгеньевич всегда возмущался этим. Работа КЕПС в основном и заключалась в том, чтобы помочь нашей нерудной промышленности. На заседаниях комиссии, кроме Александра Евгеньевича, Дмитрия Ивановича [Щербакова], Екатерины Евтихиевны [Костылёвой-Лабуцовой], Эльзы Максимилиановны [Бонштедт-Кушлетской] и меня, присутствовал ещё ряд лиц и приглашали представителей промышленности для того, чтобы выяснить у них, где и какая им нужна помощь. Тома *Трудов КЕПС* были плодом [работы] огромного количества людей, привлечённых к работе Комиссии.

А.Е. Ферсман интересовался не только нерудной промышленностью, но и промышленностью цветных металлов, Трестом самоцветов<sup>1</sup>. Он пропагандировал необходимость внедрения самоцветов в металлургическую промышленность и другие производства. Не приходится говорить о редких металлах. Тут он толкал всю работу, давал теоретические обоснования, консультировал и всё время помогал различным трестам. Вообще в области нерудной промышленности, самоцветов, цветных металлов А.Е. Ферсман сыграл огромную роль, но об этом как-то мало говорят, это проходит мимо.

Много внимания уделял Александр Евгеньевич и развитию национальной промышленности. Я помню одну совместную поездку с ним в Чебоксары и в Татарию. Нужно было помочь Чувашской Республике в развитии национальной промышленности. Всюду мы ездили по ужасно паршивым дорогам, никаких особых металлов там нет и организовать что-либо трудно. Но поездив по их отвратительным дорогам, мы решили, что так дальше существовать невозможно. В первую очередь должны быть построены хорошие дороги, хотя бы для развития сельского хозяйства. Явилась мысль, что у них много известкового камня, которым можно замостить дороги, что сразу же облегчит всякие сношения с внешним миром. Может быть, несколько лет тому назад вы читали, что Татария и Чувашия первые вышли на строительство дорог, а это была идея А.Е. Ферсмана, которая теперь осуществляется.

---

<sup>1</sup> Общество для содействия развитию и улучшению кустарного гранильного и шлифовального промысла «Русские самоцветы» было создано в 1912 г. С 1922 г. — Государственный трест «Русские Самоцветы». — *Прим. И.М.*

Необходимо упомянуть еще о пропаганде и популяризации. Когда мы были в Свердловске, Александр Евгеньевич предложил мне пойти к самоцветчикам. Как только хозяин его увидел, сразу посадил на «красное» место и вынул из кованого сундучка разные тряпочки, в которые были завернуты минералы. Тут же рядом сидела маленькая девочка, дочка этого горщика Зверева. Горщик рассказывал, где и когда он нашел [минералы], а девочка не сводила глаз с Александра Евгеньевича. Он её и спросил: «Что ты так на меня смотришь?». А она ответила: «Камушки красивые». Тут Зверев и сказал: «Ты много, Александр Евгеньевич, пишешь, написал бы и для детей, как искать камни и как они называются».

Александра Евгеньевич ответил на эти слова, и через некоторое время вышла его книга о камне для детей [Ферсман, 1928].

**Г.С. Грицаенко:** Когда мы слушаем рассказ о научной деятельности Александра Евгеньевича, в том числе и интересный доклад Ольги Михайловны [Шубниковой], всегда создается ощущение удивительной современности его идей. Александра Евгеньевич ставил ряд тем, целый ряд задач по топоминералогии, и замечательна практическая направленность этих работ.

Сейчас, как никогда, минералогия поставлена на службу промышленности и должна работать на нужды народного хозяйства. Задача изучения минералов в их природной обстановке, извлечение из них всех практических возможностей — всё это звучит так, будто произнесено только сейчас. Мы много говорили о методологическом направлении в науке и о методологической основе. Александра Евгеньевич также касался этого вопроса. Его самые ранние работы по магнезиальным силикатам, написанные в 1912 г., уже говорят о том, что минерал должен изучаться в естественной минералогической обстановке, в которой рождается, в связи со всем комплексом минералогических явлений, которые происходят на данном участке земной коры. На протяжении всей своей жизни Александра Евгеньевич изучал минералогию в полном комплексе и ставил те вопросы, которые в первую очередь освещаются наукой. У нас же часто товарищи стремятся оторвать минерал от окружающих его процессов и уйти в рост кристаллов, считая, что в этом основная задача генетической минералогии.

Но что еще было замечательного в творчестве А.Е. Ферсмана — это его деятельность как просветителя. Он удивительно чувствовал новое, он умел видеть ростки нового — методики, направления, идеи. К сожалению, это чувство нового часто отсутствует у наших руководителей сейчас. Удивительно, что у Александра Евгеньевича всегда находилось время на научное заседание, на созыв конференции, просмотр докла-

да, на приём сотрудников. Он и сам приходил на места к работникам и смотрел, кто что делает. Почему у наших руководителей сейчас ни на что не находится времени? Почему руководитель отдела геохимии Сауков сегодня не присутствует на этом заседании, которое бывает один раз в год? А.Е. Ферсман должен служить живым упрёком тому безобразному положению, когда ведущие работники не находят времени, чтобы прийти и отметить память своего учителя. Для таких дел должно найтись время.

Когда мы вспоминаем Александра Евгеньевича, мы должны говорить и о том, что постоянно помним этого замечательного человека, отсутствие которого мы чувствуем до сих пор и будем чувствовать ещё много лет пока история не выдвинет такую же яркую фигуру, какой был Александр Евгеньевич. Наша задача — изучать научное наследие А.Е. Ферсмана, — и в такие дни мы должны потребовать от наших научных руководителей в дни, святые для нас всех, чтобы у них нашлось время, когда мы вспоминаем человека, являющегося гордостью не только советской, но и мировой науки, побыть вместе с нами.

**О.М. Шубникова:** Мне хочется прочесть выдержку из письма В.И. Вернадского, которое он написал своей жене. В 1911 г. Владимир Иванович едет в Миасс и должен был там встретиться с Александром Евгеньевичем. Как раз в это время началась ревизия в Московском университете. Александру Евгеньевичу пришлось сдавать музей и библиотеку, весь инвентарь. Из-за этого произошла задержка. Необходимо здесь оговориться, что В.И. Вернадский был весьма пунктуален, и, если встреча на Урале была назначена на 16 мая, то это должно быть твёрдым<sup>1</sup>. 6 июня 1912 г. В.И. Вернадский написал жене с Урала, что «вместо 5-го Ферсман приедет сюда 7-го» (Вернадский, 2007, с. 101). После его прибытия поехали на месторождение в Алапаевский завод, где «... Ферсман первый нашёл тот минерал, для изучения которого приехали сюда» (Вернадский, 2007, с. 103). В письме от 20 июня 1912 г. В.И. Вернадский сообщил, что «...сегодня вернулся из поездки с Александром Евгеньевичем. Мы быстро и точно сделали всё, что нужно <...>. Так приятно, что с ним не теряешь времени» (Вернадский, 2007, с. 109).

Это очень яркое подтверждение «цены времени», которое всегда чувствовали и В.И. Вернадский, и А.Е. Ферсман.

**И.И. Гинзбург:** В 1928 г. Александр Евгеньевич был в Свердловске и хотел там посетить изумрудные копи. Мне пришлось уехать на два

---

<sup>1</sup> В 1911 г. А.Е. Ферсман не приехал в Миасс. Его совместная с В.И. Вернадским поездка на Урал состоялась летом 1912 г. Цитаты приводятся по тексту писем В.И. Вернадского Н.Е. Вернадской (Вернадский, 2007). — *Прим. И.М.*



дня раньше. Следует отметить, что уже тогда у Александра Евгеньевича было неважное сердце, и я, уезжая, предупредил, чтобы его ни в коем случае не пускали в копи, так там очень узко и тесно. Но всё оказалось ни к чему, так как Александр Евгеньевич, конечно, в копи полез и сам всё облазил.

**С.Г. Григорьева:** 20 лет тому назад я не была седой, была значительно моложе. Попала я в экспедицию на Кольский полуостров, чтобы организовать там лабораторию. Пригласила меня Ольга Анисимовна [Воробьева] и говорит: «Увидите там Александра Евгеньевича». А я ответила: «Я не пойду, я боюсь». В то время никаких секретарей, кроме Марии Андреевны, которую все звали Маришей, не было. Она меня схватила и стала подталкивать: «Идите, идите». Пришлось пойти. Тогда никакой лаборатории в Хибинах еще не было, платину я везла в кармане и ночью клала себе под подушку. Когда приехал Александр Евгеньевич, все должны были подниматься в пять утра. Он сам всех поднимал: «Вставайте все, скоро поедем!». Полезли мы как-то на один объект, и все очень устали. Александр Евгеньевич меня спрашивает: «Ты устала? А вот один поэт сказал: Там, там по горам идёт гиппопотам». Все засмеялись и пошли дальше.

У нас была очень интересная тема — получить глинозём из нефелина. Я работала с серным газом, ещё группа — с серной кислотой. Александр Евгеньевич живо интересовался нашей работой. Однажды он даже заставил приехать к нам Бардина, которому мы должны были показать всё, что получилось. Он заинтересовался применением нефелина в практике. Была организована выставка, где были представлены дублённые нефелином кожаные ремни, отрез сукна, нефелиновая бумага, чашки, блюда, стекло, бутылки и даже глинозём Петра Андреевича Волкова. Эти интересные работы как-то заглохли.

Очень жаль, что в такой торжественный день собралось так мало народа. Это — святой день, который мы должны всячески чтить. На каждом шагу мы чувствуем, что с нами нет Александра Евгеньевича, и мы всегда его помним.

**Председатель:** Если больше нет желающих высказаться, разрешите поблагодарить Ольгу Михайловну за её сообщение, а также остальных товарищей.

Заседание можно считать закрытым.





# ВОСПОМИНАНИЯ СОТРУДНИКОВ ИНСТИТУТА

*Н.М. Чумаков*

## **ИГН в 1945 г. и Забайкальская экспедиция**

---

Весной 1945 г., за несколько недель до Дня Победы, Володя Григорьев и я впервые переступили порог Геологического института. Тогда он представлял собой небольшое трёхэтажное здание конструктивистского облика, покрытое тёмно-серой рифлёной цементной штукатуркой. Здание это было значительно короче современного и располагалось между сохранившимися до сих пор двумя старыми лестничными клетками: одной — позади современного зала заседаний, а другой — у двери, ведущей во двор. Окна первого этажа лишь немного возвышались над тротуаром. Единственный вход в Институт был со двора. В проходной, которая ютилась перед современным лифтом, висела табельная доска, на которой сотрудники должны были перевешивать свои номерки при приходе и уходе. У доски сидела пожилая женщина-вахтёр в поношенной солдатской форме.

Анна Григорьевна Коссовская привела нас, студентов первого курса Московского нефтяного института, в ГИН, чтобы устроить на лето в экспедицию коллекторами. Это было наградой, обещанной нам за отлично сданные зачеты по минералогии и петрографии.

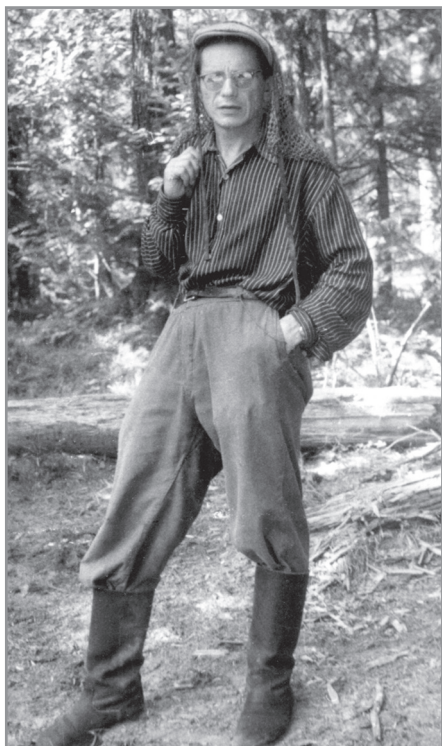
ГИН и современный ИГЕМ составляли тогда единый Институт геологических наук АН СССР, который размещался в тех же двух зданиях, что и сейчас. ГИН только что вернулся в Москву из эвакуации. Все его

коридоры и частично лестничные площадки от пола до потолка были заставлены шкафами, витринами и ящиками с образцами. Оставались только узкие проходы, по которым нередко приходилось пробираться боком. Шкафы и витрины с образцами были в начале войны вынесены из рабочих кабинетов, а разделявшие кабинеты внутренние переборки сломаны. Все три этажа здания представляли большие цеха. В годы войны в ГИН располагался радиозавод. В то время сохранялось лишь два-три административных кабинета. В них позже были поселены некоторые сотрудники Института, потерявшие свои квартиры в результате бомбёжек.

Загромождённые коридоры вызывали страшное возмущение у появившихся время от времени пожарных инспекторов. Они требовали все шкафы, ящики и витрины вынести на улицу. Им объясняли, что это очень, очень ценные коллекции, которые погибнут под открытым небом. Иногда происходили анекдотические разговоры. «Да ничего не сделается с этими костяшками», — говорил инспектор, указывая на бедренные кости мамонтов. Ему отвечали, что эти кости трогать нельзя, поскольку они принадлежат Громову. Потрясенный до глубины души инспектор только и мог в ответ произнести: «Да-а? Здоров же он был. Настоящий герой!».

Анна Григорьевна устроила нас коллекторами в отряд Марины Сергеевны Нагибиной, которая в составе Забайкальской экспедиции изучала тогда вольфрамо- и молибденоносные граниты.

Марине Сергеевне было в то время 30 лет, но она уже считалась большим знатоком геологии Забайкалья. На нас с Володей Марина Сергеевна произвела большое впечатление своей решительностью, стремительной энергией и необычайной доброжелательностью. Во время войны ИГН работал по заданиям Совета по изучению производительных сил



*Н.М. Чумаков. Прибайкалье.  
1967 г.*



*М.С. Нагибина  
(после 1944 г.)*

АН СССР (СОПС), который координировал изучение стратегических ресурсов, поэтому довольно хорошо финансировался и имел некоторые льготы.

Забайкальская экспедиция выезжала в поле 24 мая 1945 г. Для её отрядов был забронирован целый плацкартный вагон в экспрессе Москва – Владивосток. Мы с Володиёв досрочно сдали оставшиеся экзамены и включились в подготовку экспедиционного снаряжения. В стране еще существовала карточная система снабжения, а экспедиции получали продукты непосредственно на складах. Студенческих продовольственных карточек было явно недостаточно для про-

питания в тайге, поэтому мы были зачислены не как коллектора, а как старшие научные сотрудники, которым полагались пайки побольше. Таким образом, наша карьера в ГИН началась сразу с должности, которая в то время была самой высокой для научных работников и которую в действительности мы получили лишь два десятилетия спустя.

Экспресс Москва – Владивосток по расписанию должен был идти до Владивостока 12 суток. Однако уже в пункт нашего назначения Петровск-Забайкальский он пришёл с опозданием в 7 суток. Вся Транссибирская магистраль была забита военными эшелонами. Наша армия перебрасывалась на восток к границам Маньчжурии. Победители Гитлера чувствовали себя сильными и раскованными, много пили и очень шебутили. Комендантским патрулям на всех станциях приходилось очень и очень нелегко. Эшелоны с солдатами, танками и пушками, а также затесавшиеся среди них редкие пассажирские и товарные поезда двигались один за другим с интервалом в сотни метров. Наш вагон был последним в составе, поэтому проводница при любой остановке должна была бежать назад несколько сотен метров и устанавливать на рельсах сигнальные петарды, чтобы идущий сзади эшелон не врезался в наш поезд. Особенно медленно мы двигались по однопутке вдоль берега Байкала. Окружная Кругобайкальская железная дорога тогда еще только проектировалась. Наш поезд у каждого из бесчисленных туннелей стоял на берегу Байкала, иногда по несколько часов. Мы умывались в Байкале и собирали на скалах букеты жарков<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Жарки (купавница) – многолетние травянистые растения семейства лютиковых. – *Прим. И.М.*

Марина Сергеевна вышла из поезда в Иркутске. Ей нужно было ознакомиться с фондовыми материалами. Нам с Володей она поручила высадиться в Петровске-Забайкальском и доставить всё полевое снаряжение через Яблоновый хребет в поселок Красный Чикой, который располагался почти в 200 км к югу от Петровска-Забайкальского. В военное время это было весьма трудной задачей. Регулярного сообщения между Петровском-Забайкальским и Красным Чикоем не было. В Красный Чикой и в расположенные поблизости рудники продовольствие и необходимые материалы эпизодически доставляли маломощные и всегда перегруженные газогенераторные автомашины-трёхтонки. Попутные пассажиры, которых было значительно больше, чем автомашин, должны были договариваться непосредственно с водителями и располагаться поверх основного груза. Желающих попасть в Красный Чикой было много, и нам с громоздким экспедиционным снаряжением удалось найти подходящую машину с большим трудом и только за литр спирта из экспедиционных запасов.

В Красном Чикое базой нашего отряда стала большая изба вдовы тети Варвары. Хозяйка была крупного телосложения и слыла отважной охотницей. Её мужа задрал медведь, поднятый из берлоги. Оставшись с глазу на глаз с расвирепевшим раненым зверем, она не растерялась и добила его. Пока мы ждали Марину Сергеевну, наша хозяйка много порассказала нам про жизнь в тайге, научила косить, обращаться с лошадьми, выючить и запрягать их. Прилетевшая к нам Марина Сергеевна со свойственной ей энергией преодолела все бюрократические препоны и молниеносно получила наряды на четырёх монгольских лошадей с конюхами, а также на нескольких расконвоированных ссыльных. Последние были необходимы для того, чтобы дотянуть бечевой лодки с экспедиционным снаряжением вверх по порожиистой реке Мензела до места полевых работ.

Полевые работы должны были проводиться в удаленном от Красно-го Чикоя месте, вблизи монгольской границы. Добравшись до границы, мы несколько дней мирно стояли лагерем на пограничной речке, ходили в маршруты и попутно охотились на уток и тетеревов. Вокруг не было ни души. Однажды в своё дежурство я отошел поохотиться на тетеревов, но по дороге меня нагнал конный пограничный разъезд. Пограничники весьма удивились, обнаружив на самой границе незнакомого вооружённого человека, и потребовали документы. Но я позабыл их в сумке седла, на котором утром уехал в маршрут Володя. Пограничники объявили, что без документов, разрешающих находиться в пограничной зоне, ставить на границе лагерь и тем более стрелять в 40-километровой зоне вдоль границы запрещено и что теперь они

вынуждены задержать меня и доставить на заставу, которая находилась в 30 км от нашего лагеря. Они сказали, что посадить подозрительного субъекта вторым на лошадь они не имеют права и предложили мне бежать за ними, держась за хвост лошади. Дорога шла в гору, и я быстро стал выдыхаться. Правда, бежать мне пришлось не очень долго. По дороге навстречу нам возвращались верхом из маршрута Марина Сергеевна и Володя. Мои документы были предъявлены, и пограничники, совершенно обворожённые Мариной Сергеевной, простили нам и лагерь, и пальбу на границе.

За несколько недель июля и августа наш отряд, двигаясь на север, пересёк ряд небольших таёжных хребтов, изучил все важные обнажения и посетил некоторые молибденовые и вольфрамовые рудники, в том числе знаменитое Гутайское молибденовое месторождение<sup>1</sup>. В этом поселке мы впервые узнали, что, пока отряд пробирался по тайге, изучал обнажения и охотился на кабанов и изюбров, началась и закончилась война СССР с Японией, США сбросили на Японию атомные бомбы, и что на Земле наступила ядерная эра.

В Забайкалье к этому времени поспел кедровый орех, и началась настоящая «кедровая горячка». В величественных, как соборы, кедровниках, покрывавших таёжные хребты, многие организации и еще больше неорганизованного народа торопливо били, сушили и молотили кедровую шишку и набивали орехами мешки, закрома и амбары. Все, и люди, и животные, — повсеместно грызли кедровые орехи. Грызли прохожие на улицах, служащие в учреждениях и даже ученики и учителя на уроках в школах. Орехи жадно грызли собаки, коровы и свиньи. Здоровый хозяйский кот забрался в русскую печь и почти наполовину сожрал сушившиеся там на противне орехи, которые мы набили в ближайшем кедровнике и хотели привезти в Москву.

Когда отряд закончил полевые работы, Марина Сергеевна и Володя улетели из Красного Чикоя в Читу с отчётом, а мне было поручено доставить снаряжение и образцы в Петровск-Забайкальский. Задача эта из-за «кедровой горячки» оказалась намного более трудной, чем добраться от Петровска-Забайкальского до Красного Чикоя. Все автомашины, шедшие в Петровск-Забайкальский, были доверху набиты мешками с орехами, и ни один шофёр не хотел брать тяжёлый и громоздкий экспедиционный груз. Несколько дней я безуспешно бегал и в правление колхоза, и в сельсовет, и в райсовет, и в МТС, и останавливал все проходящие машины. От отчаянья я пошёл, наконец, в райком партии. Весьма важный с виду секретарь райкома принял меня, посо-

---

<sup>1</sup> Гутайский рудник основан в 1750 г. — Прим. И.М.

чувствовал и сказал, что помочь мне ничем не может. Впрочем, дал мне ценный совет: «Попросите в родственных геологических организациях, например, в Рудоуправлении или Золотоснабе продать вам литр спирта и тогда договаривайтесь непосредственно с шоферами». Начальник Золотоснаба отнесся к геологу из Москвы, да еще из Академии наук, с уважением и после длительной беседы о том, где мы побывали и что видели, выписал один литр спирта. В тот же вечер я со всем снаряжением выехал на газогенераторной трёхтонке в Петровск-Забайкальский.

Машина была загружена до предела. Поверх горы мешков с орехами лежали наши образцы и снаряжение, а на них сидело с десяток пассажиров. По указанию офицера (машина была военная) мне было дано лучшее место. Я сидел, как на диване, на тюке со спальными мешками, поставив ноги на крышу кабины. Ехали долго, с ночёвками в деревнях. В орехах завелись мыши, по-видимому, они забрались в машину во время ночёвок в деревенских дворах. На спуске с Яблонового хребта машина вдруг сильно наклонилась и едва не перевернулась, когда шоферу за шиворот залезла мышь и начала бегать по спине. Он с испугу резко затормозил, не открывая дверцу, выбросился в окно и стал кататься по земле. Все пассажиры тоже посыпались с сильно наклонившейся машины.



*П.Е. Оффман, А.В. Пейве, Н.М. Чумаков (слева направо).  
Южный Урал. 1950-е гг.*



На подъезде к Петровску-Забайкальскому тоже произошло неожиданное событие. Навстречу нам на большой скорости мчался в полном составе японский полк. Впереди в штабных машинах сидели полковник и офицеры, а за ними двигалась колонна японских грузовиков, набитая солдатами, и полевые кухни. Мы сначала несколько опешили. Наша еле-еле ползшая машина стала на обочине. Кто-то предположил, что японцы прорвали фронт. Но тут мы увидели, что в каждом грузовике у заднего борта сидел наш автоматчик, еле различимый в толпе японцев. Как мы узнали позже, японцев отправили на уборку овощей.

Через несколько дней я с экспедиционным снаряжением погрузился в проходящий московский поезд и занял место в купе, в котором уже ехали Марина Сергеевна и Володя Григорьев. Наш полевой сезон 1945 года успешно закончился.

## **Первые годы работы в Якутии: Восточно-Сибирская нефтяная экспедиция (1950–1956 гг.)**

В 1950 г. Константин Романович Чепиков пригласил меня, студента-дипломника Московского нефтяного института имени академика И.М. Губкина, принять участие в полевых работах в Якутии в составе только что организованной Восточно-Сибирской нефтяной экспедиции ИГН АН СССР.

Приглашение не было случайным. До этого я проработал два полевых сезона коллектором в отряде К.Р. Чепикова в Волго-Уральской области и на западном склоне Урала, а еще раньше в отрядах того же института в Забайкалье с М.С. Нагибиной (1945 г.) и в Средней Азии с Д.Г. Сапожниковым (1946 г.). Под руководством этих известных специалистов по нефтяной геологии, геологии Забайкалья и литологии, людей чрезвычайно энергичных и требовательных, я прошёл школу полевой геологии. Приглашение обрадовало меня, так как экспедиция в Якутию, в то время регион ещё весьма труднодоступный, обещала настоящую геологическую романтику. Тогда я не мог подумать, что проработаю в Якутии 18 полевых сезонов и что она станет для меня как бы второй родиной. Но прежде чем перейти к рассказу о первых полевых работах, хочется сказать несколько слов о начальнике экспедиции К.Р. Чепикове, который был незаурядной личностью с незаурядной судьбой.

В 1950 г. Константин Романович заведовал Лабораторией геологии нефти ИГН и был назначен начальником нашей экспедиции потому, что имел за плечами нелёгкий опыт поисков нефти на Русской платформе, увенчавшихся в середине 1930-х гг. открытием первых месторождений в Поволжье, Заволжье и Башкирии. Хотя к тому времени в Предуральском краевом прогибе первые месторождения нефти уже были открыты (Чусовские Городки, Ишимбай), однако не они, а именно месторождения платформенного типа превратили Волго-Уральскую область во «Второе Баку».



*К.Р. Чепиков. 1948 г.*

Судьба К.Р. Чепикова и история этих открытий были таковы. После службы в Красной Армии в конце Гражданской войны (1918 – 1922/1923) он стал учителем в сельской школе. Затем по комсомольскому призыву был направлен в Московскую горную академию, где учился у академиков А.П. Павлова, А.Д. Архангельского, И.М. Губкина. Стал любимым учеником последнего. Учился К.Р. Чепиков и жил в одной комнате общежития вместе с будущим открывателем Ишимбайского месторождения нефти А.А. Блохиным и будущим руководителем Союза писателей СССР А.А. Фадеевым, который по ночам писал свою первую повесть «Разгром» (1927).

Геологическая карьера К.Р. Чепикова развивалась стремительно. Исследовательские и организаторские способности талантливого и энергичного студента, проявившиеся во время первых полевых работ на Кавказе, в Поволжье, на Сахалине и в Крыму под руководством И.М. Губкина, С.И. Миронова и А.Д. Архангельского, привлекли внимание этих маститых и влиятельных учёных. Их мнение, а также боевое прошлое, активная общественная и партийная деятельность К.Р. Чепикова<sup>1</sup> позволили руководству объединения «Союзнефть» назначить уже через год после защиты диплома, в 1930 г., директором Нефтяного геологоразведочного института (ВНИГРИ). В числе старших научных сотрудников этого института были А.Д. Архангельский, Н.С. Шатский, Д.В. Голубятников, К.П. Калицкий и другие «киты» нефтяной геологии,

---

<sup>1</sup> Позже Н.А. Архангельская, вспоминая молодого К.Р., сравнивала его с горячим боевым конём. — *Прим. автора.*



а коллекторами числились известные позднее нефтяник В.М. Сенюков и тектонист ГИНа П.Е. Оффман.

Еще студентом К.Р. Чепиков вместе с И.М. Губкиным участвовал в оценке перспектив нефтеносности Поволжья и уверовал в высокую перспективность и самого Поволжья, и всей Волго-Уральской области. Естественно, что став директором ВНИГРИ, он широко развернул там поисковые работы. Был К.Р. Чепиков не только стратегом и руководителем этих поисков, но и активным участником полевых исследований. Он лично решал запутанные проблемы стратиграфии пермских красноцветов, которые у изучавших их геологов, получили название «геологических хамелеонов». К.Р. Чепикову удалось выявить в них маркирующие горизонты. Применяв одним из первых в стране инструментальную структурную съемку, он откартировал несколько поднятий, на сводах которых выбрал точки для разведочного бурения. Пробуренные по его указанию скважины открыли в 1937 г. Богоруланские, Сызранские и Туймазинское месторождения нефти в пермских и каменноугольных отложениях. Но К.Р. Чепиков считал, что разведка этих месторождений ещё не закончена и как управляющий трестом «Востокнефть» в то время настаивал на разведке более глубоких, девонских отложений.

О целесообразности проведения глубокого бурения в Волго-Уральской области в то время шли горячие дискуссии. Оппонентами К.Р. Чепикова были многие известные геологи. Прежде, чем его предложения реализовались, он пережил трагические годы «ежовщины». В 1937 г. он был арестован и обвинён в том, что отвлекает технические и финансовые средства страны на бесплодные поиски нефти на востоке Русской платформы. К.Р. Чепиков просидел в тюрьме два года, из них почти год в камере смертника. Однако в это время установленные им скважины дали нефть. Открытые им месторождения и заступничество коллег (особенно авторитетного А.А. Блохина), по-видимому, спасли его от расстрела. Однако официальное признание заслуг пришло позднее. К.Р. Чепиков был в числе первых лауреатов Сталинских премий, полученных за открытие большой девонской нефти во Втором Баку<sup>1</sup>.

Планируя работы Восточно-Сибирской нефтяной экспедиции К.Р. Чепиков детально проанализировал имевшиеся материалы по геологии Сибирской платформы, историю и результаты нефтепоисковых работ в Якутии, и пришел к выводу, что многолетние поиски, ориентированные со времени работ В.М. Сенюкова в 1930-х гг. на ниж-

---

<sup>1</sup> Сталинская премия первой степени за открытие месторождений девонской нефти в восточных районах СССР (1946). — *Прим. И.М.*

кембрийскую нефть Алданского щита, не приведут к успеху из-за отсутствия хороших коллекторов и покровов, а также из-за разрушения неглубоких залежей. Поэтому он направил основные усилия экспедиции на выяснение геологического строения и перспектив нефтегазоносности иных регионов и отложений. Впрочем, с присущей ему осторожностью (особенно разившейся, как говорили давно знавшие его, после пребывания в тюрьме) К.Р. Чепиков запланировал также дополнительные исследования стратиграфии, литологии и геохимии органического вещества кембрийских отложений Алданского щита. Его организаторские способности позволили очень быстро поставить в рамках Восточно-Сибирской нефтяной экспедиции комплексные геологические исследования, в которых приняли участие и весьма опытные, и совсем молодые сотрудники ряда академических учреждений. В первый год экспедиция сформировала и отправила в поле стратиграфические, литологические, тектонические и геохимические отряды. Несколько отрядов решено было направить в западную часть Сибирской платформы, но основные силы экспедиции К.Р. Чепиков счёл необходимым сосредоточить в пределах наиболее перспективной и в то же время более населённой и доступной для освоения Центральной, Южной и Западной Якутии. На этой территории в течение нескольких лет работало от 8 до 15 отрядов Восточно-Сибирской нефтяной экспедиции.

В то время этот огромный регион был ещё весьма слабо изучен геологически и даже топографически. Представления о геологическом строении Средней Сибири базировались в основном на маршрутных исследованиях вдоль некоторых рек. Геологических карт практически не было, так как кондиционная съёмка производилась только на небольших территориях, предназначенных под бурение. Да что там говорить о геологических картах! На выданных нам как единственная топооснова государственных топографических картох масштаба 1:1 000 000 (с грифом секретно!) достоверно были показаны только долины главных судоходных рек: Лены, Вилюя, Алдана, Олёкмы, — где когда-то производилась инструментальная топографическая съёмка. На остальной территории на белом фоне синим пунктиром была обозначена вся остальная речная сеть и поперёк листа крупно написано — «По распросным данным». Даже расположение некоторых районных центров на этих картах, как выяснилось в результате наших глазомерных съёмок, было показано неверно. В первый год работ нам нередко приходилось пользоваться схемами, нарисованными таёжными охотниками. Грубые геологические схемы имелась лишь для немногих небольших участков этой огромной территории.

В качестве объекта моих полевых работ К.Р. Чепилов наметил район Кемпендэйских дислокаций в юго-западной части Вилюйской впадины и вдоль р. Наманы, которая прорезает южное крыло Вилюйской впадины. Недипломированный ещё студент, я не мог по правилам Академии наук возглавлять самостоятельный полевой отряд и был зачислен прорабом в отряд З.А. Журавлевой, которая исследовала долину р. Вилюй выше с. Сунтар. Первый полевой сезон 1950 г. оказался нелёгким. Трудной и долгой была дорога до места полевых работ. Гражданская авиация находилась в зачаточном состоянии, особенно в Сибири. Прямое авиационное сообщение с Якутией не было, из Иркутска раз в неделю летали с многочисленными посадками маленькие десятиместные самолеты ЛИ-2. Из-за астрономически высокой стоимости билетов летать могло только начальство, а о перевозке снаряжения самолётами не могло быть и речи. Добирались мы наземным транспортом. Пассажирское движение по только что построенной ветке Тайшет – Усть-Кут ещё не было открыто. Неделю мы ехали поездом до Иркутска. Там получали снаряжение. Затем на автомашине по жуткой дороге везли его до с. Жигалово, расположенного в верхнем течении р. Лены, и с караваном карбазов (маленьких барж-утюгов, сбитых из брёвен) потихоньку поплыли вниз по течению, то и дело садясь на мели. Вода в Лене в тот год была исключительно низкой. Снимали карбазы с мели с помощью самодельных деревянных воротов, сооружаемых из растущих по берегу деревьев. За неделю мы преодолели 250 км и прибыли в Усть-Кут, где надеялись пересесть на прямой пассажирский пароход до Якутска. Однако он не смог из-за малой воды пройти до Усть-Кута, и со всеми пассажирами парохода, грузом и почтой мы сутки добирались до него на другой барже. Потом неделю плыли до Якутска. Он поразил нас деревянными торцовыми мостовыми, досчатыми тротуарами, бревенчатыми заборами и академическими институтами, размещёнными в избах. Впрочем, избы составляли большинство домов на главной улице Ленина. В городе, кажется, было всего два-три каменных здания дореволюционной постройки, занятых республиканским правительством и обкомом. Никакого регулярного сообщения между Якутском и Сунтаром, в районе которого нам предстояло работать, не было. Пришлось, объединив финансы с двумя другими отрядами, заказать спецрейс ЛИ-2 до Вилюйска, а оттуда почтовой баржей три дня плыть до районного центра Сунтар.

Через 1,5 месяца после выезда из Москвы мы добрались до места полевых работ. Сунтар оказался большой деревней с колхозом. Белыми ночами в его центре молодёжь, встав в круг и обнявшись за плечи, танцевала до утра «ёхоря» под напев «Эх-о, эх-а». На берегах Вилюя

среди гальки было полно окатанных сердоликов и агатов — недалеко выше по течению начиналась Тунгусская впадина с миндалекаменными траппами. В свободное время мы с азартом выбирали из бичевника самые красивые камни.

Когда начала формироваться моя группа для работы в районе Кемпендяйских дислокаций, оказалось, что дорога до Сунтара поглотила львиную долю денег, отпущенных на полевые работы отряда. Начальница отряда разрешила нанять только три лошади и двух местных рабочих (конюха и проводника). Поскольку для завьючивания лошадей необходимо не менее двух человек, мне предстояло ходить в маршрут в одиночку. Но меня пугало не это. Во-первых, на 2,5 месяца полевых работ трёх лошадей для транспортировки снаряжения и продуктов было недостаточно. Во-вторых, конюх, приставленный к колхозным лошадям, не знал ни слова по-русски. Необходимо было найти проводника, который был бы хорошим охотником и мог хоть немного говорить по-русски. Он нашел нас сам. Однажды немолодой якут увидел у меня красивое ружьё и попросил его посмотреть. Это была новая бескурковая двустволка 16-го калибра льежского производства с насечкой, инкрустацией и красивым ореховым прикладом. По-видимому, она попала в Институт из трофейного или репарационного имущества. В якутской глухомани, где встречались еще чуть ли не мушкеты, таких ружей еще не видели. Якут рассматривал наше ружьё, гладил его, вскидывал к плечу, попросил разрешения попробовать, хорошо ли оно бьёт, и все никак не мог с ним расстаться. Видно было, что он настоящий охотник, любит ружья и понимает в них толк. Узнав, что продать ружьё мы не можем, и получив обещание, что в отряде ружьё на весь полевой сезон будет в его полном распоряжении, охотник побежал в контору, в которой работал плотником, уволился, забрал документы и быстро зачислился в отряд, чтобы мы не передумали. Был он из Нюрбы и звали его Петр Васильевич Нехряков. Он оказался бывалым, общительным человеком, даже балагуром, и главное — истинным таёжником. Благодаря своей сообразительности и спорости в работе П.В. Нехряков восполнял отсутствие в отряде четвёртого человека. С двустволкой он не расставался, а его охотничьи и рыбацкие таланты позволили в изобиловавшей зверем, птицей и рыбой кемпендяйской тайге основательно сократить продовольственные выюки и обходиться тремя лошадьми. Я же без всякой милицейской волокиты купил себе в магазине мелкокалиберную винтовку — «тозовку». П.В. Нехряков был добрым человеком, хотя и не без хитрецы. Относился он ко мне по отечески — учил таёжным премудростям и якутскому языку, заботился о моём здоровье и ласково распекал за ошибки. Он стал моим Дерсу Узалой. Два года спустя в этом же

районе работал в нашем отряде другой таёжник, конюх и проводник, Христьян Никоноров из Сунтара. Он, напротив, был сутул, молчалив и хмур на людях, но в тайге расправлял плечи и гляделся законным её хозяином, прямо-таки Чингисханом. Казалось, что он знает каждое дерево и каждый камень, что может предугадать поведение каждой живой твари в лесу. Например, знал, где в бескрайней непролазной тайге найти казалось бы навсегда потерянных лошадей, куда вечером спрятался выводок глухарей и быстро приносил молодого глухаря к ужину, а если просили, то подстреливал из «тозовки» петляющих на бегу зайцев. Заметив, что нас интересуют выходы гипса, он безошибочно нашел в таёжной чаще за много километров от лагеря, под пологом мха выход гипса, на который натолкнулся много лет назад во время охоты. Так нами был обнаружен новый Соросский соляной купол. С большой благодарностью и теплотой я вспоминаю многих других якутских и эвенкийских проводников, конюхов, оленеводов, охотников — всех таёжников. Их радушие, незатейливая доброта, спорость в работе, надёжность, готовность помочь оказали неоценимую помощь в геологическом исследовании Якутии. Без их участия открытие разнообразных месторождений Республики не могло бы осуществиться столь быстро, как это произошло.

В тайге нашей базой стал маленький посёлок с громким названием Кемпендяйский завод. Здесь в большом, огороженном брёвнами бассейне зимой вымораживали поваренную соль из рассолов, бивших из-под земли и из неглубокой скважины. Летом соль вывозили на трёхтонных ЗИСах по гравийной дороге на Вилюй. Суммарный дебит этих соляных источников был огромным — 72 000 тонн соли в год. Многочисленные соляные источники и даже отдельные скальные обнажения каменной соли и выходы гипса были приурочены к брекчированным красноцветам, слагающим своды Кемпендяйских дислокаций. Считалось, что крылья дислокаций и остальная территория района сложены главным образом юрскими отложениями. Всеми предшествующими исследователями красноцветы сопоставлялись с верхоленской свитой верхнего кембрия, а сами дислокации после работ Г.Э. Фришенфельда в 1934 г.<sup>1</sup> рассматривались как три кулисообразно расположенные антиклинали, возникшие в результате мезозойской складчатости и затем несколько осложнённые соляным диапиризмом.

Исходив пешком и с вьючным караваном бассейны рек Кемпендяй, Кюндяй и Табасында, я провёл на ряде участков глазомерную съёмку,

---

<sup>1</sup> Вероятно, имеются в виду работы Г.Э. Фришенфельда, опубликованные в Трудах СОПС в 1933 г. (Вып. 2, 3). — *Прим. И.М.*

составил стратиграфические и геологические разрезы, нашёл в ряде мест ископаемую флору, в которой иногда присутствовали отпечатки листьев покрытосеменных растений. Это явно указывало на поздне-меловой возраст верхней части мезозойского разреза, что в камеральный период было подтверждено определениями В.А. Вахрамеева. Так называемые «опоковидные породы» в курунгурыхской свите, которая согласно перекрывает кемпендййские красноцветы, оказались вулканическими туфами, очень похожими на крымские карадагские трассы. Камеральные исследования показали, что это сильно цеолитизированные витрокластические и кристал-витрокластические псаммитовые туфы. Сразу возникли сомнения относительно сопоставления кемпендййских красноцветов с верхоленской свитой, поскольку никаких следов пеплового материала в ней и в покрывающих её отложениях нет. Сомнения перешли в уверенность, когда в собранной З.А. Журавлевой коллекции пород вильчанской свиты, относившейся в то время к силуру, я обнаружил среди красноцветов аналогичные туфы. Это позволило мне скоррелировать курунгурыхскую и вильчанскую свиты и преварительно отнести курунгурыхскую свиту и кемпендййские красноцветы к силуру. Два года спустя эта корреляция была подтверждена, а возраст вильчанской и курунгурыхской свит на основании находок фауны, флоры, спор и пыльцы был определён нами как девонский – нижнекарбонный; кемпендййская свита была отнесена к девону. Курунгурыхская же свита оказалась крупнейшим месторождением цеолитов в Сибири и одним из самых древних месторождений цеолитов в мире.

Выяснилось также, что сами Кемпендййские дислокации отнюдь не являются антиклиналями, а представляют собой ряд отдельных соляных куполов неправильной формы, частично осложнённых радиальными разломами и соединённых между собой седлами или перешейками в две сложные гирлянды северо-восточного простирания. Часть куполов, входящих в эти гирлянды, имеет поперечное простирание и вместе со структурными перешейками образует кольцевые структуры, которые окружают мульды, выполненные мезозойскими отложениями. Такая сложная морфология дислокаций позволила сделать вывод о том, что они представляют собой зрелые соляные купола, развившиеся из складок, очевидно палеозойских. По крайней мере, формироваться купола начали явно до мезозоя, поскольку между мезозойскими отложениями и палеозойскими красноцветами было установлено структурное несогласие. За пределами куполов и между ними мезозойские отложения залегают почти горизонтально, и не было найдено никаких следов мезозойской складчатости. В целом стратиграфический разрез и тектоника Кемпендййских дислокаций оказались значительно более сложными,

чем представлялось предшественникам. В связи с этим совсем иначе должны были оцениваться перспективы нефтеносности этих дислокаций. Стало ясно, в частности, что признаки нефтеносности, представленные здесь жилами битуминозного кальцита, могут быть связаны с несколькими горизонтами нижнего палеозоя, а поиски должны вестись на крыльях соляных куполов.

Осенью после завершения исследований в районе Кемпендяйских соляных куполов мы перевалили Лено-Виллойский водораздел и пошли вниз по р. Намане, пересекая южное крыло Виллойской впадины. В поселке буровиков, расположенном в нижнем течении р. Наманы, нас радушно встретил главный геолог разведки Д.К. Горнштейн. Я описал разрез кембрия, вскрытый здесь глубокой разведочной скважиной, которая бурилась на своде небольшого поднятия. Существенных нефтепроявлений она не вскрыла. В конце октября вьючным караваном, ночуя на снегу, мы по берегу р. Лены шли в город Олёкминск. На Лене заканчивался ледостав, и на берега с шумом напозлали ледяные торосы. Нас предупредили, что на дороге под Олёкминском шалит медведь-шатун, но мы со всеми мерами предосторожности благополучно прошли опасное место и к вечеру пришли в Олёкминск. План полевых работ был выполнен. Вслед за нами машина привезла крестьянина, задранный на той же дороге шатуном. Основные результаты полевых и камеральных исследований я изложил в экспедиционном отчете и дипломном проекте, который защитил в 1951 г. перед выездом на следующие полевые работы в Якутию.

Я подробно остановился на первом полевом сезоне нашего отряда, на степени изученности, состоянии транспорта, облике Якутии и ее городов в 1950 г. для того, чтобы показать, какой огромный прогресс произошёл на наших глазах в этой Республике за последующие несколько лет. Через два-три года была закончена аэрофотосъёмка всей её территории, и для геологов стали доступны эти материалы, изданы сотысячные и более детальные топографические карты, началась государственная геологическая съёмка миллионного масштаба, открылось пассажирское движение до Усть-Кута, стала доступной большая и малая авиация, резиновые лодки, репелленты.

Еще через три-четыре года началась геологическая съёмка масштаба 1:200 000. Геологи стали использовать вертолёты, портативные радиостанции, подвесные моторы и дюралевые лодки, по рекам стали курсировать «Ракеты» и «Метеоры». В Якутск, быстро отстраивающийся современными зданиями, полетели сначала ИЛ-14, а затем ТУ-104, и дорога от Москвы до Якутска вместо нескольких недель сначала стала занимать два дня, а затем — несколько часов. Все это в начале 1950-х го-



дов показалось бы фантастикой. Впрочем, последующим поколениям геологов, по-видимому, также нелегко представить облик и условия работы в Якутии в 1950 г.

По результатам работ 1950 г. К.Р. Чепиков представил в центральные и якутские геологические организации свои первые рекомендации относительно поисков нефти и газа в Якутии. Он считал наиболее перспективными регионами Вилюйскую впадину, Предверхоанский и Ангаро-Ленский прогибы, в пределах которых предлагал сосредоточить научные исследования и развернуть поисковые работы. Первоочередным объектом поисков он считал Усть-Вилюйскую структуру, которая была рекомендована им для бурения на основании результатов работ В.А. Вахрамеева и Ю.М. Пушсаровского в 1950 г. На расширенных заседаниях коллегии Министерства геологии, обсуждавших в 1953—1954 гг. вопрос сокращения дорогостоящих разведочных и поисковых работ на Севере СССР, К.Р. Чепиков отстаивал и отстаивал, при поддержке ряда других крупных нефтяников, план бурения в Южной Якутии. Среди научных задач он посчитал важным для оценки нефтеносности Якутии изучение кембрия Ангаро-Ленского прогиба, мезозойского чехла и до-мезозойского основания Вилюйской впадины.

Этим исследованиям были посвящены последующие годы. Изучение кембрия Ангаро-Ленского прогиба на р. Пеледуй проводил отряд В.С. Журавлёва, изучение стратиграфии и тектоники мезозоя Лено-Вилюйского района продолжили В.А. Вахрамеев и Ю.М. Пушсаровский, а обрамление Вилюйской впадины начали изучать В.П. Маслов на р. Нюе, З.А. Журавлёва — по рекам Лене, Жербе, Бирюку, Чаре и Олекме, я — по рекам Лене, Большому и Малому Патому, Жуге, Чаре, Уре и в районе Кемпендяйских соляных куполов, Вл.А. Комар — в среднем течении р. Вилюй, по рекам Чаре, Токко, Тяне.

Проведённые исследования позволили впервые выделить в западной части Вилюйской впадины и её обрамлении рифейские, вендские, силурийские, средне- и верхнепалеозойские, а также верхнемеловые отложения; уточнить возраст, детальнее расчленить и скоррелировать рифейские, кембрийские, ордовикские, юрские и нижнемеловые отложения. В частности, была решена давнишняя и очень важная проблема о соотношении патомского комплекса и кембрийских отложений Адданского щита и показано, что базальная часть осадочного чехла Сибирской платформы, являющаяся сейчас главным объектом добычи и разведки нефти и газа, принадлежит к верхнему докембрию. Изучение верхнедокембрийских и кембрийских микрофитоцитов и катаграфий позволило использовать их при бурении для детальных региональных корреляций скважин. Впервые было произведено мелкомасштабное



картирование наиболее сложно построенного юго-западного обрамления Вилюйской впадины и северной окраины Патомской складчатой дуги и установлено Уринское поднятие. В районе Кемпендяйских куполов обнаружены новые купола, установлено присутствие в их разрезе средне- и верхнепалеозойских отложений. Эти исследования открыли большую сложность домезозойского основания Вилюйской впадины. Они позволили выделить в нём огромную палеозойскую краевую поперечную систему (позже такие структуры стали называться авлакогенами) и на основании сравнений с другими аналогичными структурами высоко оценить перспективы её нефтегазоносности. Тогда перспективными представлялись нижнепалеозойские отложения на юго-западном продолжении Сунтарского свода, поскольку там были обнаружены источники нефтяных вод, и палеозойские отложения Кемпендяйских соляных куполов. Тектоника обоих районов оказалась достаточно сложной, но я думаю, что и сейчас квалифицированные поиски могут привести здесь к открытию больших запасов нефти и газа.

## **Шустрый коллектор (1952 г.)**

Коллектора — важные люди в геологических отрядах. Хорошие коллектора — это не только технические работники, которые отколачивают и заворачивают образцы, а при необходимости готовят пищу. Большинство из них — незаменимые члены наших небольших коллективов. Они могут управлять лодками, выючить и седлать коней и оленей, способны ходить в самостоятельные маршруты и делать открытия, а главное — со всеми ладить и дружить. Такие коллектора быстро становились самостоятельными и интересными исследователями. Прекрасными коллекторами у меня были В.А. Комар, В.Т. Работнов, Т.А. Ивановская, С.В. Рудько и другие, которым я многим обязан, некоторым даже жизнью. Выбирая коллекторов для очередных полевых работ в Сибири, мы обычно обращались с просьбами к знакомым геологам или к преподавателям геологических факультетов. Они присылали к нам на очередную геологическую практику лучших парней, которые пожелали поехать в наш район работ. Иногда знакомые советовали нам деятельных молодых людей, свободных от всяких забот и желающих поглядеть на мир.

В 1952 г. я впервые собирался посетить знаменитые разрезы верхнедокембрийских и нижнекембрийских отложений в среднем течении р. Лены и по ее левобережью между с. Мухтуя<sup>1</sup> и г. Олёкминском. Мне нужны были два коллектора. Побеседовав с несколькими кандидатами на эти места, я выбрал одного статного студента с геологического факультета Московского нефтяного института и одного парня, окончившего среднюю школу и обдумывавшего, кем бы ему стать. Последнего очень рекомендовал мне один знакомый, говоря, что он весьма исполнительный и шустрый малый. Его звали Прохором. Мы прибыли в Якутск в разгар праздников по поводу 300-летнего юбилея вхождения Якутии в состав России. В связи с этим была организована большая выставка «Достижения народного хозяйства Якутии», а Сибирское отделение АН СССР выпустило обстоятельную книгу «История Якутии» под редакцией академика А.П. Окладникова [Окладников, 1949]. Мы, естественно, осмотрели выставку. Было экспонировано множество самородков золота, дорогих мехов, вышивок, изделий из мамонтовой кости, чучел соболей, оленей и медведей. Экскурсоводы особенно гордились одним из экспонатов: под стеклянным колпаком лежал впервые выращенный в Заполярье в начале лета большой аппетитный свежий огурец. Экскурсовод сказала: «Это наша гордость». Обращало всеобщее внимание также чучело огромного уссурийского тигра, убитого в 1905 г. в Южной Якутии на р. Алдан. Бедняга, видно, спасался в якутской тайге от русско-японской войны. Вскоре на выставке возникло явное замешательство. Оказалось, что огурец, который хотели показать прибывшему важному гостю, пропал, испарился из-под колпака. Все были поражены этой пропажей.

Уходя с выставки, я купил книгу «История Якутии» и пошел на квартиру, которую мы снимали на окраине Якутска. Меня встретил гордо улыбающийся Прохор, сообщивший, что обед готов. Ещё с порога я почувствовал в доме запах свежего огурца. В комнате на столе стоял красиво приготовленный салат из «гордости» якутского земледелия. После строгого выговора это вещественное доказательство как прямую улику мы были вынуждены с некоторым смущением, но с большим удовольствием быстро уничтожить.

Из «Истории Якутии» я вечером вычитал, что действительно 300 лет назад мангазейский казак Мартын Корытов с дружиною в 30 человек обложил жителей бассейна Лены ясаком и построил острог на месте современного Якутска. Зимой казаки вышли из острога с пищалями,

---

<sup>1</sup> Ныне г. Ленск. — *Прим. автора.*

разбили и разогнали окружившее острог сводное войско якутских князей, которые после этого целовали крест московскому государю.

Отпраздновав юбилейные торжества, наш отряд начал собираться в поле. Продуктами занимался Прохор. Он запасся всем, кроме коровьего масла. Его в магазинах и на складах города не оказалось. Навигация предшествовавшего года была на Лене почти сорвана из-за очень низкой воды в её верхнем течении, откуда поступали в Якутск все грузы. Продуктов в городе не хватало. Масло закончилось. Впрочем, в меню ресторанов в разделе вина предлагался впечатляющий выбор: спирт 96°, спирт 87° и шампанское. Перед отъездом из Якутска я вдруг узнаю, что Прохор достал сливочное масло в порядочном количестве и уже упаковал его во व्यок. Оказалось, что он со скандалом дошел до якутского республиканского министра и получил наряд забрать (и, не краснея, забрал) часть масла из детского сада. Долгое время мы вздыхали за завтраком, вспоминая об обиженных детишках.

Наконец, из Якутска мы добрались до с. Мухтуй. Здесь нас ждала большая плоскодонная лодка, которая требовала конопатки и осмоления. Для боковых маршрутов нужно было арендовать лошадей. На все эти дела ушло несколько дней.

Мне со студентом предстояло спускаться по течению Лены на лодке, а Прохор с лошадьми должен был идти параллельно нам по берегу. Жили мы в старой школе рядом с милицией. Когда снаряжение было загружено, лошади завьючены и мы уже собрались двигаться, Прохор в честь нашего отбытия неожиданно салютовал из двустволки. Поскольку в населённых пунктах стрелять, как известно, не разрешается, сразу прибежала милиция, отобрала ружьё и стала составлять акт. Мне пришлось долго уговаривать начальника милиции, доказывая ему, что Прохор впервые в экспедиции и не знал правил, а ружьё в тайге нам совершенно необходимо для охраны лошадей от медведей. Отъезд задержался на пару часов. Завьюченные лошади, стоявшие на жаре, стали биться от облепивших оводов. Наконец, нас отпустили, и мы, удручённые большим штрафом и опозданием, двинулись в путь. Тут нам снова не повезло. В долине Лены поднялся сильный встречный ветер, погнавший лодку назад к противоположному берегу. Ветер сопровождался проливным дождем. С трудом подплывая в полной темноте к назначенному месту встречи с Прохором, мы полагали, что после ливня ни костра, ни лагеря, ни ужина не будет. К нашему удивлению нас встретил большой костёр, ужин и палатки. Мы обсушились, поели, залезли в спальники и не могли нахвалиться на Прохора. Встав утром в сумерках и оглядевшись, я сразу понял, что нам необходимо немедленно, как можно быстрее отсюда смываться. Костёр, колья для пала-

ток и лавочки Прохор нарубил из «створа» — большого деревянного красного и весьма важного судоходного знака, стоящего на берегу и указывающего парходам направление фарватера и место поворота судна. Порча этих знаков — преступление, большее, чем отвёртывание гаек на рельсах, и грозит тюрьмой. Стремительно собравшись, мы проплыли и проскакали с десятков километров вниз по течению реки, а затем затаились на несколько дней за островом в обмелевшей протоке. Позже рыбаки сказали, что нас целый день разыскивала милиция на катере. По Лене долго еще ходила молва об известных, но не пойманных преступниках.

Скорее мы ушли на правобережье Лены в тайгу, и наш след затерялся. В этом переходе Прохор тоже отличился. Мы двигались по очень старой, наполовину заросшей дороге. У первого моста я остановил караван, чтобы посмотреть, выдержит ли мост лошадей. Внешне он выглядел неплохо, поэтому, не дожидаясь результатов осмотра, Прохор лихо погарцевал по мосту. Одна доска под ним проломилась, и лошадь сломала ногу. Далее мы повели эту треногую лошадь в поводу без груза. Вскоре началась тяжелейшая дорога через огромную гарь. Высокий и частый сосновый лес, сгоревший на корню несколько лет назад, недавно весь упал, создав непроходимые завалы. Иногда мы проходили за целый день один-два километра, с трудом прорубаясь через лабиринт толстых брёвен. Спустя неделю отряд вышел к р. Большой Патом — притоку р. Лены. Мы намучались, но были довольны. Нам первым удалось закартировать большую треугольную палеозойскую мульду, отделяющую Патомскую складчатую дугу от Уринского поднятия, и тем самым показать самостоятельность последнего.

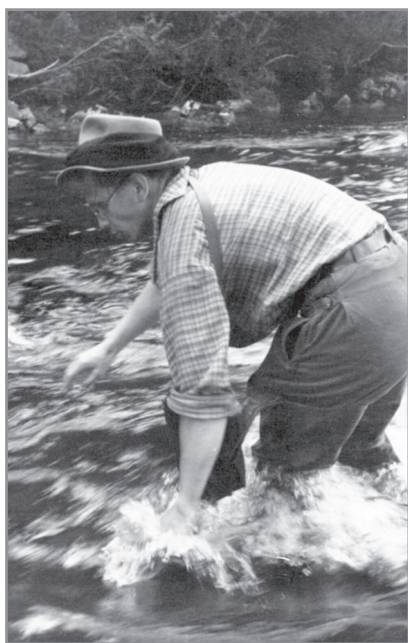
На берегу Большого Патома мы нашли симпатичную поляну для лагеря и кормёжки изголодавшихся лошадей. Через несколько дней проплывавший мимо рыбак, по таёжному обычаю остановившийся и чаевавший у нас, сообщил, что эта поляна является сенокосным угольем якутского колхоза и его председатель едет к нам за возмещением убытков от потравы. Мы, почесав затылки, решили, что изображать начальника отряда и вести переговоры с председателем будет наш студент в форме. Он для успехов на деревенских танцах захватил с собой студенческий мундир с золотыми погончиками, вензелями и форменную фуражку<sup>1</sup>. Представив бумаги, доказывающие, что мы из Акаде-

---

<sup>1</sup> В те годы советские студенты горных вузов носили темно-синюю форму с золотыми пуговицами и погончиками, а также соответствующие форменные фуражки. — *Прим. автора.*

мии наук СССР и что нам разрешено копать шурфы и т.д., студент с важным видом должен был заявить председателю, что, возможно, мы надумаем заложить здесь несколько линий шурфов, а о сенокосе ему пока и думать нечего. План удался полностью. Оглушённый шиком «начальника», бумагами АН СССР и стаканчиком спирта, председатель не стал говорить о возмещении убытков, а пригласил нас к себе в гости. Не распространяясь об успехах студента на танцах и забегая вперед, признаюсь, что позднее мы использовали его неотразимый шик, чтобы получить у молодой ветеринарши справку о том, что хромяя лошадь была склонна к хромоте от рождения.

Завершив рекогносцировку на р. Б. Патом, мы вернулись на Лену. Студент, успешно закончив по всем статьям полевую практику, уехал на учёбу в Москву. Мы же с Прохором поплыли описывать главные обнажения позднего докембрия по Лене. Описав их, поспешили в Олёкминск, где была база нашей экспедиции и аэродром. Наступил сентябрь. Погода была весьма прохладной и часто дождливой. Ночью стало подмораживать, и надо было торопиться. Мы натянули над лодкой



*Н.М. Чумаков — в поисках брода. Река Малый Патом, Якутия. 1956 г.*

палатку, но она при постоянном встречном ветре парусила и мешала нам плыть по течению быстрее. Потому мы опустили парус и плыли круглые сутки, не останавливаясь, по краю фарватера. Во избежание столкновений со встречными судами мы дежурили и спали по очереди. Однажды ночью над самым моим ухом внезапно разразился очень громогласный и многоэтажный выразительный мат. Я выскочил из палатки и увидел в трёх десятках метров от нас встречный, весь пышущий огнями, громадный пароход, который обходил нас по всем правилам навигации. Крепкое приветствие принеслось нам из рупора с капитанского мостика, когда рулевой в свете огней увидал маяк, которая заставила его уступить ему дорогу. Оказалось, что Прохор давно изучил систему световой сигнализации расходящихся



*Вот такой улов! (Н.М. Чумаков справа). Река Анадырь, Чукотка. 1950-е гг.*

ся на фарватере судов и, используя немецкий фонарик со сменными цветными стёклами, заставлял во время своего дежурства уступать нам фарватер всем судам. После этого случая мы держались от фарватера подальше. Несмотря на спешку под Олёкминском нас ночью застал снежный буран и выбросил лодку на мель. Мы с большим трудом, замёрзшие и голодные добрались до своей базы.

В ГИН Прохор больше не появлялся. Наверное, выбрал другую профессию.

## **Семь дней наедине с убийцей (1956 г.)**

Летом 1956 г. группа из четырёх полевых отрядов ГИН работала на стыке Якутии и Иркутской области, в бассейнах среднего течения р. Чары и нижнего течения р. Жуи. Целью исследований было выяснение стратиграфических соотношений между мощными кембрийско-докембрийскими отложениями, слагающими Патомское нагорье, и кембрийскими отложениями западного склона Алданского щита. Последние содержали признаки нефтеносности, и было важно выяснить,



какие отложения в Патомском нагорье соответствуют этим нефтеносным отложениям. Полевые отряды возглавляли Н.А. Архангельская, З.А. Журавлёва, Вл.А. Комар и я. Мне было поручено планирование и научное руководство этими полевыми работами.

В начале июня все четыре отряда на барже, буксируемой катером, добрались по рекам Олёкме и её притоку Чаре до якутской деревни Усть-Жуя и вскоре разъехались по запланированным районам работ. Отряд Н.А. Архангельской с катером и баржей отправился вниз по течению р. Чары. Остальные отряды с конскими или оленьими караванами направились на правобережье и левобережье р. Чары. В первой половине сентября эти три отряда должны были собраться в Усть-Жуе. Их отправление из Усть-Жуи на катере и барже обратно на базу экспедиции в Олёкминске было назначено на 15 сентября.

Полевой сезон для моего отряда оказался тяжёлым. У одного из коллекторов обострилась язва желудка, и его пришлось отправить в середине сезона домой в Москву. Один из рабочих напился, подрался с каюром и сломал ему ребро. Этого рабочего пришлось уволить. Пока каюра лечили, разбежались олени, и их долго собирали. Главные маршруты были закончены лишь в начале сентября. Приходилось торопиться с возвращением. Наш отряд вышел к р. Чаре в устье р. Сухой Кумах-Улах. Желая ускорить сдачу оленей, нанятых у эвенков на прииске Перевоз, я решил отправить их хозяевам налегке без экспедиционного груза с каюром, рабочим и коллектором-дипломником. В Перевозе для коллектора и рабочего были заранее оставлены большая лодка с подвесным мотором, на которой они должны спуститься по р. Жуе до места сбора отрядов в Усть-Жуе. Доставить экспедиционное снаряжение и образцы в Усть-Жую предстояло мне на резиновой лодке, спускаясь вниз по течению р. Чара.

Отправив караван, я сделал необходимые маршруты на реке и затем спешно начал сплавляться вниз. Предстояло проплыть до Усть-Жуи около 150 км. Я вставал утром, когда было еще темно, завтракал и, как только на поверхности воды становились различимы камни, отплывал. Весь день без перерыва я грёб изо всех сил. Прерывался только на короткий завтрак: выпивал из термоса кружку горячего чая с сухарями. Я рассчитывал поспеть к 15 сентября в Усть-Жую. Однако движение тормозил встречный ветер, так как высоко нагруженная лодка сильно парусила. Приплыл я в Усть-Жую 15 сентября во второй половине дня, однако катер с баржей и отрядами Журавлёвой и Комара по непонятной причине отплыли утром, не дожидая ни меня, ни моего отряда. Мой коллектор с рабочим тоже еще не приплыли в Усть-Жую.

Я решил ждать их прибытия, чтобы плыть вместе на лодке с мотором. Это нужно было сделать потому, что появившиеся первые забереги могли разрезать резиновую лодку, а еще и потому, что жители деревни рассказали мне о бежавшем из Перевоза убийце. Он работал шофёром в пожарной команде, в драке убил пожарного и на чужой лодке уплыл вниз по р. Жуе. Он проплыл недавно мимо Усть-Жуи вниз по р. Чаре. Преследовавшие его на моторной лодке милиционеры, не застав преступника в Усть-Жуе, повернули обратно на Перевоз, сказав, что пусть его теперь ловят в Якутии, куда они сообщат его приметы.

В Усть-Жуе я остановился в маленькой избушке у одинокой старой, очень доброй якутки. Она заботилась обо мне, как о сыне. Несколько дней я ждал коллектора с рабочим. Они все не плыли. Между тем заметно похолодало, начались морозы, и на реке быстро разрастались забереги, предвещавшие скорый ледоход. Усть-Жуя была последним, самым восточным, забытым богом населённым пунктом Иркутской области. С деревней не было ни авиационной, ни телефонной, никакой иной связи. С остальным миром связь поддерживалась только по рекам на лодках. Ледоход прерывал на месяц возможность выбраться из Усть-Жуи даже пешком. Мне стало очевидно, что, пока не поздно, надо добираться до ближайшего районного центра Якутии, в котором есть телеграф, банк и аэродром, чтобы заказать из ГИН денежный перевод (у меня оставались деньги только на телеграмму). Тогда в случае чего я смог бы помочь выбраться застрявшим коллектору и рабочему, заказав спецрейс «кукурузника». Если этого не сделать, мы все застрянем в тайге до зимы. Ближайшим райцентром был посёлок Токко, расположенный в 400 км с лишним ниже Усть-Жуи.

Осознав это, я решил немедленно действовать. Нашел на берегу брошенную старую деревянную лодку и начал ее латать, смолить, укреплять. Увидев, что я собираюсь один плыть вниз по Чаре, моя хозяйка очень взволновалась и стала уговаривать не плыть в одиночку, поскольку я могу встретиться с бежавшим убийцей. Чувствуя всю опасность моих намерений, она особенно остро переживала ещё и потому, что 10 лет назад бежавший каторжник убил её мужа. Я был уверен и убеждал её, что убийца давно и далеко уплыл и нет опасности с ним встретиться. Видя, что я окончательно решился плыть, она, добрая душа, подарила мне на дорогу старую меховую ушанку и кожаные рукавицы, а также напекла лепёшек. Её рукавицы спасли мои руки от обморожения или ревматизма, так как стекавшая с вёсел на руки вода сразу превращалась в сосульки.

В сумерки я загрузил лодку, тепло распростился с моей доброй хозяйкой и выплыл из Усть-Жуи. Запас плавучести моей лодки составлял



три пальца. Помимо того в днище и в бортах лодки обнаружили течи. К моему счастью просачивавшаяся в лодку вода быстро замерзала. Сразу в лодке поверх дощатого образовалось второе непроницаемое ледяное днище. Замерзли течи и по бортам лодки. Правда, при этом запас её плавучести уменьшился до двух пальцев.

Я сидел на корме лодки за кучей экспедиционного снаряжения и образцов. Поверх этой кучи на всякий случай лежала заряженная мелкокалиберная винтовка, которую в Сибири зовут «тозовкой». Изо всех сил я грёб двухлопастным деревянным веслом. Начался солнечный морозный день. Лодка казалась достаточно устойчивой, так как на её днище лежал лёд и баулы с образцами. Она, хотя плыла тяжело, но всё же обгоняла плавник и оторвавшиеся льдинки заберегов. По берегам красовалась никем не тронутая жёлтая осенняя тайга. Я немного расслабился. Не проплыл я в этом блаженном состоянии и 5 км, как меня кто-то сзади громко окликнул. Я вздрогнул и обернулся. От правого берега отделилась и пошла мне наперерез лёгкая лодка с мужчиной. Это был белокурый крепкий молодой человек в какой-то форменной куртке, из-под которой выглядывала тельняшка. По всем приметам я понял, что это и был убийца. Стало ясно, что он, спрятав лодку, скрывался в тайге вблизи Усть-Жуи в надежде, что погоня проскочит мимо и будет искать его ниже по реке. И теперь, несколько дней спустя, твердо убедившись, что погони нет, решил выйти из тайги. Поравнявшись с моей лодкой, он спросил: «Далеко плывёшь?». Я ответил, что плыву в Якутию. «Нам по пути! Поплывём вместе». У меня не было другого выхода, как согласиться. Стоило ему посильнее толкнуть веслом борт моей лодки, и она бы накренилась, черпнула воды и потонула. Назвался он Сергеем и расспросил меня: кто я, почему один, что везу. Я не спрашивал его ни о чём. Он плыл всё время сзади меня. Я грёб из всех сил, непрерывно ощущая опасность за спиной. Я хорошо понимал, что являюсь желанной добычей для него: имею необходимые для всякого беглеца документы, карты, «тозовку». Наверняка он был уверен, что у меня есть и немалые деньги, ну и одежда, кое-какие продукты.

Мы проплыли в тот день километров 50. В сумерки остановились на ночёвку. Он притащил и нарубил сушняка, я развел костёр, приготовил макароны с тушёнкой, попили чай. Я подготовил спальный мешок и предложил мешок и ему. Он отказался, сказав, что привык спать у костра, не раздеваясь. Это тоже было подозрительно. Однако я так зверски устал от многочасовой опасности, тяжёлой гребли, погрузки, разгрузки, что мне стало всё равно. Немного подумал и демонстративно, не разряжая, прислонил «тозовку» к стволу сосны, воткнул

топор в пень и залез с головой в родной спальный мешок: всё равно выхода не было. Ещё раз мысленно повторил себе: что будет, то будет. Страшно измученный опасностью и физически, я моментально и крепко заснул.

Утром, проснувшись ещё в темноте, я убедился, что жив, а Сергей спит у костра. В эту первую ночь страхи пронесли мимо. Разогрев остатки ужина и чай, мы стали собираться. Сергей предложил взять в свою лодку часть моего груза. Я отдал ему снаряжение. Моя лодка стала легче и устойчивее, и, несмотря на встречный ветер, мы поплыли быстрее. Сегодня Сергей плыл впереди меня. Мне поэтому стало немного спокойнее. Мы по-прежнему гребли изо всех сил, торопясь убежать от ледохода, и проплывали по 60 — 65 км в короткий якутский октябрьский день. Сергей участвовал во всех хозяйственных хлопотах, и постепенно я все больше доверял ему. Я разглядел его ладную фигуру, румяное лицо и слегка кудрявившиеся соломенные волосы, спокойные глаза и характер. Его облик как-то не вязался с представлениями о преступнике. Я стал склоняться к мысли, что он, возможно, убил пожарника случайно, не исключено, что в пьяной драке.

На четвёртый день мы проплывали якутскую деревню. Я пошёл отметить командировку в сельсовете и купить хлеба. Сергей остался у лодок. Судя по всему, он нервничал. В сельсовете меня спросили, плыву ли я один и не встречался ли мне по пути рослый блондин. Я к тому времени утвердился в мысли, что по своей натуре Сергей явно не преступник. Поэтому я сказал, что со мной плывет рабочий из Якутии, а больше я никого не встречал. Я рассказал Сергею о моём разговоре с секретарем сельсовета. Это был ему знак, как ему вести себя в Якутии. На седьмой день вечером мы приплыли в Токко, а на следующий день туда прибыли коллектор и рабочий. Оказывается, они прибыли в Усть-Жую в день моего отплытия и безуспешно пытались догнать меня всю неделю. Подвесной мотор они не смогли завести и тоже шли на вёслах.

В Токко я получил деньги, необходимые на дальнейшую дорогу. Сергей наладил подвесной мотор. В то время подвесные моторы были в Якутии большой редкостью, и нашлось много желающих купить его у нас. Я с удовольствием избавился от подобной громоздкой и неудобной поклажи. За ремонт мотора я заплатил Сергею, и он купил себе авиабилет до Олёкминска. Мы расстались друзьями.

Работавший у меня дипломник, окончив институт, распределился в Якутское геологическое управление. Через пару лет он встретил там Сергея, который работал истопником и летом выезжал с ним на полевые работы.

## Нашествие зайцев и переправа в ледостав (1963 г.)

В конце очень успешного полевого сезона 1963 г. моему отряду, который проработал лето в районе Кемпендяйских соляных куполов, руководством ГИН было предложено дополнительно описать первую только что пробуренную в центральной части Вилюйской впадины скважину Вилюйск Р-1. Настал конец сентября. В селении Сунтар основная часть отряда уже была расформирована, арендованные лошади благополучно сданы колхозу, а рабочие и коллектора рассчитаны. Мы остались вдвоем: дипломник Московского нефтяного института Володя (Владимир Андреевич Комар<sup>1</sup>) и я.

Вылетели из Сунтара в Вилюйск в начале октября, когда начались заморозки. Над маленьким Вилюйским аэропортом нашему «кукурузнику» (ПО-2) пришлось немного покружиться, пока начальник аэропорта разгонял большой палкой стадо коров, вышедших пасти на лётное поле. Аэропорт располагался на левом берегу р. Вилюй, а сам город — на правом. Когда мы переправлялись через реку в город, то увидели проплывавшие мимо небольшие плоты, на которых возвышались стога, состоящие из заячьих тушек. Нас это не слишком удивило, потому что с сентября в тайге появилось несметное количество зайцев. В предыдущие два полевых сезона мы очень редко встречали их. В этом же сезоне они, частично вылинявшие и поэтому хорошо заметные на бурой траве, встречались на каждом шагу. Зайцы непрерывно шныряли под ногами наших лошадей, спасаясь от гонявших их собак. Появились настоящие заячьи тропы, сбивавшие с толку неопытных коллекторов. Каждый сотрудник отряда возвращался из маршрута с двумя-тремя зайцами. Наш конюх Христиан, сидя в лагере на пне и не сходя с места, виртуозно бил навскидку пробегавших мимо зайцев из мелкокалиберной винтовки. Стрельба без прицела из винтовки вызывала восторг и зависть у очень азартного охотника Володи. Морозные ночи и прохладные короткие дни позволяли хранить тушки зайцев по несколько дней и даже замораживать их. Пришлось для перевозки зайцев выделить отдельную лошадь. С каждого бока этой лошади висело по 15 — 20 зайцев.

---

<sup>1</sup> Владимир Андреевич Комар. В дальнейшем талантливый научный сотрудник ГИН АН СССР, кандидат наук, прекрасный полевой геолог, специалист по стратиграфии и строматолитам позднего докембрия. Отличался решительным и отважным характером. Не раз спасал утопающих и коллег, подвергавшихся нападению медведей, и при других обстоятельствах. — *Прим. автора.*

Такого нашествия зайцев ни местные жители, ни наши таёжники-рабочие никогда не видели. Действительно, предыдущее, лишь немногим меньшее, нашествие зайцев в Якутии происходило более 120 лет назад. Оно наблюдалось, и было описано академиком А.Ф. Миддендорфом<sup>1</sup>.

В нашем отряде к обдирке зайцев был приставлен местный старик из одинокого зимовья, напросившийся к нам в качестве проводника. В действительности он забыл все тропы в той местности, куда мы продвигались. На вопрос, когда же он ходил здесь в последний раз, ответил, что мальчишкой с отцом. Мы прикинули, что, по-видимому, это было еще до революции. В сельсовете, когда я заверял его трудовое соглашение, меня убеждали, что ему около 100 лет. Кроме обдирки зайцев старику поручили замыкать наш вьючный караван и подбирать упавшие вещи. Однако он нередко засыпал в седле, не выпуская изо рта зажжённую трубку. Однажды во сне он поджёг свои ватные брюки и мог получить серьезные ожоги, если бы кто-то не учуял запах дыма и не обернулся. После этого его отрешили от обязанности замыкающего. Не желая быть лишним в отряде, он стал усиленно заготавливать дрова для костра на стоянках, рубил и таскал здоровенные брёвна.

Город Вилюйск был по существу большой аккуратной деревней, в которой размещалась районная администрация. Вряд ли он сильно изменился со времени пребывания в нем в ссылке 100 лет назад Н.Г. Чернышевского. Лишь на всех огородах и пустырях Вилюйска, как в тайге, непрерывно стреляли зайцев. Пока мы описывали керн скважины, на Вилюе появились забереги, а когда мы закончили описание, они достигли нескольких десятков метров в ширину, и начался ледоход. Старожилы говорили, что он может продолжаться на Вилюе несколько недель, и только через месяц переправа к аэродрому по льду станет безопасной. До возвращения в Москву нам было ещё необходимо поработать в геологическом фонде Якутска. Перед нами встала проблема. Вернуться в Москву в середине декабря или попытаться перебраться в аэропорт на правый берег Вилюя в ледоход. Задерживаться до декабря не позволяли сроки командировки и начало учебного года дипломника, да и очень не хотелось встретиться со свирепой якутской зимой. Наши авиабилеты до Якутска были куплены в городской кассе Вилюйска, и по закону аэропорт обязан был обеспечить доставку пассажиров к самолёту сам. Однако начальник аэропорта объявил, что его катер сломан, не в состоянии доставить нас в аэропорт, и мы сами должны найти человека, который возьмётся за это рискованное дело.

---

<sup>1</sup> См. Миддендорф, 1877. — *Прим. И.М.*

И мы рискнули. За это взялся за большую плату один рыбак, который, как говорил нам, имел подобный опыт. Накануне отлёта мы перевезли наши вещи и образцы на берег. Из-за заберегов лодка рыбака не смогла подойти к берегу. Лёд заберегов был еще тонкий, прозрачный и прогибался. Мы вынуждены были, чтобы не провалиться, ползти по нему на брюхе и толкать тюки перед собой. Это было непросто. Стоял мороз около  $-15^{\circ}\text{C}$ , и мы были в меховых лётных куртках, шлемах, ватных брюках и резиновых сапогах. Лодка оказалась недостаточно большой. Когда вещи и все мы погрузились, запас плавучести составлял около трёх пальцев. Лавируя между большими льдинами и отталкиваясь от них, мы, кое-как сохраняя равновесие, пересекли быстрый поток фарватера, и стали приближаться к правому берегу. Однако пристать к отлогому берегу не удалось, так как течение отнесло нас, льдина прижала лодку к песчаному обрыву высотой около четырёх метров. П слышался угрожающий треск сжатых лодочных бортов. Мы изо всех сил отжимались вёслами и баграми от обрыва и постепенно сдвигались к менее крутому берегу. Но между нами и обрывом вклинилась еще одна льдина. Схватив причалку, я прыгнул на эту льдину, чтобы далее перепрыгнуть на более пологий песчаный склон. Однако льдина перевернулась и накрыла меня. Володя, изловчившись, молниеносно схватил меня за воротник и вытянул наполовину из воды. Через несколько долгих минут медленного дрейфа лодки я почувствовал дно под ногами и вытянул лодку на пляж. Мокрая одежда на мне сразу замерзла, и я покрылся ледяной бронёй. Лодка была быстро разгружена. Мы поблагодарили лодочника, заплатили ему за работу, и он немедленно исчез, лавируя между льдинами.

Быстро стемнело. Берег был лесистым. В темноте мы пошли искать дорогу к аэродрому и вскоре поняли, что попали в ловушку. Лодочник высадил нас на остров, который был отделен от берега не очень широкой, но не замёрзшей протокой. Наступила ночь. Взошла луна. Крепчал мороз. Посыпал снег. Володя стал готовиться к ночёвке у костра. Я пошел осмотреть протоку в надежде найти плотик или материал для его изготовления. Решился также проверить глубину протоки шестом. Ледяная броня защищала меня, и было не очень страшно бродить по воде. Вскоре обнаружился брод, который был глубиной по пояс. По нему можно было на голове перенести все вещи. Продираясь через густой лес, покрывавший остров, мы перетаскивали вещи и образцы к броду. Затем, натянув резиновые сапоги и плотно обвязав их у бедра, а куртки — у пояса, мы перенесли на головах всё имущество на правый берег. Он был уже покрыт первым снегом. Володя принялся опять разводиться костер, а я побежал на аэродром. Там полагали, что мы на-

верняка утонули. Увидев меня, начальник аэропорта страшно обрадовался и облегчённо вздохнул. С его плеч свалилась ответственность за нас. Немедленно была послана лошадь с санями за Володей и вещами. Через четверть часа нас обоих переодели во что придётся, посадили к горячей печке, напоили горячим чаем со спиртом<sup>1</sup>, накормили и изрядно напоили в буфете, а затем уложили спать в тёплой диспетчерской. Утром на «кукурузнике» мы улетели своим рейсом в Якутск.

В Якутске мы жили на нашей экспедиционной базе в центре города. Якутское геологическое управление и геологические фонды размещались на его северной окраине в получасе ходьбы от базы. В ноябре морозы днём достигали — 40 — 43 °С, и сначала, чтобы добраться до фондов, мы с Володей по дороге забегали в каждый магазин, дабы оттереть отваливающиеся носы. Потом попривыкли и, если не чувствовалось ни малейшего ветерка, с удовольствием выходили после ужина немного погулять. При этом, правда, приходилось для безопасности держать под полами геологические молотки. Это был год большой амнистии, и в ночном городе нередко сильно пошаливали. Вернулись мы в Москву в начале декабря, ко Дню Советской Конституции.

## Экспедиция на Шпицберген (1966 г.)

Во второй половине 20 века в связи с ожиданиями климатических изменений, обусловленных выбросами парниковых газов в атмосферу, в науках о Земле появился большой интерес к истории климата, особенно к древним оледенениям. О наличии верхнедокембрийских ледниковых отложений на архипелаге Шпицберген было известно с 1934 г. из прекрасных описаний шведского геолога Оскара Куллинга. Данный архипелаг сравнительно недавно стал освобождаться от основательно обскоблившего его ледникового покрова, поэтому слагающие его коренные отложения очень хорошо обнажены. Это позволяет не только детально изучить сами древние, точнее верхнедокембрийские, ледниковые отложения, но также сравнить их с формирующимися сейчас ледниковыми отложениями и раннечетвертными ледниковыми

---

<sup>1</sup> В 1960-е годы в Якутию водку не завозили из-за возможной заморозки и для облегчения перевозок. — *Прим. автора.*

отложениями, подобными тем, которые покрывают большую часть Европейской России.

Поэтому ГИН отправил на Шпицберген специальную экспедицию. Руководил ею Юрий Александрович Лаврушин (Раабен М.Е., Лаврушин Ю.А., 1967).

Экспедиция состояла из трёх отрядов. Два отряда, Марии Евгеньевны Раабен и мой, должны были изучать стратиграфию и древние ледниковые отложения, соответственно, а отряд Ю.А. Лаврушина — современные и раннечетвертичные ледниковые отложения.

Шпицберген принадлежит Норвегии и именуется провинцией Свальбард. Согласно международному мирному договору 1920 г.<sup>1</sup> на территории Шпицбергена всем странам беспрепятственно разрешается после простого уведомления администрации провинции производить научные исследования и хозяйственную деятельность. Этим правом и воспользовался ГИН.

После обстоятельных сборов мы в конце июня 1966 г. погрузились в Мурманске на небольшой корабль и пересекли границу России. На борту находились завербованные в Донбассе шахтёры. Нас поставили на бесплатное питание, которое в советское время полагалось всем полярникам. Пока корабль шёл по Кольскому заливу, в ресторане на ужин собралось полно народа. Ночью началась качка. Утром к завтраку в ресторан пришла треть пассажиров, обедали уже единицы, а до конца рейса ресторан пустовал. В Баренцевом море штормило целых три дня. Морская болезнь вскоре сразила и команду. Только капитан и М.Е. Раабен регулярно посещали ресторан. Под конец пал и капитан. Когда мы сошли на сушу, качание маятников на стальных часах у многих бывших пассажиров вызывало признаки морской болезни.

Нашей базой на Шпицбергене стал шахтёрский посёлок Баренцбург, в котором имелись морской причал, гостиница, вертолёты МИ-8, а главное — продовольственные склады и круглосуточно работающая прекрасная бесплатная столовая со шведским столом. Опустошённые качкой пассажиры не покидали столовую часами, сожалея только о том, что в ней нет ничего спиртного. В шахтёрском Баренцбурге царил строжайший сухой закон. Бутылка коньяка выдавалась только за выдающиеся трудовые рекорды.

Передвигаться по гористому и разрезанному ледниками Шпицбергену было непросто. Вертолёты обычно доставляли нас в районы полевых работ, а дальше мы передвигались пешком, на лыжах, а вблизи

---

<sup>1</sup> Шпицбергенский трактат. — *Прим. И.М.*

фьордов — на лодке. Основные обнажения располагались на крутых бортах троговых (ледниковых) долин. По поверхности ледников, опасаясь трещин, мы передвигались чаще всего на лыжах. Летом ледники покрывались многочисленными лужами, и везде текли ручьи. Поэтому и пешком, и на лыжах мы ходили в резиновых сапогах. Вдоль побережий фьордов, а иногда и открытого моря, передвигались на хрупкой дюралевой лодке «Казанке» с подвесным мотором «Москва-1». Это приводило в ужас и восхищение шведов и норвежцев, которые использовали для плаванья между льдинами и айсбергами фьордов солидные моторные баркасы. Некоторые районы наших исследований были настолько удалены от Баренцбурга, что вертолётам заранее приходилось забрасывать горючее для их дозаправки по дороге. Жили мы в палатках. Отапливались и готовили на печках-буржуйках. Топлива для них хватало с избытком. Торосы плавника, именуемого норвежцами «русским лесом», обрамляли всё побережья архипелага. На брёвнах действительно иногда были видны следы русской маркировки.

Несмотря на 80° с.ш. и полугодовые полярные ночи архипелаг изобиловал следами жизни. Табуретками нам часто служили китовые позвонки, которые в большом количестве встречаются на побережьях островов. В течение трёх веков Шпицберген был основным местом китобойного промысла на Земле. Нам же нигде и ни разу не пришлось увидеть самих китов, хотя их костями архипелаг был усеян. Изредка вдоль фьордов со свистом проносились небольшие стаи огромных, шестиметровых дельфинов-белух. Они появлялись внезапно и проносились столь стремительно, что разглядеть их было невозможно. Зато почти в любом месте, стоило подойти к берегу, как из воды немедленно высовывалось несколько любопытствующих очень смешных круглых усатых тюленьих голов, которые наблюдали за нашей работой. В полной тишине одного пустынного фьорда мне вдруг почудились звуки первого концерта для фортепьяно с оркестром П.И. Чайковского. Я был уверен, что это галлюцинация, результат длительного и полного безмолвия. Однако вскоре, повернув за угол, я увидел на берегу фьорда табурет, на котором стоял играющий патефон, а из воды торчала добрая дюжина усатых голов внимательных слушателей. Мое появление вспугнуло браконьеров, которые музыкой приманивали любознательных животных. Любопытство часто обходится тюленям дорого.

В большом количестве на островах водятся песцы. Их многочисленные ушастые головы непременно выглядывали из-за ближайших сугробов во время наших завтраков и ужинов. Песцы особенно разбойничают в птичьих поселениях, расположенных на маленьких остров-



ках. Поэтому утки иногда устраивают гнезда на невысоких террасах. Однажды мы с воздуха выбрали на берегу Мэрчисон-фьорда подходящую площадку для лагеря. Пилот почти приземлился на ней, но затем вновь поднялся и посадил вертолёт в 200 м западнее. Оказалось, что в указанном нами месте на гнезде сидела утка. Она не слетела с гнезда ни во время приземления вертолёта, ни когда мы подошли к гнезду посмотреть на неё. Это была обыкновенная кряковая утка. Она лишь испуганно вертела головой, но не покинула гнезда, чтобы не остыли яйца. Мы устроили вокруг её гнезда небольшую каменную ограду и наблюдали за ней несколько дней. Только однажды, в очень тёплый солнечный день утка на несколько минут отлетела к воде покормиться. Многочисленные чайки обычно гнездятся на скалах по бортам ледниковых трогов. Иногда их колонии встречаются в 20 — 40 км от берега моря, куда им приходится летать за пищей для себя и птенцов. Огромные, как боровы, белоснежные и царственно важные альбатросы встречались, главным образом, на свалках у столовой и у причала, где выгружается рыба.

Кроме птиц сильное впечатление производят большие стада овцебыков, которые наблюдались нами с вертолётов. Эти длинноволосые с мощными прижатыми ко лбу рогами животные похожи на небольших яков. Судя по рассказам жителей поселков, овцебыки свирепы и агрессивны. Если их вспугнуть, они проносятся большими плотными (бок о бок) стадами, сметая всё на своём пути.

Среди растений чаще всего обращают на себя внимание жёлтые полярные маки, которые растут даже на камнях и глине, только что вытравших изо льда и снега. Преобладают во флоре разнообразные мхи.

Поскольку солнце на Шпицбергене летом светит круглые сутки, то распорядок рабочего дня в отряде незаметно день ото дня смещается, и через некоторое время выясняется, что в хорошую погоду мы утром возвращаемся из маршрута и ложимся спать, а уходим в маршрут в полночь. Погода на Шпицбергене меняется несколько раз в день, и даже в солнечный день может неожиданно налететь снежный заряд. Сильные ураганы начинаются внезапно и моментально разрывают палатки, поднимают позёмку из щебёнки и мелкой гальки, катают по земле нашу «казанку». Ветер при этом срывает все волны с поверхности моря, и над морем появляется толща водяной пыли с радугой, а сама ровная поверхность моря вся как бы кипит. Пережидать такой шторм пришлось не один день, лёжа на земле под брезентом, придавленным по краям большими камнями, и грызя всухую сухари.

Для того, чтобы сократить число вертолётных вылетов и расход бензина, мы создавали иногда за один перелёт два лагеря: один глав-

ный, а другой — выносной, точнее выкидной, в котором хранилось снаряжение и продукты. В такой лагерь мы приходили из главного лагеря на лыжах налегке на несколько дней и затем также налегке возвращались в главный лагерь. На полуострове Ньюфрисленд мы запланировали с помощью вертолѐта поставить главный лагерь на борту ледника Дитловтоппен в 20 км от устья, а по пути к нему оставить выносной лагерь на леднике Поларисбреен, который отделѐн от ледника Дитловтоппен высоким плато шириной в 20 км. Для выносного лагеря на леднике Полярисбреен прораб должен был по списку собрать нам всё снаряжение, примус и продукты, а также новую жѐлтую палатку, чтобы покрыть вещи сверху. Последнее условие было необходимо для того, чтобы легче было найти лагерь и отпугнуть нафталиновым запахом хищников. Выгрузка выносного лагеря на леднике Поларисбреен производилась под работающим винтом без посадки вертолѐта на грунт. За считанные минуты прораб должен был уложить и надёжно накрыть груз, а я сориентироваться и точно нанести на карту место его положения. Пилоты похвалили нас за расторопность и благополучно отвезли нас на место, выбранное для главного лагеря. Подробно описав разрезы ледника Дитловтоппен, М.Е. Раабен, её коллектор и я надели лыжи, рюкзаки и отправились на ледник Поларисбреен. Дорога оказалась трудной, и мы подошли к месту, где должен был находиться выносной лагерь, поздно вечером, сильно уставшие и голодные. Однако лагеря на указанном на карте месте мы обнаружить не смогли, как ни старались. Мне пришлось обойти все окрестности вокруг, неоднократно пересекая по хрупким снежным надувам страшную широкую трещину, которая разрезала ледник и на дне которой гремел валунами бурный ледниковый поток. Я вернулся на то место, которое было обозначено на карте и где меня ждали измученные, голодные, замѐрзшие и потерявшие всякую надежду на отдых спутники. Подходя к ним, я случайно наступил на выцветший зелёный брезент палатки, скрывавший наше лагерное имущество. Брезент был неразличим на фоне зеленовато-серых мхов и лишайников, покрывавших россыпь камней и щебня. Наше имущество оказалось идеально замаскировано. Прораб оправдывался потом тем, что класть новую красивую палатку ему стало жалко. Но он забыл также положить в вещи чайник и кастрюли. Пришлось использовать вместо них миниатюрные консервные банки.

Довольно тревожным оказалось наше возвращение с ледника Дитловтоппен в Баренцбург. В день прилѐта вертолѐта туман плотной пеленой покрыл ледник. Выпущенная ракета терялась в пяти метрах от земли. Мы слышали, как над пеленой тумана долго кружил и затем

улетел прилетавший за нами вертолёт. Стало ясно, что он вернётся не скоро, так как будет вынужден улететь на заправку. Но на второй день история повторилась. Вертолёт прилетел, покружил над туманом и опять улетел. Теперь стало ясно, что ждать нам придётся очень долго. Однако на третий день неожиданно вертолёт опять прилетел, но туман сохранялся, поэтому мы спокойно сидели в палатке и не прерывали завтрак. Вдруг шум мотора стал усиливаться, мы выскочили из палатки и увидели опускающиеся из тумана прямо на палатку колёса вертолёта. Стремглав выкинув из палатки пылающую печку подальше, мы оказались под работающим винтом зависшего над нами вертолёта. Давно собранное снаряжение и мы сами моментально загрузились в вертолёт, дверь захлопнулась, и он полетел. Мы плохо понимали, как все это могло произойти. Во-первых, было непонятно (непонятно и сейчас), как пилот нашёл наш лагерь в плотном тумане. Во-вторых, как он рискнул опуститься рядом с отвесной стометровой скалой, у основания которой стоял наш лагерь. В-третьих, как он взлетел с двукратной перегрузкой. Наше снаряжение, люди и образцы горных пород, собранные двумя отрядами за две недели, представляли полную загрузку для двух вертолетов. Наконец, как ему хватило топлива на трёхкратный полет к нам. Последнее выяснилось через 20 минут, когда мы приземлились на берегу фьорда у устья того ледника, на котором жили. Там оказался второй вертолёт. Пилоты трое суток ждали здесь момента, когда рассеется туман над нашим ледником и, не дождавшись, решились на эту рискованную операцию. Её блестяще провел легендарный полярный лётчик Пётр Пушкин. На радостях и от пережитого потрясения мы достали заветную фляжку со спиртом и предложили всем вместе выпить. Пилоты вежливо согласились. Когда фляжка опустела, они скромно достали канистру со спиртом и предложили нам добавить.

На обратном пути к Баренцбургу нас ожидал еще один неприятный момент. Вертолёты должны были пролететь по ущелью между двумя хребтами. Когда они вошли в этот узкий проход, неожиданно налетел большой снежный заряд. Вокруг вертолетов ничего не стало видно. Мы ещё раз поразились искусству полярных лётчиков. К сожалению, не всё зависит от их искусства. Через год мы с горечью узнали, что Пушкин сгорел вместе с вертолётom во время неожиданно налетевшего урагана.

Кроме нашей экспедиции, в тот полевой сезон на Шпицбергене продолжала работать богатая шведская экспедиция, руководимая близким другом шведского короля. В числе участников были иностранцы, в том числе мой хороший друг М.Г. Гросвальд из Института гео-

графии АН СССР. База шведской экспедиции размещалась на берегу Мэрчисон-фьорда напротив нашей «утиной» стоянки. Отношения со шведами у нас были весьма дружеские. Мы не раз встречались и делились нашими результатами, а они представляли нам необходимые аэрофотоснимки. Иногда они приглашали нас к себе. Их база была огромной и состояла из множества собранных вместе стандартных блоков: жилых купе, бани, кухни, кладовых, больших рабочих и столовой зон. Каждый участник имел своё отдельное купе. Экспедицию обслуживало несколько маленьких вертолётов, которые после завтрака развозили геологов и гляциологов по местам исследований, а после 16 часов везли их обратно в баню. После бани и небольшого аперитива начинался общий ужин, который длился до 11 ночи. На него собиралось десятки сотрудников. Без галстуков к ужину никого не допускали. Пищу готовили и накрывали на столы приглашённые из Италии и Швейцарии повар с помощниками. Меню было весьма обширным. Кладовые с напитками, фруктами и шоколадом были открыты для всех круглые сутки. Виски было доступно для всех с 14 до 23 часов. На бутылках было выдавлено: «Виски разлито в Шотландии по заказу шведского короля».

Бывали шведы и в наших скромных лагерях. Их не смущал наш чисто геологический быт, нравился армянский коньяк и шпроты.

Несмотря на скромность экспедиции наши наблюдения существенно изменили существовавшие ранее представления о характере древнего оледенения на Шпицбергене. Ознакомиться с нашими материалами и публикациями в Москву вскоре приехали английские и норвежские ученые. Новые взгляды на природу этого оледенения были ими полностью оценены, а я был приглашен посетить Кембриджский университет.

## **Встречи с медведями и другими зверюшками**

Бродя по тайге не один десяток лет, я повидал много разных её обитателей, но особенно хотелось увидеть живого медведя. Однако мне долго не везло. Медведи избегали меня. Мои коллектора в первый же год ухитрились встретиться с ними и иногда не один раз, а я — никак. Таёжники говорили мне: «Однако не к добру это, начальник. Потому,

если повстречаешь, то добром с ним не разойдешься». Первых медведей я встретил только в свой 12-й таёжный сезон. Особенно мне запомнилась самая первая встреча.

Светлой якутской ночью я возвращался один по пыльной дороге на прииск Бульбухта. Сильно задержался потому, что долго торговался, нанимая оленей в эвенкийском стойбище. В моей левой руке, как всегда, был геологический молоток. Однако вдоль дороги ни одного обнажения (выхода коренных пород) не встретилось. Дорога оказалась скучной. Тайга крепко спала. Кругом стояла полная тишина. Вдруг сзади послышался слабый шорох. Я оглянулся и замер. В нескольких метрах справа от дороги из кустов на меня глядела огромная медвежья голова. Она была такой симпатичной и добродушной, что я нисколько не испугался. Голова была красиво обрамлена пушистой бежевой шерстью. Это придавало ей вид огромной доброй маски. Спокойно посмотрев на меня секунду, медведь по-бабьи слабо охнул, подпрыгнул, развернулся и моментально исчез в густых кустах. Было обидно, что я не смог им ещё немного полюбоваться. Продолжая идти, я ощущал душевную радость от мимолётной встречи с доброй красотой этого зверя. Зловещие предсказания таёжников не оправдались.

В тот сезон мне пришлось встретить ещё трёх медведей. Вторая встреча была ещё более короткой и бестолковой. Втроем мы поднимались по ступенчато изогнутому гребню. На одном из подъёмов из-под ног вылетела стайка рябчиков и скрылась за следующим перегибом гребня. Среди коллекторов был один ужасно азартный охотник. Он жестом остановил нас, вскинул двустволку и скрылся за перегибом. Мы, подождав и не дождавшись выстрела, стали подниматься по гребню снова. Вдруг на нас сверху кубарем скатился взъерошенный небольшой медведь. Столкнувшись с нами, он резко свернул и юркнул в гущу прилежащего оврага. Все произошло так мгновенно, что мы рта открыть не успели, а когда опомнились, то заволновались, что случилось там с нашим охотником. Когда мы поднялись на перегиб, то увидели, что он лежит на животе, а его руки шарят по траве. Мы испугались, что он сбит и ранен медведем. Оказалось все проще. Меняя второпях патроны с мелкой дробью на жаканы (патроны с пулями), он выбросил патроны с дробью на землю, а теперь пытался найти их. Первая встреча с медведями для моих коллекторов тоже оказалась безобидной.

Двух других медведей в тот день мы увидели издалека, с вершины гряды. Они были матёрые и шли друг за другом. Это была медвежья свадьба. Гулять посторонним на такой свадьбе не рекомендуется.

В этот же сезон один из коллекторов, выйдя однажды утром в маршрут, через полчаса вернулся обратно в лагерь, смущённый и расстроен-

ный. «Что случилось?» — спросили его. «Я встретил медведя, он сидел, что-то ел и так на меня выразительно посмотрел, что мне не захотелось идти дальше».

Курьёзный, хотя вовсе не смешной для его участников, случай произошёл с начальницей геологического отряда нашего института Зоей Алексеевной Журавлёвой. В 1950 г. топографических карт на территорию Якутии еще не было. Мы часто проводили глазомерную съёмку, чтобы привязать обнажения к каким-либо реперам. Расстояние измеряли парами шагов, средняя длина которых была заранее выверена, а азимуты определяли по геологическому компасу. Однажды Зоя Алексеевна проводила подобную съёмку в среднем течении р. Бирюк (небольшой левый приток р. Лены). Она шла по тропе и считала пары шагов: 1, 2, 3, <...> 800, 801, 802. Тут вдруг почувствовала резкий запах и подняла голову. Навстречу ей по той же тропе шёл медведь. Она так испугалась, что как бы ооченела, не смогла остановиться и продолжала идти навстречу медведю, считая шаги. Они мирно разошлись недалеко друг от друга на встречных курсах. Только досчитав до тысячной пары шагов, Зоя Алексеевна очнулась, оглянулась, и, не увидев медведя, побежала в лагерь. В лагере у костра рядом с мирно пасущимися лошадьми и коллектором она, хотя и далеко не сразу, пришла в себя и рассказала о страшной встрече. Потолковав о случившемся и несколько успокоившись, они наскоро сварили на ужин манную кашу, разложили на ночь большой костёр для безопасности и легли спать. Однако вскоре костёр прогорел, и их разбудил топот стреноженных, убегающих в лес лошадей. Потом они услышали шаги. Кто-то обнюхивал и ворошил сложенные у палатки вещи. Затем зазвенела немытая посуда, опрокинулось ведро с недоеденным ужином и раздалось громкое чавканье. Зарядив двустволку пулями, они решили не стрелять вслепую на звук, а выстрелить дуплетом, когда увидят зверя и смогут прицелиться. Так, трясясь от страха, они просидели полночи. Наконец, ещё раз загремела посуда, чавканье и шаги затихли. На поляну вернулись лошади, и было слышно, как они, хрустя травой, мирно пасутся на поляне. Измученные страхом и бессонницей, обитатели палатки проспали до середины следующего дня. Наскоро попив чаю (остатки ужина слопал зверь), они поспешно собрали лагерь, завьючили лошадей и покинули опасное место. Вскоре им встретился двигавшийся навстречу отряд аэрогеологической экспедиции. Они предупредили аэрогеологов, что им следует быть осторожными, что в этом месте бродят медведи и что одного медведя днём встретила З.А. Журавлёва, а другой приходил ночью в лагерь, съел хлеб и даже манную кашу. Упоминание о манной каше вызвало у аэрогеологов дружное веселье. «А мы до сих пор никак не

могли понять, где наша собака перепачкалась манной кашей. Манка у нас в отряде закончилась месяц назад».

Не все встречи с хозяином тайги были столь безопасны, как рассказанные выше. В один пасмурный день наш коллектор-дипломник Володя Работнов отправился в маршрут, чтобы выяснить, какими породами сложена лесистая гряда, отделяющая наш лагерь от прииска Бульбухта. Утро было пасмурное, росистое, ожидался дождик, поэтому Володя надел длинные резиновые сапоги и плащ. Поднявшись на гребень гряды, он вышел на небольшую полянку и сразу увидел на ней двух резвящихся медвежат. Володя работал в моём отряде второй год, до этого участвовал в экспедициях отца и не раз встречал медведей. Поэтому он был опытным таёжником и сразу оценил опасность ситуации. Ему было хорошо известно, как свирепо мамыши защищают своих малышей. Он стал потихоньку пятиться назад в лес, но под его ногами предательски хрустнула сухая ветка. Медвежата слегка пискнули, и из кустов с рёвом выскочила разъярённая мамыша. Володя изо всех сил бросился бежать от неё напролом через заваленный буреломом лес. Когда он, изнемогая, прислонился к дереву, чтобы перевести дух, за его спиной опять раздался рёв. Он побежал снова, и рёв за спиной повторялся еще два раза. На последнем дыхании он добрался до дороги. Медведи, несмотря на кажущуюся неповоротливость, бегают чрезвычайно быстро. Это прекрасно описал еще В.К. Арсеньев. Поэтому медведице ничего не стоило догнать Володю. Совершенно очевидно, что она хотела только отогнать его подальше от своих малышей.

Во время этой истории я стоял у магазина на прииске Бульбухта и вместе с каюрами завьючивал продовольствием оленей. Случайно взглянув на дорогу, я увидел в конце посёлка плетущегося по улице оборванного и качающегося, по-видимому, пьяного человека. Когда он приблизился, мы поняли, что это был Володя. Он еле держался на ногах, был бледен и сильно исцарапан. Его плащ и сапоги были разорваны и висели ленточками. Переведя дух, выпив и закусив, он рассказал, в какую историю попал. Перед возвращением в лагерь мы его переодели в то, что было под рукой, и он даже немного посмеялся над своим нелепым нарядом. Возвращаться в лагерь верхом Володя категорически отказался и пошagal наравне с нами по пыльной дороге.

Описанная выше встреча с медведем была у Володи в тот сезон не последняя. Однажды уже в конце сезона наш отряд в очередной раз менял место стоянки. Как всегда в таких случаях, мы намечали по аэрофотоснимкам подходящее место для следующего лагеря и объясняли каюрам, где его надо поставить. После этого коллектора и я расходились каждый по своему маршруту и вечером вновь встречались уже в

новом лагере. После нашего ухода каюры собирали лагерь, ловили и вьючили оленей, затем шли караваном до намеченного места. Там они разбивали новый лагерь и готовили ужин. Расстояние между лагерями составляло обычно 20—25 км. В тот памятный день, заканчивая в сумерках маршрут, я встретил сидящего у тропы одного из коллекторов. Он растянул ногу и, хромя, явно не смог бы дойти до лагеря до наступления темноты холодной осенней ночи. Чтобы не оставлять его на ночёвке одного, я остался с ним. Развёл костёр, вскипятил чай и достал остатки сухарей. Чуть рассвело, мы заковыляли с ним к лагерю, пришли рано утром. Каюры не спали и что-то оживленно обсуждали по-эвенкийски у костра. Оказалось, что два других коллектора, Слава Фонарёв и Володя Работнов, вчера пришли в лагерь очень поздно и вели себя странно: были молчаливы и от ужина отказались. Спустя некоторое время, попив чаю, они рассказали невероятную историю. Возвращаясь каждый из своего маршрута, они встретились на подходе к тому месту, где должен быть разбит новый лагерь. Однако оказалось, что намеченная для лагеря поляна сплошь заросла багульником. Они остановились и стали рассматривать, куда идут следы нашего каравана. В это время на другом конце поляны взлетела зеленая ракета, которая указала им, что наш лагерь расположился немного дальше по дороге. Они бодро зашагали к нему. Далее события развивались стремительно: сначала им показалось, что навстречу им сломя голову бежит собака, нет, не собака — теленок, нет, не теленок — медведь! Он набежал на них. Володя попятился и упал. Медведь, наклонившись, обнюхал его. Обомлевший было Слава, бросился на медведя с молотком, но тот не стал ждать удара, а повернулся и скрылся в зарослях багульника. Каюры упрекнули ребят, что они не рассказали им об этом происшествии сразу, как пришли. Мы тут же затравили бы этого медведя собаками. Эвенкам поведение медведя показалась совершенно непонятным и поэтому рано утром, пока не высохла роса и сохранились все следы на траве, они решили разобраться, что же произошло. И вот, что они выяснили: небольшой медведь спал в зарослях багульника, когда рядом с ним, шипя и подпрыгивая, упала недогоревшая сигнальная ракета. Испугавшись, медведь опрометью бросился бежать куда глаза глядят и, столкнувшись с ребятами, испугался еще больше. У него началась медвежья болезнь, и он, как сказали эвенки, побежал в лес помирать. Ребята же не сразу вернулись в лагерь, а пошли к ближайшему ключу, выкупались и долго топтались на его песчаном берегу. Чтобы не конфузить героев необычайного события, я строго-настрого запретил каюрам говорить Славе, Володе и вообще кому-либо о посещении ребятами ключа.



Медведи — не единственные крупные звери, встречающиеся в тайге. Порой нам приходилось видеть царя тайги сохатого. Так именуют лосей таёжники. Эти огромные и мощные животные с величественной, напоминающей соху короной рогов очень осторожны, и увидеть его даже в глухой тайге удаётся редко (значительно реже, чем в подмосковных лесах до перестройки). Однако характерные острые следы копыт сохатых в тайге встречаются часто. Сохатые осторожны, потому что в тайге у них имеется три сильных врага: медведи, рыси и главный, самый изощренный и беспощадный хищник, — человек. Он загоняет их собаками в озёра и на скалы-отстои и там отстреливает, гоняет до изнеможения на лыжах по весеннему насту, а также коварно, конским волосом, настораживает поперек троп ужасные «журавли» с рассекающими брюхо сохатого косами.

Встречаются в тайге и благородные олени — изюбри, которых убивают главным образом ради пантов. Однажды за мной в маршрут увязались три охотничьи собаки, весьма сытые, так как дня три назад объелись до стона требухой сохатого и не могли ходить, только ползали. Тем не менее, пока я подходил к первой островерхой скале, которую должен был описать, эти собаки поставили на отстой (на вершину скалы) великолепного изюбря. Я был рад, что со мной не было ружья. Правда это не спасло меня от весьма крепких упрёков охотников, которые сказали, что я должен был убить изюбря молотком или камнем, а то теперь собаки обидятся и убегут домой в деревню. Так и случилось. Когда через несколько дней мы пришли на свою базу в деревне Мача, нас с радостным лаем приветствовали все три пса.

На окраинах Патомского нагорья нередко встречается кабарга, небольшие оленьки, размером с козу. Их самцы имеют довольно длинные верхние клыки и мускусные железы. Последние являются главной целью для охотников. В сельпо за них давали неплохие деньги. Самки кабарги отличаются необычным характером. Они бросают своих телят в укромных местах, а сами убегают гулять. Если голодный телёнок запищит, на его характерный писк прибегает любая ближайшая мама, а порой даже две. Злые дяди-охотники делают специальные пищалки, чтобы подманивать добрых мамочек. Печень и молочное вымя кабарги не без основания считаются деликатесом. Мама-кабарга, как и любая женщина, весьма любопытна и не прочь лишний раз сфотографироваться. Если долго сидеть неподвижно на кабаргиной тропе, записывая в дневник результаты своих наблюдений, то кабарга, удивлённо разглядывая вас, может постепенно подойти на расстояние двух-трёх метров и стоять, пока не услышит щелчок затвора.

Помимо крупных зверей в тайге полно разных мелких зверюшек. Чаще всего мелькают полосатые труженики бурундуки. Они везде разыскивают и запихивают в защёчные мешки пищу, которую заготавливают на долгую зиму. Особенно они любят кедровые орехи. Все добытое складывают в земляные норы, в которых и зимуют. Нередко они бегают по крышам палаток, будя и смущая их обитателей.

В хвойных, особенно еловых, лесах обитают рыжие с пышными хвостами шустрые красавицы белки. Они питаются главным образом шишками, но разнообразят меню также грибами, которые сушат, насаживая на ветки, птичьими яйцами и птенцами. Заметив людей, собак или лошадей, белки недовольно и громко цокают, ловко перескакивают с дерева на дерево, иногда планируя с помощью распушенного хвоста. В случае неурожая белки массово мигрируют на новые места. При этом они могут переплывать даже большие реки, при этом держат хвосты над водой строго вертикально. Пушистые хвосты служат им поплавками. Однажды местные жители наблюдали такое переселение белок с правого на левый берег р. Лены. Одним из распространённых охотничьих промыслов еще недавно являлось «белкование». Шкурки серой белки, вылинявшей к зиме, заготавливали многими сотнями и тысячами штук, как отдельные охотники, так и артели, уходившие для этого в таёжные зимовья на многие недели.

Редким стал сейчас в тайге соболь. Лишь однажды мне удалось его увидеть перебегающим через большую каменную осыпь. Заметив меня, он сразу юркнул в щель между камнями. Оттуда на меня зло глядела маленькая голова с круглыми ушами и блестящими чёрными глазами.

Однажды, сидя на поваленном дереве у р. Намана (небольшой левый приток р. Лены), я приготовился позавтракать, достал свои бутерброды с утятинной, положил их рядом на камень, да призадумался и начал записывать в дневник мысли, только что пришедшие в голову. Несколько минут спустя, когда я посмотрел на свой завтрак, то обнаружил, что двое маленьких незваных гостей, очень изящных и аристократически одетых в дорогие черные шубки, торопливо доедают мою утку. Это были горностаи, быстрые, как молнии, гибкие, как змеи, с маленькой головкой и черными блестящими глазками. От неожиданности я ахнул, и гости тут же испарились. Я снова начал писать, но искоса подглядывал, как поведут себя горностаи дальше. Как и другие истинные красавцы, они оказались нахально-смелыми. Мгновенно вынырнув из-под камня, они схватили остатки утки и исчезли с ними в своём убежище. Я жевал чёрствый хлеб и радовался, что мне повезло увидеть этих красавцев.

## Колыма (1992 г.)

В конце полевого сезона 1992 г. мы с облегчением проводили в обратный путь работавшую с нами американскую пару (известного палеоклиматолога и обаятельного человека Лари Фрейкса и его супругу) и на двух надувных резиновых лодках поплыли с коллектором вниз по р. Аткан. Аткан — один из двух истоков печально знаменитой р. Колымы, ставшей нарицательным именем для всего этого мрачного края. В 1990-е годы места, по которым мы плыли, были уже совершенно заброшенными. Везде попадались отвалы старых приисков, да изредка встречались одинокие рыбаки.

Меня интересовали условия отложения верхнепермской атканской свиты<sup>1</sup>, в составе которой имелись своеобразные мелкозернистые породы, содержащие рассеянную гальку («редкогалечные конгломераты»). Некоторые исследователи считали, что эти породы представляют собой подводно-оползневые отложения, а другие, что они возникли в результате разноса галечного материала сезонными морскими льдами (то есть являются ледово-морскими отложениями).

Была вторая половина сентября. Первые три дня нашего плаванья стояла прохладная, но солнечная погода. Мы очень детально описали несколько больших обнажений атканской свиты и в ряде её горизонтов нашли явные признаки ледникового происхождения. Когда мы выплыли в самую Колыму, резко похолодало, закрапал дождик и подул очень сильный ветер. Для того чтобы укрыться на ночь от этого ветра, мы поставили нашу палатку в молодой тополёвой роще, расположенной на низкой террасе реки. Уставшие и продрогшие, мы после ужина залезли в спальные мешки и крепко заснули. Под утро, когда ещё было темно, нас неожиданно разбудила странная канонада, напоминающая протяжные пушечные выстрелы. Они раздавались то с одной, то с другой стороны палатки. Мы несколько минут соображали, что происходит. Затем грохот раздался совсем рядом, и что-то тяжёлое упало около палатки. Я босиком сразу выскочил наружу и по щиколотку провалился в мокрый тяжёлый снег. Тополя, с не облетевшей ещё листвой и толщиной до 15 — 20 см, ломались со страшным треском под тяжестью облепившего их мокрого снега и падали вокруг нашей палатки. К счастью, ни одно сломанное дерево не упало на палатку, и лишь два

---

<sup>1</sup> Эти отложения образовались приблизительно 260 миллионов лет назад. — *Прим. автора.*

ствола придавили и разорвали верёвочные растяжки. Крыша палатки совершенно прогнулась под тяжестью снега и была готова вот-вот порваться. Пока коллектор натягивал сапоги, я обежал вокруг палатки и скинул с неё толстый покров мокрого снега. Затем обошёл палатку еще раз и убедился, что ей больше ничего не угрожает. С тяжёлым чувством мы молча лежали в спальных мешках. Через час-полтора снегопад прекратился.

Когда окончательно рассвело, перед нами открылся бескрайний зимний пейзаж. Берега реки, леса и горы до самого горизонта были засыпаны снегом. Продолжать геологические наблюдения было невозможно. Мы набрали сушняк и развели большой костёр, чтобы согреться, высушиться и выпить горячего чаю с водкой. На следующий день снег стал постепенно таять. Ещё через день его пятна виднелись только в горах, обрамлявших Колыму. Мы поплыли дальше, стараясь согреться усиленной греблей. С осторожностью ползали по редким мокрым обнажениям. Вскоре долина Колымы расширилась, и обнажения перестали встречаться.

Впереди нас ждало Колымское водохранилище. На его берегу через три дня автомашина из Магадана должна была забрать нас. Мы представляли себе Колымское водохранилище как озеро, по которому легко добраться до места встречи. Однако оказалось, что нас ожидали большие трудности и опасности. Водоохранилище представляло собой затопленный стоячий лес, и нам на резиновых лодках предстояло пробираться через торчавшие из воды частично засохшие кроны смешанного леса. Мы сделали одну рискованную попытку осторожно проплыть между корявыми деревьями немного вперёд. Однако над водохранилищем дул сильный боковой ветер, при котором лавировать между деревьями на парусивших резиновых лодках оказалось невозможно. Стемнело. Пришлось заночевать, приткнувшись к заросшему кустарником крутому берегу.

На следующий день с раннего утра мы повторили попытку продвигаться к месту встречи, но сильный ветер опять пригнал лодки к крутому заросшему лесом склону. Ситуация становилась критической. До назначенной встречи с машиной оставались одни сутки. Завтра за нами придёт машина и не найдёт нас. Во второй половине дня ветер стих, и мы поторопились выплыть на чистую воду. Когда оказались посредине водохранилища, снова поднялся сильный ветер, но уже встречный. Мы изо всех сил гребли в течение нескольких часов, не переставая, но почти не продвигались вперёд. Стало темнеть, затем наступила полная темнота. Мы, по-прежнему выбиваясь изо всех сил, гребли, но очень медленно продвигались вперед. Чтобы нас не отнесло назад в затоп-

ленный лес, приходилось ориентироваться по звёздам. Когда мы уже выдохлись, впереди над водой вырисовалась огромная тёмная гора. В её тени встречный ветер затих. Глубокой ночью передняя лодка чиркнула днищем по дну и затем уткнулась в малюсенький низкий островок. Это, видимо, была вершина старого затопленного отвала. Затем отвалы стали попадаться чаще, и появились торчавшие из воды вершины наклонившихся столбов с колючей проволокой. Плыть на резиновых лодках стало опасно. К нашей радости здесь было не очень глубоко, мы вылезли из лодок и повели их, осторожно ощупывая дно резиновыми сапогами. Прокалывая сапоги колючей проволокой и зачерпывая раструбами сапог воду, попадая в ямы, мы кое-как выбрались на узкий берег. Когда разожгли большой костёр из плавника, то в его отблеске увидели, что немного правее нас с берега в воду уходит забор из колючей проволоки. Так мы провели эту ночь в концлагере. Столбами из его ограждения мы поддерживали наш костёр до утра.

Следующий день был солнечным и безветренным. Мы, наконец, обсушились и обогрелись. Быстро сориентировавшись на местности, разбили палатку на поляне, где должна была забрать нас машина. Когда стемнело, неожиданно начался настоящий снежный буран, такой плотный, что в десяти шагах ничего не было видно. Мы укрепили, как смогли, свою палатку и залезли в спальные мешки. Через час нас разбудил шум приближающейся машины. Не успели мы выскочить из палатки, как машина промчалась мимо нас. Её фары только скользнули по нашей засыпанной снегом палатке, которую невозможно было увидеть сквозь снежную пургу. Второпях и в темноте мы не сразу нашли ракетницу и ракеты. Выстрелы и серия разноцветных ракет, осветивших белую пелену, заставили машину повернуть назад. Водитель Володя дал нам 10 минут на сборы, поскольку боялся, что на обратном пути машина застрянет в сугробах или не сможет удержаться на узких неограждённых мостиках. Мы удивлялись искусству и смелости, с которыми Володя провёл ночью в пургу машину по просёлочной, давно заброшенной и занесенной снегом 30-километровой дороге, отделявшей нас от главного шоссе Магадан — Якутск. Сначала после долгой и утомительной дороги из Магадана Володя намеревался заночевать на этом шоссе, а за нами поехать утром. Когда началась пурга, он моментально сообразил, что через час дорогу занесёт снегом и машина не сможет ни пробиться к нам, ни вывести нас. Он вылез из спальника и, несмотря ни на темноту, ни на слепящую пургу, отправился за нами. Мы особенно оценили его смекалку и профессионализм, когда к утру выбрались на шоссе. Там мы увидели страшную картину: многочисленные мощные самосвалы с углем и прицепами, тяжёлые трайлеры с

грузом для Якутска, автобусы с пассажирами — все беспомощно буксовали на подъемах, а некоторые из них уже лежали на обочине этого гористого шоссе.

Добравшись до первого поселка и поставив свою машину в сторонку, Володя залез в спальник и с чистой совестью немедленно заснул. Мы его не тревожили до обеда.

## Вместо заключения

В 1975 г. заведующий Лабораторией истории геологии ГИН В.В. Тихомиров, следуя обычной практике получения информации о научных работах сотрудников Института, написал письмо Н.М. Чумакову и получил следующий ответ:

«Глубокоуважаемый Владимир Владимирович!

После защиты<sup>1</sup> я уехал в отпуск, затем срочно готовил работу к печати, ездил в поле и время от времени думал о Вашем письме относительно того, какие же идеи, направления, методы выдвинуты или разработаны мной.

Эти вопросы застали меня врасплох. В то же время оказалось очень полезно оглянуться и подумать над ними; за региональными проблемами, которым я уделял много времени, стали вырисовываться более общие вопросы.

По-видимому, я отвечаю слишком поздно, и мои ответы не понадобятся, но мне не хотелось оставить Ваше письмо без ответа.

С искренним уважением, Н. Чумаков (подпись)

Приложение на 1 л.

Чумаков Николай Михайлович, род. 13 мая 1927 г.

Кандидат геолого-минералогических наук в 1958 г.

Геологический институт АН СССР

1) Разработка на примере Вилуйской впадины идеи Н.С. Шатского о поперечных краевых системах (Чумаков, 1957; Чумаков, 1959).

2) Разработка совместно с З.А. Журавлёвой, Вл.А. Комаром и другими на примере Сибирской платформы и её обрамления идей и методики школы Б.М. Келлера о чётрёхчленном делении рифея (Журавлева и др., 1969); Стратиграфия СССР. Т. 2. Верхний докембрий, 1963.

---

<sup>1</sup> Защита докторской диссертации в 1975 г. (Чумаков, 1975). — *Прим. И.М.*

3) Разработка на примере территории СССР совместно с Б.М. Келлером, В.Г. Королёвым и М.А. Семихатовым идеи Н.С. Шатского и А.С. Новиковой о высоком стоянии древних платформ в рифее и затоплении их в самом конце рифея, одновременно с инверсией байкальских геосинклиналей: а) (Келлер и др., 1968); б) Литолого-палеогеографические и палеотектонические карты рифея (Атлас литолого-палеогеографических карт СССР. Т. 1, 1968).

4) Идея о ледниковых эрах (гляциэрах) — крупных отрезках в истории Земли, к которым приурочены оледенения; а) (Чумаков, 1972); б) (Чумаков, 1975).

Чумаков (Подпись)

## Автобиография (2023 г.)

Я, Чумаков Николай Михайлович, родился 13 мая 1927 г. в городе Сергиев Посад Московской области.

Родители:

Отец — Чумаков Михаил Николаевич (1882 — 1969), окончил Художественно-промышленное Строгановское училище, преподавал рисование и начертательную геометрию в различных ВУЗах и техникумах в г. Киржач Владимирской области, в Сергиевом Посаде и в Москве.

Мать — Чумакова (Селиванова) Евстолия Ивановна (1892 — 1974), училась в Художественно-промышленном Строгановском училище, но не окончила его в связи с революционными событиями. Воспитывала четырёх детей: Галину, Татьяну, Николая и Марию.

Я окончил начальную и частично среднюю школы в Сергиевом Посаде.

Летом и осенью 1941 г. работал в колхозе на срочной уборке урожая в связи с приближением фронта. В октябре — ноябре 1941 г. вместе с родителями участвовал на строительстве оборонительных сооружений на улицах и на окраине Сергиева Посада. В 1943 г. поступил на подготовительное отделение Московского Горного института, которое окончил в 1944 г. и в том же году поступил в Московский Ордена Трудового Красного Знамени Нефтяной институт имени И.М. Губкина. Окончил Институт с отличием в 1951 г. по специальности «геология, разведка и разработка нефтяных и газовых месторождений».

В летние сезоны с 1945 г. по 1950 г. работал коллектором или про- рабом в геологических экспедиционных отрядах Института геологи- ческих наук АН СССР в Якутии, Средней Азии, на Урале, в Башкирии и Татарии.

После окончания Института был переведен на должность младшего научного сотрудника ИГН АН СССР. Продолжал экспедиционные ра- боты, связанные с изучением геологии Якутии.

В процессе исследования Якутии впервые был установлен девонский возраст кемпендяйских соляных куполов, выявлена сложная структура и впервые установлена интенсивная вулканическая деятельность в за- падной части Вилюйской впадины и в её обрамлении, также впервые установлены верхнемеловые отложения. В основании западной части Вилюйской впадины выделен палеозойский Кемпендяйский прогиб, представляющий собой северо-восточное продолжение Патомского внутреннего угла Сибирской платформы.

В 1958 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Страти- графия и тектоника юго-западной части Вилюйской впадины и её обрамления»<sup>1</sup>. Была присуждена ученая степень кандидата геолого- минералогических наук, был переведён на должность младшего на- учного сотрудника, кандидата наук.

В последующие несколько лет я руководил группой, исследовавшей стратиграфические соотношения верхнедокембрийского Патомского комплекса с кембрийскими отложениями западного склона Алданско- го щита. Было выяснено, что нижняя часть платформенного покрова западной части Алданского щита относится к вендскому периоду.

Участвовал в составлении литолого-палеогеографических карт верх- него докембрия территории СССР.

С 1960 г. приступил к изучению верхнедокембрийских ледниковых отложений Белоруссии, о-ва Шпицберген, Полюдова кряжа, Среднего Урала, Казахстана, Тянь-Шаня, Кольского полуострова.

В 1965 г. был переведен на должность старшего научного сотрудника по специальности «Стратиграфия».

Собранные данные послужили основой для диссертации на присуж- дение ученой степени доктора геолого-минералогических наук (1976 г.)<sup>2</sup>

---

<sup>1</sup> Чумаков Н.М. Стратиграфия и тектоника юго-западной части Вилюйской впадины: Дис. на соискание учен. степени канд. геол.-минерал. наук. М., 1957. 288 с.: прил.; Автореф. М.: б.и., 1958. 16 с. — Прим. И.М.

<sup>2</sup> Чумаков Н.М. Докембрийские тиллиты и тилоиды: (Диагностика и стра- тиграфическое значение): Автореф. дис. на соискание учен. степени д-ра геол.- минерал. наук. М.: б.и., 1975. 45 с.; Дис. 388 с. — Прим. И.М.



и обобщающей монографии «Докембрийские тиллиты и тиллоиды: (проблемы докембрийских оледенений)» (1978 г.)<sup>1</sup>.

В 1986 г. переведен на должность главного научного сотрудника Лаборатории стратиграфии верхнего докембрия.

В последующие годы продолжал изучение верхнедокембрийских и частично пермских ледниковых отложений. Принимал активное участие в работе международных рабочих групп, изучавших верхнедокембрийские и пермские ледниковые отложения Польши, Шотландии, Канады, США, Мавритании, Мали, Австралии, Бразилии, Северной Кореи, Индии.

В результате проведенных исследований было установлено существенное биосферное изменение, сопровождавшее древнее оледенение и увеличение частоты ледниковых событий на протяжении среднего и верхнего протерозоя и фанерозоя.

Итогом многолетних исследований стал труд «Оледенения Земли. История, стратиграфическое значение и роль в биосфере» (2015 г.)<sup>2</sup>, в котором сведены оригинальные и опубликованные данные обо всех известных оледенениях Земли, начиная с позднеархейских до позднеканозойских. Рассмотрены стратиграфическое положение, временная структура, стратиграфическое значение, а также влияние этих оледенений на эволюцию биосферы.

31 мая 2016 г. уволился из Геологического института РАН в связи с выходом на пенсию.



---

<sup>1</sup> Чумаков Н.М. Докембрийские тиллоиды и тиллиты: (Проблемы докембрийских оледенений). М.: Наука, 1978. 204 с. (Тр. ГИН АН СССР; Вып. 308). — Прим. И.М.

<sup>2</sup> Чумаков Н.М. Оледенения Земли: История, стратиграфическое значение и роль в биосфере. М.: ГЕОС, 2015. 159, [1] с. (Тр. ГИН РАН; Вып. 611).

*М.С. Нагибина*

**С НОВЫМ ГОДОМ!  
Владимиру Николаевичу Григорьеву  
и Николаю Михайловичу Чумакову  
по почте из геологического детства**

---

«Летом 1946 г. в Зачинойской тайге Забайкалья работал маленький (5 человек) геологический отряд М.С. Нагибиной из Института геологических наук: два коллектора — студенты первого курса из Москвы, два рабочих — старый опытный охотник и его молодой помощник Коля. Транспорт — три лошади под вьюком. Война кончилась, но мужчины-охотники ещё не вернулись, и в тайге развелось много диких зверей. Дикая кабанья буквально разорвали поля (особенно картофель) редких затерянных в тайге колхозов».

*19 сентября 1945 г. (Этиюг).  
р. Дербул — р. Расторгуйка*

Вчера вечером в лучах заходящего солнца нежно заалели облака, вспыхнули ярким золотом вершины лиственниц, на наш лагерь спустился тихий вечер. Вдруг сквозь мерный рокот бегущей воды Дербулы мы услышали тяжёлое шлепанье ног, и в свете костра выросли две понурые фигуры по пояс мокрых охотников: Тимофея Кирилловича, старого матёрого таёжника здешних мест, и Володи Григорьева — студента из Москвы, 18-летнего рослого парня, страстного охотника. На днях в маршруте он убил рябчика и, небрежно пряча его в рюкзак, едва скрывая улыбку, произнёс в пушистые усы: «Ну, первая порядочная дичь!». Ему всё лето как-то не везло с охотой.

И вот опять вернулись с неудачной охоты на изюбрей, чуть не утонув, переходя в брод по скользким валунам, шумную горную речку. Не успели охотники изложить тысячи причин, почему они не убили изюбря-марала, пренебрегая утками, парой диких коз и т.д., как из чащи раздался тонкий раскатистый трубный звук — все замерли. Звук повторился через небольшой промежуток времени. Это ревел изюбрь, но совсем в противоположной стороне, откуда пришли наши охотни-

ки. Начались сожаления, споры — вот если бы пошли туда, — и т.д. Но было уже поздно, густой мрак поглотил окружающие предметы, плотной стеной стоял тёмный лес, вверху чуть вырисовывались контуры гор, одна за другой загорались далёкие звёзды, показался тонкий серп месяца, и заблестела серебряная дорожка на реке. Костёр догорал, высоко, навстречу звёздам летели последние искры и гасли. Мы весело подтрунивали над сушившимися около костра охотниками. Вскоре лагерь затих. Крепко спалось после напряжённого трудового дня под уютным сводом палатки. Наутро охотники решили идти чуть свет туда, где слышался голос изюбря.

Сказано — сделано. Чуть засерели контуры палатки, как две тени одна за другой неслышно скользнули в двери и тихо удалились в лес.

Вскоре встала и я дописать вчерашние геологические наблюдения. Молодой шустрый рабочий Коля уже хлопотал у костра, на котором весело кипели котелки с кашей и чаем.

Мы собрались уже завтракать, сожалея, что наш выезд могут задержать неудачливые охотники, но они не замедлили появиться из молочного тумана. Тимофей Кириллович — огорчённый, Володя с зарумянившимися щеками и носом и горящими глазами восклицал: «Видели, видели четыре изюбря, они бежали по склону и <...> скрылись». Тимофей Кириллович мрачно махнул рукой: «Ушли. Это вы тут рубили дрова и спугнули». Но мы дров не рубили, они были нарублены с вечера. С кашей быстро было покончено, мы с Володиёй (была его очередь) ушли в маршрут, а Тимофей Кириллович, Коля и Коля Чумаков быстро свёртывали лагерь и выючили лошадей. Маршрут оказался нетрудный, относительно легко проводимый вдоль долины реки, в обнажениях тянулись почти одни граниты. «Ну как, Володя, вы остались довольны охотой?». «Марина Сергеевна, ну как же. Я видел настоящих живых маралов, дикую козу».

Поднимаясь к гранитным скалам на склонах гор, мы видели многочисленные следы сохатых и свежевскопанную дикими кабанам землю. Когда мы заканчивали описание очередного обнажения, с нами поравнялся наш вьючный караван (три лошади) и быстро скрылся на тропе вдоль живописной долины небольшой горной реки (приток Дербула). Она светлой струёй извивалась от берега к берегу, местами подмывая тропу, местами скрывалась в густом заросшем мохом багульнике. Нас они не заметили. На склонах долины пестрел лес — лиственницы, жёлтые берёзки, где-то далеко на вершинах синел кедровник. Мы продолжали маршрут. На одном из поворотов едва заметной тропы мы наткнулись на разрытую землю, на которой чётко вырисовывались следы могучей медвежьей лапы. Володя был счастлив, что увидел хотя

бы медвежий след. Я предложила ему на всякий случай зарядить ружьё пулей. «Неплохо было бы зажарить вечером мишку», — подумала я. А Володя как бы в ответ на мои мысли сказал: «Мы так же можем его съесть, как и он нас». Продвигаясь вперёд от обнажения к обнажению, мы миновали небольшой ключик, оставалось три-четыре километра до места, где наши должны поставить лагерь и, поджидая нас, готовить ужин.

После изучения очередного обнажения мы, пробираясь среди кустов багульника, медленно двигались вперёд и вдруг неожиданно наткнулись на развешанную на дереве кровавую шкуру и куски свежего мяса. Далее увидели развьюченных лошадей, большой костёр и загадочно улыбающиеся знакомые лица. Их выстрела мы не слышали. На костре варилось мясо, топилось сало только что освежёванного дикого кабана.

Из сбивчивых рассказов выяснилось, что, двигаясь по вьючной тропе, наши товарищи спугнули семейство диких кабанов (7 штук). Первым их заметил бежавший впереди Коля Чумаков. Остановили караван. Коля трепетно торопил Тимофея Кирилловича, а тот, невзирая на уходящих кабанов, обстоятельно развязывал вьюк, отцепил свою старую берданку, не спеша прицелился и выстрелил в то время, когда стадо уже почти скрылось за поворотом. Коля считал, что свиньи ушли. Тимофей Кириллович уверял, что ранил уходящую в хвосте стада кабаниху в лопатку. Привязали лошадей и пошли в направлении ушедшего стада. Вскоре наткнулись на кровавый след и, двигаясь по нему, споткнулись об огромную серую «колоду». Это была действительно убитая в лопатку кабаниха. Тимофей Кириллович увидел, что он уже упустил кабана (секача), спокойно дал пробежать молодняку и метко срезал матку. Коля Чумаков добавил: «Она хрюкнула, выгнула спину, как кошка, и исчезла за бугром».

Туша оказалась пудов на пять, и её с трудом спустили на тропу. Ради такого случая решили остановиться, не доходя до намеченного утром места лагеря. Мы с интересом слушали подробности неожиданной охоты, переспрашивали, обсуждали. Тем временем жарили на вертелах мясо, в крышке моего котелка (солдатский подарок вернувшегося с войны брата) — кто печёнку, кто другие части по вкусу. Приготовления пришлось прервать, так как время бежало, начало смеркаться. «Ребята, быстро кончайте с образцами и тогда делайте, что хотите». Они немедленно управились с ними, и затем мы все вместе принялись за роскошный ужин. Тимофей Кириллович успел приготовить необыкновенно вкусное блюдо — поджаренную в жире свежую кровь. «Вот теперь, Марина Сергеевна, мы делаем, что хотим», — сказал Володя. Кстати, он был

великий кулинар и любил покушать. Много мне приходилось пробовать разной дичи, но мясо чикойской дикой кабанихи показалось самым вкусным, особенно после долгих военных полуголодных лет.

Ребята подтрунивали друг над другом, что не могут съесть свои порции. Весёлый и довольный герой дня Тимофей Кириллович рассказывал бесконечные охотничьи истории из своей жизни. «Ну, кто, ребята, желает ещё горяченького? Кушайте, пожалуйста!».

Растаяли на небе последние отблески заката. Коля и Володя затихли в палатке, что-то говоря о комфорте спальных мешков. Коля-рабочий и Тимофей Кириллович решили ночевать у большого костра. Над головой раскинулся звёздный шатёр, тихо вздыхает лес, шумит по камням река и уютно позвякивают колокольчиками (ботолами) скрытые во мгле лошади.

4 января 1990 г.

*М. Нагибина*  
(Из старого дневника)».



*Захаров В.А.*

## **Путь в науку**

---

Куда бы нас ни бросила судьбина,  
Пусть года, как дни, бегут.  
Все те же мы: нам целый мир чужбина,  
Отечество нам Горный институт.

### **Преамбула**

Перевалив через Урал, поезд стремительно уносил нас с супругой из Сибири на постоянное место жительства в Москву. По обеим сторонам дороги под жаркими лучами солнца ярким розовым цветом вспыхивали пятна кипрея (иван-чая), извещающая о середине лета 2000 г.



*В.А. Захаров. Дагестан. Июль 2014 г.*

Мысли стремительно возвращали меня на 10, 20, 30, 40 лет назад. В одно мгновение я оказывался в прошлом. Все эти годы я провел, по существу, в одной точке: в Академгородке Новосибирска, где работал в Институте геологии и геофизики (ИГиГ), а последние три года — в отмежевавшемся от него Институте геологии нефти и газа Сибирского отделения АН СССР (РАН). И вот после 40-летнего пребывания в Сибири я возвращаюсь на запад, где родился и обрел профессию геолога. Чем вызвано это решение: стремлением начать новую жизнь или бегством от возникших в 1990-е годы проблем в академической науке? Под мерный стук колес я пытался объективно ответить на этот вопрос. Но не мог найти однозначного ответа (или его не существовало). В главном сомнений не было: прожитые годы были благополучными как в семейной жизни, так и в работе.

## **Ленинград – Новосибирск: Прощание с Горным институтом**

В мае 1960 г., примерно за месяц до защиты дипломных проектов, в Ленинградском Горном институте шло распределение на работу будущих горных инженеров-геологов. Во время обсуждения моей кандидатуры возникло небольшое замешательство. На столе комиссии по распределению выпускников лежало письмо за подписью члена-корреспондента АН СССР Б.С. Соколова с просьбой направить В.А. Захарова в Институт геологии и геофизики СО АН СССР для научной работы в области палеонтологии и стратиграфии. Однако это письмо не являлось для членов комиссии официальным документом и, стало быть, не могло послужить основанием для распределения. Неожиданно для меня на комиссию пришел Б.В. Наливкин, заведовавший тогда кафедрой палеонтологии, и попросил слова. Он сказал, что в течение всех пяти лет обучения на геологоразведочном факультете и кафедре месторождений рудных полезных ископаемых Виктор Захаров параллельно интенсивно занимался ископаемыми моллюсками в палеонтологическом отделе Горного музея и на кафедрах палеонтологии и исторической геологии. По итогам этих работ он представлял доклады на научных студенческих конференциях, один из которых был рекомендован проф. В.И. Бодылевским к публикации в Ученых записках ЛГИ. Б.В. Наливкин отметил: «Я не помню столь же устойчивого ин-



тереса к палеонтологии ни у одного студента не только по специальности РМ [разведка месторождений – *Прим. автора*], но и ГСПС [геологическая съемка и поиски полезных ископаемых – *Прим. автора*]. Палеонтология много потеряет, если Виктор Захаров не будет работать в этом научном направлении». Надо сказать, что наиболее весомым в комиссии было слово начальника по кадрам. А она (к сожалению, я забыл, как её звали) сказала следующее: «К нам поступала заявка на молодых специалистов из Сибирского отделения АН, которая позже была отозвана. Давайте сделаем вид, что мы не получали этого отклика». С этим доводом все члены комиссии единодушно согласились. Так была решена моя судьба как палеонтолога.

Сказать, что распределение на исследовательскую работу в академический институт по научному направлению «палеонтология» меня окрылило, это значит не отразить и малой доли того подъёма и вдохновения, которое я испытал, постепенно осозная случившееся. То, о чем я мечтал последнее время, вдруг стало реальностью. Ведь в противном случае мне предстояло провести ближайшие три года на каком-нибудь руднике в Магаданской области и только затем поступить в аспирантуру на специальность «Палеонтология и стратиграфия». Такие были в то время порядки: даже «красный» диплом не давал права на поступление в аспирантуру сразу по окончании ВУЗа – требовался производственный стаж не менее трёх лет. В случае развития событий по второму сценарию мне предстояло форсировать создание семьи для того, чтобы получить право на прописку в Ленинграде, дающую, в свою очередь, право на возвращение после работы на Крайнем Севере. Это меня тяготило, поскольку я считал, что жениться следует лишь после обретения квартиры или хотя бы комнаты. Распределение в Новосибирск решало все проблемы.

О случившемся я немедленно сообщил заведующему лабораторией палеонтологии и стратиграфии мезозоя и кайнозоя в ИГиГ, в которой я должен был работать, члену-корреспонденту АН СССР Владимиру Николаевичу Саксу.

К счастью, он был в это время в Ленинграде и находился по месту своей прежней работы в Научно-исследовательском институте геологии Арктики (НИИГА). Поздравив меня с назначением, Владимир Николаевич попросил прибыть к нему в удобное время, и, насколько помню, я был у него в тот же день. Владимир Николаевич встретил меня в присущей ему манере: чуть наклонившись, пожал руку и с улыбкой пригласил сесть. По правде сказать, мне показалось странным, что столь видный учёный (о значении работ В.Н. Сакса для четвертичной геологии Советской Арктики мне не раз говорил В.И. Бодылевский)



сидел в сравнительно небольшой комнате, и его рабочий стол ничем не выделялся среди еще трёх или четырёх, находившихся здесь же. Из беседы я узнал, что «штатной единицы» в ИГиГ под меня действительно нет. Но он тут же принялся меня успокаивать, что нужная единица непременно будет получена ещё до осени. Пока же Владимир Николаевич настоятельно рекомендовал мне поехать на полевые работы в Магаданскую область, в составе отряда под руководством молодого кандидата геолого-минералогических наук А.С. Дагиса — сотрудника лаборатории, в которую планировалось и моё зачисление (Гольдин и др., 2002). В отряде, как заверил Владимир Николаевич, должна была быть предусмотрена временная должность старшего лаборанта, с которой начинали работу в академических институтах все выпускники вузов. Я, конечно, согласился, но предупредил, что в июле должен быть на военных сборах в Карелии для получения офицерского звания. Я также знал, что есть возможность сделать это на месяц раньше, если защитить дипломный проект в мае, а не в июне, как было положено по плану. Я заверил Владимира Николаевича, что приложу все усилия, чтобы прибыть в Новосибирск в конце июня. Всё так и получилось.

## **Новосибирск – Магадан: Полевые работы лета 1960 г.**

Добравшись поездом до Новосибирска, я оформил зачисление в ИГиГ и сразу же получил командировочное удостоверение в Магадан (СВКНИИ СО АН СССР). Это был мой первый в жизни полёт — сначала на ТУ-104 до Хабаровска, а потом на АН-24 до Магадана. В начале июля я уже ехал по магаданской трассе в открытом грузовике в направлении к пос. Омсукчан, недалеко от которого в бассейне р. Вилиги работал стратиграфо-палеонтологический отряд под руководством Альгирдаса Станиславовича Дагиса. Знаменитая трасса к началу июля была уже хорошо накатана. Автомобиль на приличной скорости шёл на запад, углубляясь в сопки, разрезанные падами и поросшие преимущественно лиственницей. День был жаркий. Я сидел в одной рубашке на откидной скамейке у борта машины. Ближе к вечеру, поднимающийся из ущелий сырой свежий воздух, проникая за одежду, приятно облекал и охлаждал нагревшееся за день тело. Тогда я ещё не ведал, что за это удовольствие вскоре придется дорого заплатить. В центре пос. Омсукчан

рядом со зданием Геологического управления мне посчастливилось сразу же найти грузовик, направлявшийся в расположенный на р. Вилиге пос. Орочей, по дороге на который в тайге, на одном из ручьев, впадающих в р. Вилигу, стоял палаточный лагерь новосибирских геологов.

Здесь меня приняли радушно. Сразу, как принято у геологов, напоили крепким чаем и угостили лососёвой икрой, которую позже мы ели ложками прямо «из тазика». После утомительного дня я заснул мёртвым сном, и подъём ранним утром следующего дня меня отнюдь не вдохновил. Я бодро сел, не вылезая из спального мешка, и вдруг острая режущая боль пронзила спину и отдалась в ногах. С большим трудом я выполз из мешка и попытался навернуть портянки, чтобы надеть резиновые сапоги. Каждое движение сопровождалось острой резкой болью в пояснице. Предстоял длительный маршрут на пограничные слои триаса и юры, и я решил в нём участвовать. Надо ли говорить, что путь длиной около 10 км в одну сторону дался мне нелегко. Особенно запомнился переход через лежавшее на пути болото: каждый неудачный шаг, когда нога соскальзывала с кочки, отдавался молниеносной болью не только в пояснице, но даже, как мне казалось, в затылке. Так в возрасте 23 лет я обрел первую профессиональную болезнь геолога, широко известную в народе под названием радикулит, а в более узких кругах медиков — как люмбаго. Она со мной до сих пор. Теперь я часто вспоминаю учителя палеонтологии студенческих лет Бориса Васильевича Наливкина, страдавшего болезнями в преклонном возрасте, отвечавшего на мой вопрос: «Ну, как Борис Васильевич, прошла болезнь (и называл ту, о которой слышал в предыдущий приезд)?» — «Болезни, Витенька, с возрастом не проходят, они только накапливаются». А тогда молодой организм всё же взял своё: через неделю я начал забывать о своей нехстате полученной болезни. Рецидива, к счастью, как в этом сезоне, так и ряде последующих уже в заполярных условиях, не было.

Рабочих начальнику геологического отряда приходилось нанимать в Магадане из числа местных жителей, которые, в основном, делились на две категории: прибывшие на Крайний Север по собственному желанию с целью заработать хорошие деньги и получить социальные льготы и присланные туда против желания. Как нетрудно предположить, вербовать в геологические экспедиции приходилось из второй категории (кто же ради двух-трех месяцев относительно «вольной» жизни в тайге оставит хорошо оплачиваемую стабильную работу?). Наши трое нанятых мужчин возрастом от 30 до 45 лет представляли довольно колоритную группу.

Наиболее цельной личностью был Бандит (назовём его так, поскольку имя его я не помню, да и так ли это важно), осуждённый за разбой

и вышедший на волю. После отсидки он был оставлен на поселение и был обязан отмечаться в милиции Магадана каждые полгода. Среднего роста, худощавый, с маленькими глазами на узком загорелом и обветренном лице, близко посаженными к чуть крючковатому носу, он казался угрюмым и молчаливым и поначалу не вызывал у меня симпатий. В геологические маршруты Бандит ходил неохотно, но, когда наступала очередь дежурить по лагерю или время рыбалки, он преобразался и действовал в этих ситуациях очень энергично и эффективно. Из найденной на дороге автомобильной рессоры он сделал нож, внешне грубый, но очень удобный для разных работ по лагерю. Закалил его и остро заточил, используя куски горных пород разного состава, собранные в ручье. С ножом он не расставался, разделявая дичь или рыбу, насаживая рукоятку на геологический молоток или черенок на лопату, обстругивая молодые деревца для изготовления шеста, клина на растяжку палатки или удилица. Все это делалось ловко и быстро. Так же сноровисто он управлялся и с небольшим неводом, с помощью которого из заводей мелководной р. Вилиги мы вытаскивали на берег шедших на нерест лососей. Принятый А.С. Дагисом командный стиль управления отрядом был ему не по душе, и оттого между ними происходили частые стычки. Помню, что последним аргументом у Альгирдаса Станиславовича в споре с Бандитом была фраза: «Я дам тебе такую характеристику, что век не увидишь материка». Надо отдать должное Альгирдасу Станиславовичу: даже когда дело почти доходило до драки, он не уступал, хотя не мог не знать, что Бандит способен на «крайние меры».

Мои отношения с Бандитом складывались постепенно и благоприятно для меня. Вначале нашему сближению способствовало вышеописанное событие с «люмбаго». Бандит сразу предложил мне помощь в лечении. Вечером первого же дня он растёр мне поясницу спиртом, а на ночь обернул её шерстяным полотенцем. Последующие вечерние процедуры сопровождались втиранием настойки, в которой чувствовался спирт и запах, вероятно, иголок лиственницы. Точный состав смеси мне не был известен. В итоге через три дня я уже забыл о болях. В полевых условиях было не так уж много ситуаций, требующих поддержки окружающих. Часто «выходило из строя» личное снаряжение. В особенности, ломающиеся деревянные рукоятки геологических молотков (современных тогда не было), из-за чего возникала необходимость фиксировать насадку, лезвия ножей, лямки рюкзаков, резиновые сапоги (точнее, отверстия в них). Бандит никогда не отказывал мне в помощи. К концу сезона он подарил мне нож, сделанный из рессоры, который я многие годы брал с собой в экспедиции.

Невозможно не упомянуть и случай, имевший место уже в Магадане, в завершение моих отношений с Бандитом. По-моему, на второй день после возвращения в город с полевых работ Бандит пригласил меня в единственный тогда ресторан. Сразу заказал алкоголь, который был представлен в двух видах: спирт и вино. В то время я ещё не привык к потреблению крепких напитков, поэтому согласился на вино. Официант принес два графинчика: с прозрачным белым напитком и напитком красного цвета. Рядом поставил большой графин с водой. Закуска, естественно, состояла из солёной лососёвой рыбы. Два 100-граммовых гранёных стаканчика до краёв наполнились напитками, соответственно, белого и красного цвета. «Ну, за дружбу — до дна!» — решительно произнес партнёр по столу. После «осушения» стаканчика у меня перехватило дыхание. Бандит услужливо пододвинул мне большой стакан с водой: «Пей быстро». Оказалось, что «вином» назывался спирт, подкрашенный клюквенным соком. Других напитков в ресторане в то время не было, поскольку корабли с продуктами питания и алкоголем с Материка либо ещё не дошли до Магаданской гавани, либо «груз» находился на складах до заморозков.

Работали мы по обыкновению много и интенсивно. Маршруты начинались рано утром, когда было ещё прохладно. Днём же температура воздуха достигала +25 °С. Надетая с утра телогрейка к полудню становилась обузой. Свои тёплые вещи мужчины обычно складывали в рюкзак. В тот сезон с нами работала молодая субличная дама-литолог Л. Жидкова из ВСЕГЕИ, которая не брала с собой рюкзак. Рюкзак с образцами носил один из закреплённых за ней рабочих, который также брал на себя транспортировку телогрейки дамы-литолога. Так поступали и другие рабочие, но не Бандит. Он принципиально отказывался нести тёплую одежду дамы. Насколько я помню, преодолеть это сопротивление А.С. Дагису не удалось ни разу.

Весьма колоритной личностью был 30-летний Витя-Хулиган. Свой срок он отбывал за мелкое воровство и хулиганство. Как и Бандиту, после выхода из тюрьмы ему было поставлено условие: покинешь Магадан, только имея положительную характеристику с места последней работы. Взять на работу в Магадане человека после «отсидки» не решился никто, поэтому Витя-Хулиган был крайне признателен А.С. Дагису за то, что тот принял его в геологическую партию. Небольшого роста, но довольно крепкого телосложения, круглолицый, словоохотливый и приветливый. Это был единственный человек в лагере, который не только во всем слушался А.С. Дагиса, но и выполнял его команды беспрекословно. В отличие от Бандита он охотно ходил в геологические маршруты. На обнажениях работал иступлённо: часами тяжёлой киркой мог

выворачивать огромные плиты аргиллитов и искать на них отпечатки окаменелостей. Эффективность такого метода поисков ископаемых моллюсков была весьма высока, и я сразу перенял у Вити-Хулигана этот подход. С таким же азартом он «заходил» невод, разделявал рыбу и очищал от плёнки икру. Однако настроение у Вити-Хулигана менялось почти мгновенно: вот только что он смеялся без особого повода и вдруг — вспышка гнева, крутой мат на повышенных тонах и угрозы в адрес обидчика. Кричал он, правда, только на Васю-Алиментщика, ещё одного рабочего, внешне незлобивого и добродушного человека лет 40 — 45, сбежавшего из средней полосы России от жены и троих детей.

В отряд он пошел лишь потому, что с денежной полевой добавки к окладу (а она составляла 150%) брать алименты не положено. Вася-Алиментщик на рожон не лез, с начальством не спорил, но если позволяла ситуация, то уклонялся от любой работы или выполнял её в минимальном объёме. Несмотря на стоявшую в июле и начале августа жару он предпочитал ходить в телогрейке, иногда, правда, на голое тело. Утром поднимались с трудом все, но последним из палатки выползал Вася-Алиментщик. Своим поведением и поступками он в чём-то напоминал литературного героя-мошенника Паниковского из «Золотого телёнка». В особенности это проявлялось по отношению к начальству, которому он всегда старался угодить: в периоды дежурства по кухне лучшие куски Вася-Алиментщик старался положить себе и начальнику отряда. Надо ли говорить, что выпить любили все трое, но только Вася-Алиментщик постоянно канючил и унижался, вымаливая «хотя бы пару капель». Своих «братьев по классу» он сторонился, предпочитая разговоры только с геологами.

Геологов было трое. Кроме уже не раз упомянутого выше начальника отряда А.С. Дагиса и литолога Л. Жидковой, оставался ещё я, только что сошедший со студенческой скамьи. Поначалу наши отношения с А.С. Дагисом складывались как нельзя благоприятно. Тон задал Дагис. Он располагал к себе непринуждённым отношением «на равных». Первое впечатление от общения с ним можно было бы точно охарактеризовать словами «свой парень». Однако по истечении времени и по мере возникновения разных ситуаций это первое впечатление постепенно трансформировалось в более сложное и неоднозначное. Хотя коллектив не был многочисленным, он, как и любой другой, состоял из разных личностей. Это были взрослые люди со своими характерами, наклонностями и привычками. Наконец, каждый из нас прошёл свою школу жизни. Нельзя одинаково управлять не только малограмотным жуликом-рецидивистом и специалистом с высшим образованием, но и жуликами числом более одного. Принятый А.С. Дагисом армейский

стиль управления всеми без исключения членами отряда не мог быть одинаково эффективен. Вскоре начались словесные, а затем и физические столкновения, о которых я упомянул выше.

Наша с ним первая стычка произошла во время маршрута на разрез нижней юры по р. Вилиге. Август перевалил на вторую половину. Погода стояла замечательная. По ночам случались заморозки, но днём, особенно ко второй половине, было солнечно и тепло. Работали мы с двухместной резиновой лодкой, с помощью которой переправлялись через узкие и не глубокие, но бурные протоки, на которые в августе разделилась река. Однажды вся группа, состоявшая из пяти человек, приступила к изучению выходов пород на правом, противоположном от лагеря берегу. Как обычно, мы начали описание разреза стратиграфически снизу вверх. Поначалу окаменелости встречались довольно редко. Мы потратили немало времени, чтобы найти несколько ключевых для определения геологического возраста пород таксонов. Время перевалило за полдень. В поисках более продуктивных пластов мы с Витей-Хулиганом несколько отстали от группы А.С. Дагиса. И тут вдруг среди туфогенного аргиллита мы наткнулись на пласт чистых терригенных пород с обильными остатками важного для стратиграфии нижней юры рода двустворок *Otapiria*. Забыв обо всем, мы энергично принялись за дело, расщепляя пласт на плиты и выколачивая из них один экземпляр за другим. Закончив упаковку коллекции, мы двинулись следом за группой А.С. Дагиса и обнаружили её по другую сторону от довольно широкой протоки. Я попросил Альгирдаса Станиславовича послать за нами лодку с рабочим. Совершенно неожиданно для нас он отказался это сделать, ссылаясь на то, что лодка у нас одна, и он не намерен ею рисковать, учитывая возможность прокола о скалистый берег. «Идите на перекат и перейдите реку вброд: чай не барышни, не растаете», — был его ответ. Никакие уговоры и ссылки на отсутствие резиновых сапог, ледяную воду и тяжёлые рюкзаки не возымели действия. Пришлось идти несколько сотен метров вдоль берега вверх по течению реки и, сняв не только обувь, но и штаны, переходить реку по острым и скользким камням в бурлящей ледяной воде, доходившей нам почти до пояса. Объяснение было бурным, но коротким. В ответ на мое возмущение столь жёсткому отношению к людям было заявлено: «Я здесь хозяин и делаю, как считаю нужным». На это я заметил: «Ты не хозяин, а начальник отряда, временно поставленный им руководить. Между начальником и хозяином большая разница». Позже я много раз убеждался, что Альгирдас Станиславович этой разницы не понимал. Ещё не один год мы сохраняли дружеские отношения, но описанная сцена уже не способствовала душевному сближению.

К концу августа приметы осени становились все отчётливее: первыми пожелтели осины и кусты вдоль реки, и даже отдельные ветки лиственниц покрылись коричневым налётом. Мы начали готовиться к отъезду. Как-то вечером обсуждали возможность транспортировки лососёвой икры в Новосибирск и в Ленинград. Вероятность сохранения была невелика, поскольку мы не располагали консервантами. А продукт привезти хотелось не просто солёным, а малосольным. На совете сошлись на том, что после засолки икры и заполнения ёмкостей (20-литровых канистр) для консервации её следует покрыть растительным маслом. Для получения нескольких десятков литров икры необходимо было извлечь из реки сотни голов лососей. В реке в это время ещё стояли стаи кеты, но наше внимание привлекли очень крупные и красивые рыбины, кем-то из рабочих названные кумжей<sup>1</sup>. Они находились в самых глубоких впадинах дна реки. Однако попытки извлечь этих рыб из омутов не увенчались успехом. Омуты оказались слишком глубокими для нашего довольно узкого и короткого невода, рыбины легко уходили из него вглубь. Пришлось довольствоваться кетой. Рыбы в невод попадались так много, что нам не удавалось выловить его на сушу полностью: особи извлекались из воды и выбрасывались на берег. Здесь на клеёнке рабочие распарывали животы, извлекали икру, а рыбу оставляли на берегу. Взять ее не было желания, да и никакой возможности: у нас не было ни бочек, ни соли для консервации. Вечером все были заняты отделением икры от плёнки. Икру разбивали в эмалированных тазиках с помощью унизанной гвоздями деревянной вертушки. Тонкая часть вертушки вращалась ладонями рук, а плёнка наматывалась на гвозди, набитые на утолщённой, погружённой в икру части. Занятие это не только утомительное, но и физически тяжёлое. Вспоминать о затее транспортировки «продукта» на континент в особенности досадно, потому что почти всю икру пришлось вылить в унитаз еще в аэропорту Магадана. Даже при хорошем раскладе: низкой температуре воздуха и безостановочном следовании по всему маршруту от р. Вилиги до Новосибирска, — было мало шансов сохранить малосольную икру свежей. Положение дел усугубилось не только тем, что установилась жаркая погода, но ещё и постоянными задержками: сначала опоздал на двое суток грузовик, на котором отряд добирался до Магадана, затем мы не смогли вылететь в срок из аэропорта, поскольку не было билетов. Когда, наконец, билеты были на руках, кто-то решил проверить качество икры, открыв одну из 20-литровых канистр. Ударивший в нос резкий

---

<sup>1</sup> Кумжа (*Salmo trutta*) — озёрная или ручьевая рыба из семейства лососёвых (Salmonidae) — Пум. И.М.

запах сильно квашеной капусты не оставил сомнений в отношении дальнейших действий. Рубинового цвета крупная кетовая икра в белоснежном унитазе — эта картина до сих пор стоит в моих глазах, так как именно мне как младшему было поручено выполнить эту последнюю на магаданской земле миссию.

По возвращении в Новосибирск, когда встал вопрос о дальнейшей специализации в лаборатории, А.С. Дагис предложил мне остаться в его группе и заняться аммонитами и биостратиграфией нижней юры Северо-Востока Азии. «Группа почти не изучена, а зональная шкала не разработана. Так что ты быстро защитишься и будешь иметь хорошую перспективу на будущее», — убеждал он меня. Я отказался по двум мотивам: мне хотелось заняться двустворками, поскольку бентосные группы наиболее эффективны при палеоэкологических исследованиях, которыми я с увлечением занимался со студенческих лет, и еще я очень хорошо запомнил причины конфликтов с А.С. Дагисом во время полевых работ 1960 г. О своём желании я сообщил В.Н. Саксу, который, несмотря на определённое давление со стороны А.С. Дагиса, не отказал мне в просьбе работать по двустворчатым моллюскам верхней юры и нижнего мела севера Сибири.

## **Новосибирск – Красноярск – Хатанга: Полевые работы в Арктике 1961 года: полуостров Таймыр**

Итак, я оказался в создаваемом в ту пору В.Н. Саксом межведомственным коллективе. В соответствии с программой междисциплинарных исследований морской верхней юры и нижнего мела Сибири Владимир Николаевич планировал по возможности одновременно изучать все наиболее значимые для стратиграфии группы ископаемых организмов. С этой целью он намеревался пригласить из Ленинградских институтов для работы в ИГиГ уже хорошо зарекомендовавших себя специалистов по аммонитам: Михаила Семеновича Месежникова из ВНИГРИ (на верхнюю юру) и Наталью Иосифовну Шульгину из НИИГА (на нижний мел). Фораминифер и остракод изучал Валерий Александрович Басов, за мной были двустворки, а сам Владимир Николаевич взялся за белемниты. Вещественный состав пород исследовали Зинаида Зиновьевна Ронкина и Ефим Григорьевич Юдовный (НИИГА).



Вся эта команда вместе с немногочисленными помощниками (ра-дист-повар из НИИГА, лаборантка из ВНИГРИ и студент из НГУ) со-ставила единый экспедиционный отряд, который летом 1961 г. направи-лся на север Сибири исследовать разрезы верхней юры и нижнего мела, о которых в то время было известно мало. Одна из негативных сторон экспедиционных выездов — это трудности организации. Тепе-решние руководители геологических отрядов полагают, что раньше всё было проще. Они ошибаются. Существовал, например, запрет на назначение начальниками отрядов старших лаборантов. Чтобы преодо-леть эту преграду и сделать меня начальником отряда, Владимиру Ни-колаевичу пришлось приложить немалые усилия (вплоть до обращения к директору Института А.А. Трофимуку). Экспедиционное снаряжение заказывалось заранее, но это не значит, что заказы выполнялись полно-стью. Всегда были дефицитны меховые вещи, а Владимир Николаевич в традициях организации арктических экспедиций Института геологии Арктики требовал меховые спальные мешки и меховые же куртки и костюмы. Так что приходилось тормошить снабженцев, чтобы получить нужные вещи. В наши дни может показаться надуманной проблема продуктов питания. В советское время начальники отрядов заранее подавали заявки в Сибкадемснаб на продукты длительного хранения (консервированное мясо — тушёнку, сосисочный фарш, сгущённые молоко, кофе и какао, сахар, чай и пр.). Эти продукты по специальной накладной мы получали на складах Сибкадемснаба перед отъездом в экспедицию. Объём каждого продукта рассчитывался исходя из чис-ленного состава отряда и продолжительности полевого периода. При-нимался во внимание район работ: предпочтение отдавалось отрядам, работавшим на Крайнем Севере. Обычно в заявках фигурировали цифры, превышающие действительную потребность отряда: мясная тушёнка и сгущёнка были желанным продуктом, и их старались сбе-речь для семьи.

Отряд состоял из трёх человек: кроме нас с В.Н. Саксом, в нем был еще Абрам — студент-математик из НГУ. В конце июня 1961 г. экспе-диционное снаряжение и продукты были упакованы в баулы, выючные сумы и окованные железом выючные ящики. Мы были готовы тронуть-ся в путь. Добраться до пос. Хатанга на севере Красноярского края, где располагалась база НИИГА и откуда экспедиция планировала маршру-ты на геологические разрезы, можно было только самолётом. Самолёт в Хатангу летал из Красноярска один раз в неделю, кажется, по суб-ботам. Мы решили лететь из Новосибирска в пятницу, чтобы заранее обеспечить себя местами в самолет. Каково же было наше огорчение, когда, прибыв вечером из аэропорта Новосибирска в аэропорт Крас-

ноярска, мы узнали об отсутствии мест на рейс Красноярск – Хатанга. В.Н. принял решение провести предстоящую неделю в Красноярске. О недельной задержке с вылетом мы известили телеграммой находившегося в Хатанге Е.Г. Юдовного (Захаров, 2009).

Разрешение на поселение в гостинице при аэропорте мог дать только его начальник, а он явился на работу лишь в понедельник. Так что в гостиницу сначала поселили только Владимира Николаевича, а мы со студентом провели две ночи в расположенном поблизости общежитии медицинского института. Надо сказать, что в Красноярске мы не скучали, тем более что погода нам благоприятствовала. Во-первых, мы ознакомились со всеми городскими достопримечательностями: обошли центральные улицы, посетили музеи В.И. Сурикова и Краеведческий, сходили к ныне широко известной благодаря изображению на 10-рублёвой купюре часовне, купались в Енисее; во-вторых, мы совершили длительный поход в знаменитый заповедник «Столбы», где провели целый день. Владимир Николаевич взял с собой несколько книг художественной классики (среди них я запомнил «Маленького принца» А. Сент-Экзюпери, «Нейлоновый век» Э. Триоле и письма И.С. Тургенева к П. Виардо), которые мы все прочитали.

Билеты были в кармане, поэтому казалось, что дорога на Хатангу нам открыта. Однако при посадке нас вновь постигло разочарование: груз не разрешили отправить тем же рейсом. Никакие уговоры не помогли: начальник отдела перевозок твёрдо отказал, но пообещал, что через день следом за нами снаряжение будет отправлено грузовым рейсом. Свое обещание он «почти» выполнил: груз пришел в Хатангу на третий день после нашего прибытия. В Хатанге нас встретили собравшиеся здесь участники экспедиции. Поселились мы в единственном приспособленном для жилья домике, окрещённом его временными жильцами «Индией» из-за постоянной перенаселённости. Одноэтажный домик представлял собой мазанку у края главной дороги в аэропорт. Нары в домике были сооружены на двух уровнях и не имели перегородок. По существу, это были два настила из пилёных неструганных досок. Жильцы клали на эти нары спальные мешки и лежали вповалку. Владимир Николаевич жил вместе с нами. Все наши попытки уговорить его поселиться в гостиницу речного порта им решительно отвергались. В том году ему исполнилось 50 лет (Захаров, 2001).

Первый вылет был запланирован на север, на южные склоны гор Бырранга (р. Дябака-Тари), на разрез предположительно волжского яруса, но мы не исключали встретить и отложения иного возраста. Первым рейсом на самолете АН-2 с опытным пилотом Пидопличко летели мы с Ефимом Юдовным, Михаилом Месежниковым, Вален-

тиной Балаганской (помощница Месежникова) и Валерием Басовым. После приземления мы поняли, что место выбрано неудачно — слишком далеко от обнажения, поэтому попросили лётчика высадить вторую группу выше по реке. Самолёт улетел, а мы приступили к загрузке надувной резиновой лодки, чтобы перебросить снаряжение к месту предполагаемого лагеря бичевой тягой. Вскоре наша группа направилась вверх по реке. Встречное течение было мощным и бурным, и нам приходилось прилагать немалые усилия, чтобы его преодолеть. Нос лодки зарывался в воду, временами ее захлестывало волнами. Местами мы «впрыгались» втроем, чтобы пройти наиболее тяжелое место. На одном из таких участков шедшая позади группы Валентина вдруг воскликнула: «Примус плывет!». Мы встали и с удивлением взирали на уходящий в поток примус, а следом за ним какой-то сверток. После короткого замешательства кто-то сообразил, что все эти вещи — часть снаряжения, выпавшего из-под дна лодки. Вытянув лодку на берег, мы обнаружили на её дне довольно обширное рваное отверстие, через которое и выпадали предметы полевого быта. Пришлось лодку разгружать, сушить её и вещи. Затем мы почистили дно, чтобы наложить на отверстие резиновую заплату. За этим занятием нас и застал В.Н. Сакс с оставшейся частью отряда, который к этому времени благополучно приземлился на новой точке и пришёл узнать, что же это мы так долго стоим на одном месте.

Пока мы поднимались по реке и ставили палатки, прошло значительное время, и после ужина только мы с М.С. Месежниковым выразили желание дойти до обнажения. Расстояние от лагеря до крутого и протяжённого обрыва по правому берегу р. Дябака-Гари составляло не более полутора километров. Когда мы подошли к его подножью, у нас перехватило дыхание: весь берег был усеян прекрасной сохранности окаменелостями. Особенно много было двустворок: повсюду белели створки крупных изогномонов, крупных пектенид, окситом, устриц и разнообразных десмодонт. Присмотревшись, мы обнаружили большого диаметра раковины аммонитов-перисфинктид (позднее Михаил Семёнович выделил по ним новый для науки род *Taimyrosphinctes*). Местами были видны скопления брахиопод. Несмотря на позднее время (около 22:00) обнажение хорошо освещалось косыми лучами висевшего над горизонтом солнца полярного дня. Зрелище было впечатляющим. В течение некоторого времени мы осторожно осмотрели осыпь, а затем, сильно возбужденные, поспешили в лагерь. Владимир Николаевич ещё не спал, и мы поделились с ним только что увиденным. Утомленные физическими и психологическими нагрузками прошедшего дня и в предчувствии удовольствия от дня завтрашнего, все крепко заснули.

Но отоспаться было не суждено: ночью разразилась буря с дождём и ураганным ветром. Палатки были сорваны мгновенно. Потемнело. Порывы ветра продолжались более часа. Всё это время, полуодетые, мы пытались закрепить палатки, используя крупные камни-валуны. Наконец ветер ослаб. Палатки удалось укрепить, и, забравшись мокрыми в спальные мешки, кто мог, постарались заснуть. Усталость взяла своё, лагерь замер и ожил только поздним утром. После завтрака, когда многие уже были готовы к маршруту и направились к реке, чтобы переправиться на другой берег, оказалось, что резиновые лодки отсутствуют. В бинокль они были обнаружены на противоположном берегу, далеко в тундре. Как форсировать реку? Дело спасла продырявленная накануне лодка, которую оставили для просушки в спущенном состоянии. На ней удалось пересечь сильно поднявшуюся после ночного дождя реку и доставить в лагерь унесённые ветром в тундру надутые лодки.

Разрез волжского яруса на р. Дябака-Гари оказался ограничен средне- и верхневолжским подъярусами, но этот стратиграфический интервал представлен очень полно. Все группы беспозвоночных — аммониты, белемниты, двустворки, гастроподы и брахиоподы — представлены очень богато. Среди собранных нами беспозвоночных оказалось немало новых для науки таксонов, например, подрод *Boreioxytoma* (беззубая двустворка) и ряд новых видов среди всех групп моллюсков. В.Н. Сакс собрал из этого разреза большую коллекцию белемнитов, которую позже использовал при работе над двумя монографиями по верхнеюрским и нижнемеловым белемнитам севера Сибири.

## Послесловие

Осенью 1965 г. начинающая журналистка получила задание от редакции газеты «Вечерний Новосибирск» подготовить очерк о молодом научном сотруднике, желательного со степенью кандидата наук, одного из институтов недавно образованного Сибирского отделения АН СССР. Профессия геолога в те далекие 1960-е годы ещё была овеяна романтикой походов в труднодоступные места Сибири и Дальнего Востока. Поэтому, видимо, неслучайно корреспондент пришла в Институт геологии и геофизики СО АН. Ученый секретарь направил журналистку к профессору Александру Михайловичу Обуту, который и посоветовал ей встретиться со мной, только что защитившим диссертацию на соискание ученой степени кандидата геолого-минералогических наук.

Встреча состоялась в двухкомнатной квартире панельного дома по улице Учёных, в которой тогда проживали мы с женой и двухлетним сыном. В процессе чаепития я рассказал о детских и юношеских увлечениях окаменелостями, о студенческих годах и учителях, об участии в начале 1960-х годов совместно с В.Н. Саксом в заполярных экспедициях на север Сибири, о значении исследований мезозойских моллюсков для геологической теории и практики. В это время сын ползал по полу, перекидывая с места на место какие-то окаменелости. И этот факт нашёл отражение в очерке, опубликованном позднее в газете. Появление очерка вызвало неожиданно острую негативную реакцию самых близких коллег — супругов Дагис. Я был обвинён в саморекламе и преувеличении своих достижений в науке. Особенно агрессивно вела себя супруга. «Альгирдас Станиславович, — сказала она, — несравненно более крупный учёный, но он о себе не пишет» (!?). Альгирдас Станиславович высказался, как всегда, цинично и в язвительной форме: «Ты вроде не артист, чтобы себя хвалить в газете». Я согласился с относительной оценкой супруги, но заметил, что сам о себе не писал. Это была первая, но так и не залеченная «трещина» в моих некогда дружеских отношениях с Дагисами.



*Т.Н. Хераскова*

## **Воспоминания об отце<sup>1</sup>**

---

О научной деятельности Николая Павловича Хераскова и его человеческих качествах написано много хороших и тёплых слов его друзьями и соратниками. Академик Ю.М. Пущаровский считал, что Н.П. Херасков «...не только крупнейший ученый, но и масштабная, колоритнейшая личность. Запомнился Николай Павлович даже при беглом знакомстве, чему способствовали не только его внешность, но и содержательность мысли. Он был довольно высок, худощав, бледен, с крупными чертами лица, очень высоким лбом и непременно с дымящейся папиросой. Очень выразительны были его выступления на научных собраниях. Перед аудиторией он стоял выпрямившись со слегка откинутой головой и говорил прямо глядя перед собой. Речь



*Т.Н. Хераскова. ГИН РАН.  
2019 г.*

была естественная, простая, лишённая всяких признаков витиеватости. Говорил всегда интересно, ясно, свежо. Это был геолог-мыслитель, обладавший умом критического склада» (Пущаровский, 1999, с. 43).

Н.П. Херасков был настоящим естествоиспытателем в прямом смысле этого слова. Он не мыслил научную деятельность без ежегодных полевых наблюдений. Работал в Поволжье, Средней Азии, Арктике, Западном Верхоянье, на Дальнем Востоке, Урале и Енисейском кряже. Проводил исследования в ГДР и в Китае.

---

<sup>1</sup> Несколько лет назад дочь Н.П. Хераскова опубликовала воспоминания об отце (Хераскова, 2017), которые приведены в настоящем альманахе в новой редакции.

Мне хочется рассказать о семье Н.П. Хераскова и о нём как необыкновенно интересном, широко эрудированном, обаятельном человеке, а также о трудностях исследовательской работы геолога в суровые послереволюционные, военные и послевоенные годы. Это не только мои воспоминания и слышанные мной его рассказы, но и записки его жены и моей матери Валентины Николаевны Разумовой-Херасковой.

Н.П. Херасков родился во Владимире 15 октября 1906 г. в семье потомственного священника, Павла Михайловича Хераскова, который получил дворянство после окончания юридического факультета Московского университета. Он работал в суде Владимира, в 1908 г. переехал в Москву и умер в 1939 г., в год моего рождения. По рассказам отца, он был мягким и очень добрым человеком. Увлекался шахматами, играл на скрипке, а под конец жизни переводил на русский язык французские романы. Рукописи этих переводов до сих пор хранятся в семье. Я с детства помню повторение его мудрых слов, обращенных к своей дочери Марии, врача по профессии: «Ты меня лечи не по последнему слову науки, а по предпоследнему».

Мать Николая Павловича, Надежда Ивановна Дунаева, происходила из купеческой семьи. По отзывам отца и его сестёр, она была очень разумной матерью и хорошей хозяйкой, на которой держался весь дом. К сожалению, она умерла в 1918 г., когда отцу было всего 12 лет. Заботу о нём взяли три старшие сестры, с которыми он дружил и относился с большой нежностью до конца своих дней.

В Москве семья занимала первый этаж двухэтажного деревянного дома в Большом Власьевском переулке недалеко от Арбата. К дому примыкал большой двор, в первые годы держали корову, которая паслась на берегу Москвы-реки. Около Новодевичьего монастыря стояли стога сена. Отец говорил, что помнит, как по Арбату гоняли стадо.

Семья была очень дружной и весёлой. Было принято разыгрывать и подтрунивать друг над другом. В доме всегда было много молодежи. Часто и подолгу жили племянники. Так продолжалось позднее и в нашей семье, что очень скрашивало жизнь в трудные послевоенные годы. Велись интересные разговоры, спорили на актуальные темы, очень ценились шутки. Наверное, поэтому даже в самые трудные для страны годы отец был большим оптимистом и нас приучал не унывать, повторяя: «При всякой неудаче умей давать и сдачи, иначе вам удачи не видать».

Семья жила небогато, но и не бедствовала. Тяжёлые времена наступили после революции 1917 г. П.М. Херасков как «элемент непролетарского происхождения» был уволен со службы. Найти работу с такой анкетой было невозможно. В первые же годы семью уплотнили,



оставив в распоряжении три комнаты. В квартире стало жить 7 семей, и она превратилась в огромную «коммуналку». После внезапной кончины жены, Надежды Ивановны, безработный Херасков-старший остался с четырьмя детьми. Сёстры Н.П. Хераскова к тому времени уже окончили Высшие женские курсы, не растерялись, быстро встали на ноги и стали работать. По словам младшей из них, она учила детей в одной семье за 200 грамм пшена в месяц.

Н.П. Херасков был подростком, быстро рос, но еды не хватало, и он заболел туберкулёзом. Лечили тем, что зимой закутывали и сажали в кресле на улице на целый день. Отец мне рассказывал, что период сидения на морозе сыграл очень важную роль в его жизни. Он быстро повзрослел, многое передумал о жизни и смерти, много прочитал. Видимо, именно тогда сложился философский склад его ума.

Н.П. Херасков с отличными оценками окончил школу в 1923 г. и отмеченный как особо одаренный ученик поступил на математический факультет Московского университета. Однако математика показалась сухой и абстрактной наукой, и он перевёлся на геолого-почвенный факультет, который и закончил в 1932 г.

Параллельно с обучением Н.П. Херасков работал сначала коллектором и техником, затем геологом. Началась эпоха индустриализации, и специалистов катастрофически не хватало. В 1929 — 1931 гг. он работал в Институте удобрений ВСНХ и проводил исследования на юге Средней Азии в Таджикской депрессии, где возглавил геолого-съёмочные работы по поиску фосфоритов и калийных солей, в результате которых им было открыто месторождение фосфоритов.

Работать было очень сложно из-за страшной жары, нехватки воды и жуткой антисанитарии. Отец рассказывал, что однажды он с сотрудниками напился из арыка, который тёк из лепрозория. В течение трёх лет все переболели малярией и паратифом, что в дальнейшем сказалось на их здоровье. Кроме того, в то время в этом регионе ещё бесчинствовали банды «басмачей». Некоторые разведочные маршруты отец выполнял только в сопровождении местного проводника. На ночлег останавливались только в определённых домах, куда приводил проводник. Встречали их всегда с почётом. Отец не знал, кем его представляли хозяевам, так как не знал таджикского языка. Но однажды проводник сказал, что они ночевали у очень «большого человека», который будто бы 20 паломников в Мекку заводил в камыши и убивал. Ещё отец красочно рассказывал, как на экспедицию наступал отряд басмачей в 300 сабель. Когда об этом узнали, то послали гонца в обком партии с просьбой о поддержке. Прислали красноармейца с гранатами, и он отбил это наступление.





*Геологический отряд Н.П. Хераскова в Средней Азии.  
Слева направо: В. Домбровский, Н.П. Херасков, Т.А. Петрушевский, В.Н. Разумова, рабочий, завхоз*

Но нет худа без добра, так как здесь у папы возник роман с моей матерью, В.Н. Разумовой, тоже геологом. В 1930 г. они поженились.

Позднее им рассказывали, что в кишлаке, к которому подступали басмачи, будто бы возникла легенда о том, как русский прятал в горах и отбивал от басмачей свою невесту. Этот рассказ поражал в детстве моё воображение. Брак был счастливым — они были очень близки духовно. В 1931 г. родился их сын Николай.

Участники Среднеазиатской экспедиции были молоды, увлечены исследованиями и полны надежд на будущее. Почти все они стали известными учёными и дружили всю жизнь, хотя часто подшучивали друг над другом и бесконечно спорили. Так, академик А.Л. Яншин потом вспоминал, что осенью 1930 г., когда все вернулись с полевых работ, в стенной газете института появился забавный шарж: Николай Павлович с согнутыми ногами, волочащимися по земле, с откиннутой

назад головой, с неизменной папиросой во рту верхом на ишаке, и подписью под рисунком: «В той стране, где не цветут тюльпаны, где в песке увязнет каждый шаг, на спине с искателем гуано молчаливо шествует ишак».

В начале 1930-х гг. началась коллективизация, и снова наступили голодные времена. К тому же, у Н.П. Хераскова вновь обострился туберкулёз. Чтобы прокормить свою семью и отца, он сотрудник НИУ-ИФ в 1933 г., завербовался в полярную экспедицию. Как геолог был откомандирован в распоряжение Главного управления Севморпути для участия в морской полярной экспедиции на полуостров Таймыр. Это спасло семью, которая сразу получила красноармейский паёк. Папа потом со смехом рассказывал о том, как устраивался на эту работу. Одним из моментов его зачисления было заполнение журнала, в котором следовало указать своё отношение к выпивке. Он посмотрел, что написали другие члены команды. Все записи колебались между понятиями «запойный пьяница» и просто «пьяница». Пришлось думать, как охарактеризовать себя, чтобы не очень выделяться. В результате он дипломатично написал: «любит выпить».

Это было опасное путешествие во времена героев. Экспедицией руководил начальник Сектора полярных исследований Главного управления Севморпути И.А. Ландин. Из Красноярска отправились на небольшом деревянном судне «Белуха» вниз по течению Енисея к острову Диксон. Затем вышли в Карское море и начали двигаться вдоль берега по направлению к полуострову Таймыр. На Таймыре был высажен десант из трёх человек — Николая Павловича и двух рабочих.

Они должны были составить первую геологическую карту побережья Таймыра. Через несколько дней после высадки наступило резкое похолодание, образовался ледяной припай, и корабль не мог подойти к берегу. Отряд ожидала зимовка. Однако Н.П. Хераскову удалось составить первую глазомерную карту побережья Таймыра, а отряд удалось снять, так как ветер и прибой позднее раздробили припай.

Обратно в Архангельск шли морем вдоль берега. Когда обогнули полуостров Ямал и вышли в открытое море, начался сильный шторм. «Белуха» получила пробоину и стала тонуть. На сигнал SOS начальник Карского моря ответил радиограммой: корабль деревянный не потонет, высаживаться на берег запрещаю, прибуду в конце года. Ледяную воду выкачивали из трюма ведрами, передавая друг другу по цепочке, сопровождая песней «В далекой знойной Аргентине...». Образцы пород, собранные Н.П. Хераковым на Таймыре, ушли на дно вместе с «Белухой». Людей подобрала находящаяся поблизости грузовая бар-

жа. Возвращались в Архангельск в трюме баржи вместе с рабочими, которые непрерывно ругались и доносили друг на друга. Прибыв в Архангельск, Николай Павлович немедленно известил семью о своем благополучном возвращении, о его приключениях семья ничего не знала.

В 1934 г. Н.П. Херасков предпринял не менее трудную экспедицию на Верхоянский хребет, который в то время в географическом и в геологическом смыслах был «белым пятном». Геологический отряд Якутской комплексной экспедиции Всесоюзного института минерального сырья состоял из начальника, Н.П. Хераскова, двух геологов, коллектора, проводника-таёжника и двух рабочих. Добирались до места сложным путем — сначала по железной дороге, потом по р. Лене до г. Якутска. В Якутске получили продукты, весьма скудное снаряжение и купили 10 лошадей. На лошадей навьючили снаряжение и продукты и двинулись в путь. Впереди были нехоженная тайга, горные вершины, болота, каменистые русла горных речек, маловодных в летнее время. Район был неисследованный и безлюдный, поэтому карт не было. Приходилось как первопроходцам составлять маршрутную карту, временами залезать на деревья, чтобы наметить дальнейший путь. На речках и в летнее время сохранились наледи. Донимали комары и мошка. Я по



*Обсуждение очередной экспедиции: В.А. Вахрамеев, Ю.А. Петрокович, Н.П. Херасков, Б.Н. Красильников. Зима 1935 г.*

себе знаю, что в таких местах, если вздохнуть с открытым ртом, то наберешь их полный рот. А каши без комаров вообще не бывает. Лошади шли на подножном корме и за ночь могли уйти достаточно далеко. Помогали привязанные к каждой колокольчики. Всё равно утром уходило много времени, чтобы их всех собрать и завьючить. Зверей не встречали, тайга была суровой и молчаливой. Вернулись в Якутск уже по снегу, на голодном пайке по Якутскому зимнему тракту, на санях вместе с другими отрядами экспедиции. В Москву Н.П. Херасков приехал в куртке из собачьего меха. Он её потом долго носил, и я её хорошо помню. Геологические работы Н.П. Хераскова по Верхоянью считаются классическими, и на них до сих пор ссылаются исследователи.

В 1931 — 1946 гг. отец работал в ВИМС. В этот период его исследования были тесно связаны с поисками и выяснением закономерностей размещения различных полезных ископаемых — в Западном Верхоянье, Приамурье и Южном Урале. Плодотворную научную деятельность он умело сочетал с педагогической работой. С 1937 г. по 1941 г. он читал лекции по исторической геологии и геологии СССР в МГРИ, а в 1945 — 1951 гг. — специальный курс геологии СССР и геотектоники в МГУ.

В 1937 г. Н.П. Хераскову была присуждена ученая степень кандидата геолого-минералогических наук без защиты диссертации.

Война застала нашу семью на Южном Урале, где мои родители проводили полевые работы, изучая мелкие месторождения марганцевых руд, необходимых для выплавки высокопрочных сталей, используемых для изготовления брони танков. Когда началась война, отца не призывали на фронт, а мобилизовали для организации разведки и одновременной добычи этих руд, чтобы обеспечить работу Магнитогорского металлургического комбината. Это было очень важно, так как главный марганцевый Никопольский рудный район страны был захвачен наступающей фашистской армией. Отец на каждом рудопроявлении должен был оценить запасы руды и определить, сколько грузовиков руды здесь можно добыть, чтобы обеспечить непрерывную работу Магнитогорского комбината. Это была очень ответственная задача, её срыв по тем суровым военным временам мог обернуться расстрелом. Однако и результаты исследований внедрялись незамедлительно. В распоряжении Магнитогорского комбината имелись автоколонны. Получив заключение Н.П. Хераскова о том, что в данной точке можно взять примерно 3000 тонн руды или чуть больше 1000 тонн, туда направлялись колонны грузовиков, и за несколько месяцев месторождение полностью выработывалось, а Н.П. Хераскову предьявлялось

новое требование. Однако он, правильно поняв закономерности строения и расположения рудных тел, блестяще справился и с этой задачей. Его работы по этой проблеме ценятся до сих пор. После окончания войны за эти заслуги Н.П. Херасков был награжден орденом «Знак почета» и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.».

Мои собственные воспоминания о папе начинаются с войны, с периода, когда мы жили в бараке в районе города Орска на Южном Урале. Когда фашисты наступали на Москву, папины сестры прислали к нам своих детей – двух моих двоюродных сестёр и брата. Таким образом, в семье стало пять детей. Они все были старше меня. Двоюродный брат и сёстры очень скучали по своим родителям и очень за них беспокоились. Мои родители старались, как могли, их приласкать и успокоить. Уже взрослыми они часто вспоминали то время и всегда очень нежно относились к моим родителям. Сестёр вскоре забрали эвакуировавшиеся на Урал их матери, а брат жил долго, так как его родители-врачи были на фронте. Он уехал только тогда, когда госпиталь его матери перевели в подмосковный Ногинск. Запомнилась большая карта на стене, на которой папа с мальчиками каждый вечер маленькими флажками отмечали линию фронта: синими – занятые немцами, а красными – освобождённые города. Меня все учили показывать на карте эти города и дружно смеялись, когда я как попугай их показывала правильно. Другим моим занятием было завёртывание образцов пород в крафт-бумагу. Её выдавали специально для сохранения каменных коллекций. Но все дети, кроме меня, зимой должны были учиться, а тетрадей не было. Поэтому мама шила из крафта тетради и их линовала. А камни заворачивали только в исписанные листы. Вечером перед печкой этим занимались все, кроме папы. Он приводил в порядок свои записи и намечал маршруты на следующий день. Питание было довольно скудным. Хлеб был горьким на вкус из-за примеси полыни. Летом большую роль играл «подножный корм». Мальчики собирали ягоды, стреляли из лука голубей. Мама из маршрута приносила пучки дикого лука. Запомнилось, как у нас украли недельный запас хлеба, полученный по карточкам на всю геологическую партию.

В Москву мы вернулись в конце 1944 г., когда большая часть территории нашей страны уже была освобождена от фашистских захватчиков. Хорошо запомнилось, как мы на поезде ехали в Москву. Основную часть пассажиров составляли раненые и контуженные солдаты и офицеры, возвращающиеся из госпиталей. Все боялись начала войны с Японией. А навстречу нам с запада шли разбомблённые составы. У

многих вагонов сохранился только пробитый во многих местах пол и колёса. Мы вернулись в Москву в свои комнаты в коммунальной квартире, которая за время войны заметно обветшала.

В 1946 г. заведующий сектором тектоники ИГН (ГИН) АН СССР Н.С. Шатский пригласил Н.П. Хераскова на работу в Институт. Их связывала многолетняя дружба, Н.П. Херасков считал себя учеником Н.С. Шатского. В ГИН Н.П. Херасков до конца своих дней занимался разработкой различных проблем геологии. А теперь я стараюсь продолжить его дело.

В 1946 г. я пошла в школу, и папа занялся моим развитием и просвещением, весьма запущенным из-за войны и отсутствия книг. Он часто читал мне вслух перед сном классиков русской и западной литературы. Читал он очень выразительно, приятным баритоном, весело и заразительно смеялся в соответствующих местах. Это чтение вслух любила не только я, часто приходили слушать мама и соседи по квартире. Так мы прочли всего Н.В. Гоголя, А.С. Пушкина, Н.А. Некрасова и других. Когда я позднее перечитывала эти произведения сама, то без его голоса и смеха они казались менее интересными и более пресными. Особенно запомнились «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Руслан и Людмила», «Русские женщины», «Конёк-горбунок», сказки Р. Киплинга, «Принц и нищий» М. Твена.

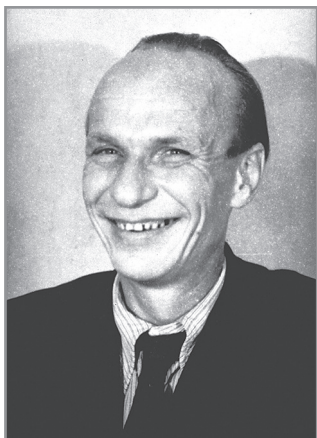
Последние два десятилетия, наряду с другими исследованиями, Н.П. Херасков постоянно занимался составлением тектонических карт. Он участвовал в коллективной работе по составлению широко известных тектонических карт СССР (1952 г. и 1956 г.). Эти работы он сочетал с полевыми исследованиями на Урале, в том числе в полярной его части. Несмотря на занятость, он много внимания уделял мне и брату.

Брат в это время уже учился на Геологическом факультете МГУ, поэтому в дом часто приходили его друзья, и отец часто читал им целые лекции по геологии и обсуждал научные проблемы. Много говорили о поэтах Серебряного века, особенно о Н.С. Гумилёве и А.А. Блоке. Часто приходили его друзья, сотрудники Института, его аспиранты и ученики. Было весело, шумно и дымно. Моя старая няня иногда не выдерживала и ворчала: «Чем больше учатся, то всё дурее». Вот как описывает в воспоминаниях свой визит в наш дом один из учеников Николая Павловича — А.Б. Дергунов: «В общении Николай Павлович привлекал собеседника внимательным добрым взглядом и неизменной, как бы скрытой улыбкой. Строго научный разговор он часто пересыпал остроумными, шутливыми замечаниями и сам первый начинал заразительно смеяться, как-то по-особому, вроде бы заикаясь.



Однако подобная разрядка быстро сменялась продолжением серьёзного разговора. Один раз мне удалось побывать у Херасковых дома и после делового разговора меня позвали к чайному столу. Вероятно, я немного смутился и, заметив это, его жена, Валентина Николаевна с улыбкой произнесла: Угощайтесь смелее — всё, что нам жалко, мы спрятали. Первым засмеялся Николай Павлович, а я почувствовал особое семейное тепло в этом доме».

Когда я стала учиться в школе, папа предложил собирать вместе с ним открытки и репродукции картин великих художников. Полагаю, что эта коллекция была ему не очень нужна, хотя мы с большим энтузиазмом её собирали. Но он стремился таким ненавязчивым способом расширить мой кругозор, научить понимать и ценить искусство. Надо сказать, что ему это удалось, и я с тех пор люблю посещать художественные выставки и картинные галереи. На прогулках он показывал мне различные растения и учил их узнавать по форме листьев, характеру жилкования, строению цветка. Он поразительно много их знал. А в его книгах и записных книжках постоянно встречаются засушенные растения. Он учил меня пользоваться определителями растений, атласами бабочек и жуков. Полученными в то время знаниями я пользуюсь до сих пор. Я так увлеклась всем этим, что одно время собиралась поступать на биологический факультет МГУ. Но он мне отсоветовал, сказав, что природой лучше любоваться, а заниматься интересней геологией. Таким образом, он определил мой дальнейший путь.



*Н.П. Херасков.  
1956 г.*

В 1953 г. умер И.В. Сталин. Началась политическая оттепель. Появилось много информации, бывшей под запретом ранее, масса интересных литературных произведений и воспоминаний. Все увлекались чтением журналов «Новый мир» и «Иностранная литература». Папа их выписывал. Вся семья и частые гости часто обсуждали прочитанное, а также события недавнего прошлого. Он предложил мне прочитать «Один день Ивана Денисовича» А.И. Солженицына, сказав, что это очень важно. Тогда я узнала, что мой дед, отец матери, был репрессирован. Из-за этого выгнали из Текстильного института её сестру. А моих родителей геологи не выдали, а поскорей отправили на полевые

работы, чтобы они исчезли из Москвы, пока всё не успокоится. Отец всегда помнил об этом и очень ценил.

В 1956 – 1960 гг. Н.П. Херасков по совместительству возглавлял отдел геологии в ИМГРЭ. В эти годы он продолжал разрабатывать теоретические принципы составления тектонических карт, предложенные А.Д. Архангельским и Н.С. Шатским, и написанием своих главных теоретических обобщений: «Роль тектоники в изучении закономерностей размещения полезных ископаемых в земной коре» (Херасков, 1958) и «Некоторые общие закономерности в строении и развитии структуры земной коры» (Херасков, 1963). За последнюю работу Президиум АН СССР присудил ему премию имени А.П. Карпинского. Кроме того, он проводил полевые исследования на Кольском полуострове, в Китае и ГДР.

В последние годы своей напряжённой, но такой недолгой жизни Н.П. Херасков готовился к защите докторской диссертации и принимал активное участие в составлении Международной тектонической карты Европы масштаба 1:2 500 000 (1964) и Тектонической карты Евразии (масштаба 1:5 000 000), которая была выполнена сотрудниками отдела региональной тектоники ГИН и удостоена Государственной премии.

В эти годы у Н.П. Хераскова начались проблемы со здоровьем. Сказались старые болезни, перенесённые во время работы в Средней Азии и во время войны. В 1965 г. он, наконец, защитил докторскую диссертацию. Раньше всё как-то не складывалось, хотя многие коллеги защитились благодаря его советам. То времени не хватало, то здоровья, то результат не нравился. А главное, Н.П. Хераскову не хватало тщеславия.

*Н.П. Херасков.  
На Енисейском  
кряже. Июль  
1965 г.*





Сразу после защиты диссертации, полный замыслов и надежд, он отправился на Енисейский кряж.

Решил сплавляться на резиновой лодке по р. Ангаре, хотя мама, как никто другой знавшая о состоянии его здоровья, очень протестовала. Он не послушался, так как верил, что на воздухе, на природе он сразу почувствует себя лучше. Однако судьба распорядилась иначе. Сразу после возвращения он скоропостижно скончался. Сообщение о присуждении ему Государственной премии СССР его уже не застало.

Для многих это было полной неожиданностью, потому что он никогда не жаловался и не любил, чтобы его жалели. Когда он очень плохо себя чувствовал и его преследовали язвенные боли, он не подавал вида, чтобы не огорчать окружающих. Он был очень мужественный человек и не хотел выглядеть беспомощным.



# **МЫ О НИХ – ОНИ О НАС: МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО**

*Херасков Н.П.*

**Из китайских дневников.  
1958 г. и 1960 г.**

---

## **Предисловие**

12 декабря 1957 г. в Москве президент АН СССР академик А.Н. Несмеянов и президент АН Китайской Народной Республики Го Можо подписали соглашение о научном сотрудничестве между академиями наук двух стран сроком на пять лет. Соглашение предусматривало «проведение совместных исследований и экспедиций, координацию работ по важнейшим проблемам науки и техники» (Сообщение о подписании..., 1959, с. 386).

С китайской стороны геологические исследования курировали Министерство геологии (Всекитайский научно-исследовательский геологический институт) и Академия наук (Геологический, Палеонтологический и Геофизический институты) (Кропоткин, 1959). В СССР планированием и проведением геологоразведочных работ на территории Китая занимались Министерство геологии, Академия наук, Министерство высшего и среднего специального образования СССР.

Как основное профильное учреждение Академии наук ГИН активно включился в эту работу под руководством директора Института Н.С. Шатского, имевшего высокий научный авторитет в стране и за рубежом. В процессе работ по составлению геологических и тектонических карт крупных территорий Н.С. Шатский не мог оставить без внимания сопредельную юго-восточную территорию.

В 1939 г. был опубликован и в 1951 г. переведён на русский язык капитальный труд по геологии Китая (Ли Сы-гуан, 1951). Годом позже на русском языке вышла книга Хуан Цзыциня (Хуан Бо-Циня) по тектонике Китая, в которой было упомянуто имя В.А. Обручева, который «первый отметил наличие каледонских движений в собственно Китае» (Хуан Бо-Цинь, 1952, с. 15). Н.С. Шатский был редактором и автором предисловия к этой книге.

С точки зрения истории развития идей интересен комментарий Н.С. Шатского о вкладе китайских геологов в развитие теоретической геотектоники: «Ли Сы-гуан в своих общих теоретических представлениях, в отличие от Хуан-Бо-циня, является типичным мобилистом; для науки, конечно, его представления о широких горизонтальных перемещениях земной коры имеют несоизмеримо меньшее значение, чем его исследования о типах и классификации структур; в этом отношении он вновь, после Зюсса и Аргана, внёс много нового в решение одного из основных вопросов тектоники — о происхождении, так сказать, рисунка тектонической структуры, выгравированной на поверхности Земли, то есть вопрос о закономерностях в расположении различных типов и видов деформаций земной коры» (Шатский, 1952, с. 6).

В августе 1957 г. китайский геолог Хуан (Бо-цинь) Цзыцинь представил доклад по тектонике Китая в Геологическом институте АН СССР, в котором главное внимание было уделено особенностям тектонического развития Китая. При этом был очевиден «отход от отживших мобилистических концепций, высказана уверенность в плодотворности учения о геологических формациях, разработанного акад. Н.С. Шатским и его последователями и учениками <...> В ходе прений и в заключительном слове докладчика выяснилась та общая точка зрения, что успехи дальнейшего развития тектоники Китая, равно как и Советского Дальнего Востока, в значительной степени зависят от тесной координации работ советских и китайских геологов, отдающих себе отчет в необходимости отказа от штиллеанства, в выработке единой методике исследований и учета неповторимого своеобразия геологической истории и геологической структуры всего Тихоокеанского побережья Азии» (Павловский и др., 1957, с. 144).

На 20 Сессии МГК в Мексике (1956 г.) Н.С. Шатский был избран председателем Подкомиссии по тектонической карте мира (Congreso geológico internacional..., 1959). В том же году была издана «Тектоническая карта СССР и сопредельных стран» под редакцией Н.С. Шатского, годом позже опубликована объяснительная записка к ней (Шатский, Богданов, 1957), которая в 1958 г. была переведена на китайский язык.

Одним из результатов работы советских геологов в Китае стала «Тектоническая карта Китая, Монголии и окружающих территорий», опубликованная на китайском языке (Тектоническая карта..., 1959). В этой работе большую помощь китайским коллегам оказали специалисты ГИН под руководством Н.С. Шатского — Ю.А. Косыгин, П.Н. Кропоткин, М.С. Нагибина, Н.П. Херасков, А.Л. Яншин. Они участвовали в полевых исследованиях и выступали с докладами в геологических учреждениях.

В сентябре 1958 г. в Пекине состоялась Первая Всекитайская конференция по месторождениям полезных ископаемых. В её работе принимали участие представительные делегации советских геологов от Министерства геологии, Академии наук, Министерства высшего и среднего специального образования СССР. «Основная цель конференции — обмен опытом и обобщение достижений, накопленных в результате геологопоисковых и разведочных работ, проведенных после освобождения страны» (Ли Сы-гуан, 1958, с. 13).

Среди участников конференции был и Н.П. Херасков, командированный в Китай сроком на три месяца для проведения полевых исследований совместно с китайскими коллегами в Цинхай-Ганьсуйской экспедиции Китайской АН. Вторично он побывал в Китае в июле-августе 1960 г.

Записи, сделанные Н.П. Херасковым в Китае, это — не классические полевые дневники с геологическими описаниями и рисунками разрезов, хотя некоторые сведения в них и присутствуют. Его заметки больше свидетельствуют о начале взаимоотношений геологов СССР и Китая, впечатлениях о стране, её культуре, самобытности и организации научных исследований.

Пропуски в тексте обусловлены исключением мелких деталей, имён региональных партийных деятелей, а также подробностей переписки с женой. При расшифровке дневниковых записей Н.П. Хераскова пришлось столкнуться не только с неразборчивым почерком, но и с трудностью транслитерации китайских фамилий. Поэтому некоторые из них не вошли в Именной указатель.

*И.Г. Малахова*

# Первое путешествие (1958 г.)

## *Дневник № 1 (общий).* *Цинхай-Ганьсуйская экспедиция Китайской АН* *Начат 29 июня 1958 г.*

### *29 июня*

Вылет 23.50 (по плану).

### *30 июня*

Перелёт ТУ-104А: 3 часа — Омск (1 час) — 3 часа — Иркутск (2 часа таможня) — 3 часа — Пекин <...>. Встреча на аэродроме с цветами <...>. Здесь не знают, что со мной делать, — вся экспедиция уехала.

### *1 июля*

Сегодня праздник — юбилей [Коммунистической] партии [Китая]<sup>1</sup>, и потому нас не принимали. С двумя переводчиками ездили по городу <...> Вечером ужинали с Рябухиным<sup>2</sup> и его женой.

### *2 июля*

Телеграмм по Ланьчжоу ещё нет. Свидание в гостинице с Чжан Вэн-ю<sup>3</sup> и Чен Чин-сюан<sup>4</sup>. Расстройство от почти полного непонимания. Я не понял, нравится ли моя программа.

После обеда прогулка в Летний императорский дворец (Ихэюань). Поражает развитый дворцовый стиль (Китайский Версаль) по сравнению с примитивизмом Храма Неба (примат религии?).

Оттуда прямо к Рябухиным — знакомство с китайской кухней и коллегами в гостинице «Дружба».

### *3 июля*

Посещение Геологического института. Предварительное обсуждение тектонической карты с Чжан Вэн-ю и другими <...>. После обеда осмотр невероятно большого Зимнего дворца, который больше Кремля.

---

<sup>1</sup> Основана в 1921 г. — Прим. И.М.

<sup>2</sup> Г.Е. Рябухин два года работал в Китае (Рябухин, 1960). — Прим. И.М.

<sup>3</sup> Заместитель директора Геологического института. — Прим. Н.Х.

<sup>4</sup> Представитель Северо-Западного филиала Геологического института. — Прим. Н.Х.



АКАДЕМИЯ НАУК  
СОЮЗА  
СОВЕТСКИХ  
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ  
РЕСПУБЛИК

СПРАВКА

Академия наук СССР командирует  
в июне с.г. в Китайскую Народную Республику  
сроком на 3 месяца для участия в работе  
по обследованию природных условий в провин-  
циях Пинхай и Ганьсу старшего научного  
сотрудника Геологического института АН  
СССР Хераскова Н.П.

28, июня 1958 г.

№ 38-643

МОСКВА, В-71, Б. Каужая, 14  
Коммутор В 2-00-00

При открытии сослаться на лаш. № и дату  
Адрес для телеграмм: Москва Наука

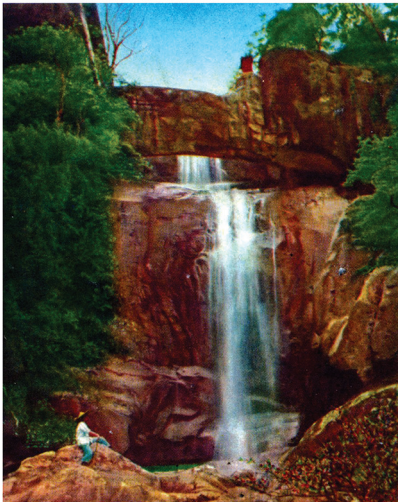


*[Handwritten signature]*

/С.И.Прасолов/

2-й тип. Издат. АН СССР. Москва. Зам. 4210. Тир. 50000

Документ о командировании Н.П. Хераскова, 28 июня 1958 г.



天台石梯飛瀑

Геология Симанд

1. пещеры Фунгарьке тайна

2. Симанд

3. пещеры

4. тайна

② Глиноса р. Ш

② Sn - O<sub>2</sub>; C - P, S - Se / Все пещеры тайны

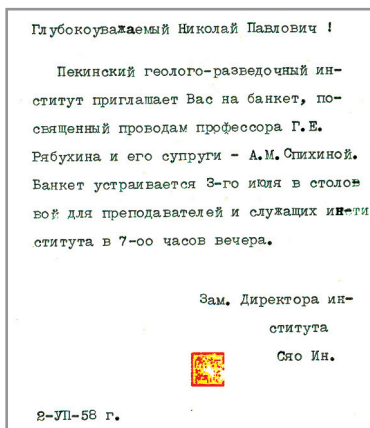
Фунгарьке тайна. тайна S

- тайна S. пещ.

Обложка и страница дневника Н.П. Хераскова



Приглашение на банкет



Банкет в Пекинском геологоразведочном институте<sup>1</sup> в честь Рябухина. Китайская кухня, улучшенная обильными тостами.

Первые впечатления: 1) поражает чистая одежда — от простых грузчиков до чистоты салфеток, ванны [в гостинице], тщательная уборка; 2) поразительная ограниченность смеха — редкий и негромкий; 3) транспорт — в основном рикши, велопассажирские и грузовые, масса велосипедов, стайки их у магазинов; 4) честность — всё лежит открыто, это хорошо видно в магазинах; 5) в книжных магазинах много читателей, но не покупают.

#### 4 июля

Посещение Геофизического института АН <...>. Сейсмические станции. После обеда — Геологический институт [доклады китайских геологов].

#### 5 июля

[Продолжение научной сессии в Геологическом институте]: 1) проф. Ван Ман-чен — Восточный и Южный Китай; 2) Чжан Вэн-ю — маршрут через Тибет с Синицыным. После обеда: 3) Хуан Чжен-куй (Геологический институт, молодой геолог) — маршруты через Циньлиньшань; 4) Чен Ко-да (зав. каф. геологии Южно-Китайского металлургического института) — Южный Китай.

Вечером балет «Лебединое озеро» — премьера, состав молодой <...>, некоторые характерные танцы лучше наших <...>, и вообще это, конечно, замечательно.

<sup>1</sup> Институт Министерства геологии КНР. — Прим. И.М.

### 6 июля

Длинная поездка: Великая Китайская стена — Минские могилы<sup>1</sup> — водохранилище Шисаньлин (народная стройка).

Все три сооружения в своём духе грандиозны. Китайская стена в два километра длины змейёй тянется по гребням гор. Это — «линия Ма-жино» и, как известно, она также часто подводила. Могилы Минских императоров — мы осмотрели лишь главную — памятник в египетском духе <...>. Плотины водохранилища построили за пять месяцев. Здесь проникаешься уважением к грандиозности ручного труда <...>. Строить было, видно, очень трудно. Недаром надпись: «Вход иностранцам без специальных разрешений запрещён». Это — единственное место, где появились мухи и в большом количестве. Установленные бараки и сейчас переполнены <...>. Работали в три смены по 100 000 человек.

Наконец, *Китайская платформа*. Впечатления еще сильнее, чем сейсмические станции. Урал в рифейской части. Местами ленточный синий известняк сходен с рифеем, но иногда это почти кремний. Падение >30°. Смятый кливаж. Обильные кислые и основные дайки и крупные мезозойские границы тел с хорошо выраженной гранитной тектоникой с многими фазами <...>.

### 7 июля

Косыгин после поездки совсем разболелся, и доклады кончились <...>. Пришли Чжан Вэн-ю и Чен Чин-сюан, сообщили мне маршрут. Он, видимо, автомобильный. Перепады — это ужас. Принесли карты <...>, переводил с грехом пополам с переводчиком легенды карт куска Цзяньшаня, тектоники Китая и сводную [карту] маршрутов Цзяньшаня. Труд мучительный.

### 8 июля

Сегодня целый день работал в гостинице. Составил схему по маршрутам Цзяньшаня<sup>2</sup> <...>. Приехала Марина Сергеевна Нагибина, обедал с ней вдвоём.

Формационный ряд Цзяньшаня мне непонятен, вероятно, из-за слабой литологической характеристики. Что ж, поживём-увидим. По-видимому, это все же каледониды с внутренним прогибом (поздний палеозой — триас).

---

<sup>1</sup> Мавзолей 13 императоров империи Мин (15—17 вв.). — *Прим. И.М.*

<sup>2</sup> Горный хребет на границе провинций Цинхай и Ганьсу (Китай). — *Прим. И.М.*





*М.С. Нагибина, переводчица, Н.П. Херасков. Пекин. 1958 г.*

### **10 июля**

Сегодня для меня малоинтересный день. С утра в Президиуме делал доклад Косыгин «О принципах составления тектонических карт». Доложил хорошо <...>. После обеда докладывала Нагибина о Монголо-Охотском поясе <...>. Вечером до 1.30 сидел и готовился к своему выступлению. Подготовился на 2/3.

### **11 июля**

С утра – Геологический институт. Чжан Вэн-ю доложил кратко о строении Китая. Интересно. А потом пошли споры о терминологии. Много выступали все <...>.

### **12 июля**

Сегодня докладывал «Некоторые вопросы тектонического районирования». Выделил три проблемы: 1) молодые платформы и различные пути развития; 2) критерии выделения отличий складчатости; 3) различия платформенных и геосинклинальных отложений и третья группа отложений. Кое-что было оригинальное. Доклад, кажется, понравился и вызвал оживлённые замечания, продолжавшиеся и вечером <...>.

Вечером шли общие вопросы. Косыгин и Нагибина выступали удачно, но массу путаницы внёс Рябухин.

Вечером — банкет в ресторане Пекинского университета, данный вице-президентом. Народу было немного, но рассадили по рангам. На первом столе председательствовал вице-президент, а из гостей — Косыгин, Соколов и Рябухин; на втором — председатель Чжан Вэн-ю, провинциальные профессора и мы с Нагибиной <...>. Первый раз наглядно вижу, как у китайцев демократия соседствует с ранговой междисциплинарностью.

### **13 июля**

С утра были в Геологоразведочном институте и осматривали хороший музей. Особенно просмотрел разрезы S [синийского комплекса] Северного Китая (Южный Китай — скудно) из района Пекина и Шаньси. Это — уральский рифей <...>.

### **14 июля**

С утра заседание в Геологическом институте по терминологии. Для нас малоинтересно. Приятно лишь то, что наши доклады дошли и вызвали интерес, особенно мой.

После обеда — экскурсия <...> юрские, кембрийские, девонские обнажения и разрез замечательные, но китайский стиль церемонии, задержка с пропусками свели время к минимальности. Опять горная страна. Юрские отложения подстилаются вулканической толщей и делятся на две свиты (есть еще верхняя вулканогенная). Напоминает юру Буреи <...>. По интрузии я не могу найти резкие изменения в известняках кембрия и ордовика, но силур имеет ряд специфических разновидностей.

### **15 июля**

Несмотря на дождь, экскурсия на восток, на обнажения силура. Экскурсия из-за аварии моста кончилась ничем. Вернулись обратно.

Впервые видел соломенные непромокаемые плащи. Северо-восточный Пекин — фабричный город. В деревнях масса людей <...>, собираемся ехать на синантропа <...>. Пещера синантропа у подножья гор в ордовикских известняках <...>.

[По возвращении] привожу мысли в порядок и разрабатываю завершающее выступление. План утром уже обсудили.

### **16 июля**

Сегодня с утра предстоит дискуссия о тектонической карте. Разбирали геологию Западного Китая, то же вечером. Конец совещания <...>.

### **17 июля**

После завтрака принял геолог Хуан Чжэн-куй, который будет руководить поездкой в Циляншань и поедет вместе со мной в Ланьчжоу <...>, немного поговорили о геологии.

Сегодня по всему Пекину идёт демонстрация против высадки войск США в Ливане. <...>.

Ужинали с Бушинским. Он изучает здесь фосфориты более трёх месяцев и в конце месяца уезжает. Соколов Глеб улетает завтра в Москву.

Перед ужином гулял с Косыгиным. Купил «Бюллетень»: (8 июля) «партийное руководство имеет решающее значение для обеспечения научной работы. Так именно благодаря партийному руководству из 972 научных дисциплин, которыми встретили 37-ю годовщину КПК сотрудники различных научно-исследовательских институтов АН Китая, 107 равняются или превышают международный уровень».

### **18 июля**

Выехали [в Ланьчжоу] лишь в 8.10. Задержал туман. Провожали Чжан Вэн-ю, зам. директора по политической части <...> и ряд лиц, мне неизвестных. Выдали букет. Это — совместные проводы с Соколовым, и не знаю, что приходилось на меня.

При отъезде масса путаницы с отправкой, порядочная бестолочь. Пример ручного труда — самолёт передвигали два десятка рабочих. Изобилие рабочих рук для нас удивительное <...>. Летели на высоте около трёх километров вдоль края гор <...>.

Тайюань (стал Шаньси<sup>1</sup>) — крупный город на равнине. Много новых домов, аэродром тоже новенький — без буфета и, кажется, вообще без помещений для пассажиров. Прилетели в 10.00, вылетели в 10.30, летели вдоль восточного края гор <...>, сквозь просвет в облаках — громадная река, видимо, Хуанхэ <...>. Живописный лёссовый бэдленд <...>, из-под лёсса видны красноватые тёмные породы, а у Ланьчжоу — красные — в виде макета геологической карты <...>. Вдали виден Циньлиньшань.

Ланьчжоу с самолёта — совсем новый большой город типа среднеазиатских. Новейший кирпичный аэродром. Прилетели в 17.00 и сразу — в гостиницу. Чжан Син-тин и переводчик Ван. Разговор проходил трудно из-за перевода. Как будем с рабочими разговаривать, не знаю <...>.

---

<sup>1</sup> Ошибка: Шаньси — это провинция Северо-Западного Китая. — Прим. И.М.

### **19 июля. Ланьчжоу**

Сегодня программа – с утра осмотр города. Участвовали Чжан Син-тин и Хуан Чжэн-куй, проехали по старому городу <...>. После обеда чайфан в мою честь <...>. Труднейшая беседа с Хуаном Чжэн-куй и перевод с использованием русского, английского и китайского о геологии Циньлиньшаня <...>. Вечером разбирался с материалами по Циньлиньшаню.

### **20 июля**

Утром сегодня выехали на двух машинах: 1) геологи Чжан Син-тин, Хуан Чжэн-куй и я; 2) администратор и переводчик; 3) два повара; 4) два шофёра; 5) охрана. Бестолочи, наверное, будет с избытком.

Ланьчжоу. Климатические черты сближают его со среднеазиатскими городами <...>. Мало земли, и вдруг – сад <...>. Почти исчезли рикши, мало велосипедов, и все женщины в длинных брюках <...>. Город лежит в долине р. Хуанхэ с обрывами берегов до 300 м <...>. В 4 часа приехали в уездный центр Линпо.

### **21 июля. Линпо – Ичехо**

Линпо – уездный город со старой частью, окружённой стенами <...>. Впервые в жизни у меня собственный повар. Но это совсем не весело. Я люблю чай, меня в нём ограничивают, зато пичкают всё время сладким, что я не люблю, и т.д.

Сегодня маршрут прошёл более по-рабочему. Разбирались в стратиграфии бичурского комплекса верхнего палеозоя и в основных чертах разобрались. Карта Хуана очень слабая, и многое он перепутал, а о настоящем картировании, видимо, имеет очень слабое представление.

### **22 июля. Ичехо – Гучен**

<...> Горы Циньлиньшаня с крутыми, но не скалистыми склонами <...>. Вчера в Ичехо видели поисковую партию на медь, а сегодня – её скважину, видимо, на медистые песчаники <...>. Сегодня ночуем опять среди гидрогеологов и инженерных геологов, работающих на строительстве канала.

### **23 июля. Гучен – Минсянь**

Вчера вечером мне показывали материалы геологических партий АН Китайской Народной Республики. Два детально проработанных профиля и колонка. Изучался даже кливаж для выяснения структуры, но профили не увязаны, карты нет. Я поставил своими вопросами в тупик, а потом предложил вариант увязки профилей. Всё же материал полезный,

но возраста даются как-то произвольно. Мне нравится, что отношения становятся понемногу проще, и меня перестают стесняться.

Сегодня с утра будем детально осматривать участок. Я уже заметил, что в Китае очень соблюдается режим дня. Приезжаем в 5 часов вечера, днём обеденный перерыв <...>, а не так, как у нас обычно в геологических партиях — с двухразовой едой до отвала.

Осматривали детальный разрез до позднего обеда. Обедали в Гучене и после непродолжительного путешествия приехали в уездный город Минсянь.

Город со стенами, с торговой частью за стенами, маленьким дворцом бывшего правительства <...>.

Не ясен мне стиль нашей работы и что от меня ждут. По быстроте передвижения — это осмотр уже известного для общих выводов по тектонике. Но маршрут не исследован, на каждом шагу задачи, нет даже геологической карты. А быстрота такая, что даже абриса не сделаешь. Все выводы будут предположительными или сделанными в порядке постановки. С таким переводом я бессилён внести изменения в стиль работы.

Мы остановились у управителя уезда, и только что у меня был с визитом начальник уезда. Шла долгая официальная беседа. Он выразил радость, что я здесь работаю, и сожаление, что не может предоставить нужных удобств. Я благодарил за удобства и выражал надежду, что с помощью товарищей китайских геологов моя работа будет успешной <...>. Сообщил ценные сведения о маршруте.

#### ***24 июля. Минсянь – Гуантин***

Сегодня я почти заблудился в лабиринте двориков, из которых состоит крепость, в которой раньше жил управитель уезда, местный царёк, а теперь помещается Управление. <...>.

Сегодня пересекли главный водораздел Циньлиня — 2500 м <...>. Формы рельефа, сложенные сланцами, мягкие <...>.

Проезжали город Тяньцзинь. Это первый уездный центр без крепостных стен <...>.

#### ***25 июля. Гантин – Уду***

<...> Уду — конец маршрута (450 км от Ланьчжоу за 6 дней, то есть в среднем по 75 км).

#### ***26 июля Уду – Чэнсянь***

Сегодня проехали более 150 км <...>. По дороге встретили строящуюся мощную домну с рудой типа железных шляп. Всё это строится

сельским кооперативом при консультации каких-то студентов. Вот такое решение проблемы железа вызывает восхищение. Меня раздражает низкая производительность труда некоторых китайских рабочих, унижительная для человека. Человек, несущий несколько кирпичей на несколько километров, паром, который мы сегодня использовали и где у нас бы работало 1 – 2, а здесь – 5 – 6 человек <...>.

Уезд упразднили, и сначала нас принимала куча суесящихся ребят в европеизированной одежде. Спасибо приехал секретарь парткома, и всё пошло легче <...>.

Китайская архитектура списана с Пекина. Видишь то красные ворота, то упрощенных львов <...>.

### **27–28 июля. Чэнсянь – Мохэ – Тяньшуй**

Вчера ездили досматривать маршрут <...>.

В Мохэ становится сильной индустрия – строятся бумажный и медеплавильный заводы. Сами нашли медную руду <...>.

Сегодня был геологически очень сложный маршрут в 75 км и здорово устал.

Тяньшуй – это самый большой из уездных городов, которые я видел, с многими европеизированными зданиями <...>.

### **29 июля. Тяньшуй – Цзинань**

<...> Утром осматривали бентонитовые месторождения – маленький завод, только начинающий работать <...>. Вторая половина дня, кроме гранита и гнейса в начале, прошла по лёссу. Здесь я впервые познакомился с ландшафтом мощного лёсса. Деревни вытянуты вдоль стены лёсса и частично помещены в них. Поля разделены обрывами из лёсса <...>. Трудно разобраться, что здесь природное и что внесено человеком.

### **30 июля. Цзинань – Данься**

Поздно вечером пришли секретарь и зам. секретаря уездного комитета, начальник завода и ещё кто-то. Разговор сначала был официальный, а потом перешёл на геологию. Была принесена груда образцов проявлений полезных ископаемых и даже фауны. Крайне интересно. Это всё результат партийного призыва к индустриализации и его воздействия.

### **31 июля. Данься – Ланьчжоу**

<...> Вот и Ланьчжоу. Закончился второй этап моего путешествия и треть срока пребывания в Китае.

## **2 августа. Ланьчжоу – Сечуень**

Вчера в основном писал отчёт <...>.

Сегодня опять в путь – какой-то неожиданный маршрут вниз по Хуанхэ. Толком не знаю, зачем и почему. Главная причина в том, что 7 августа надо быть снова в Ланьчжоу на каком-то совещании.

Проехали сегодня 210 км на север от Ланьчжоу вдоль р. Хуанхэ <...>.

## **4 августа. Сечуень – Чжунин (Цзунин)**

Цзунин, где должны были ночевать, достигли только сегодня. Дорога пустынная, даже с бугристыми дюнами <...>.

Чжунин (наша карта), или Цзунин, как выговаривает Чен, – большой кишлак.

## **5 августа. Чжунин**

Чжунин с первого числа этого месяца стал Нинся (это не то автономный район, не то Внутренняя Монголия<sup>1</sup>).

Планы наши неясные. Вчера дважды ездили искать лагерь партии и девушку-геолога, которая должна стать проводником, но безрезультатно <...>. Едем в ущелье <...>. Оказалось – эффектное место с типичным геосинклинальным девоном – карбоном и девоном, а также с континентальным пермо – карбоном. Маршрут удачный <...>. Завтра едем в Инчуань.

## **6–7 августа. Чжунин – Инчуань**

Вчера всё было нескладно. Переправа заняла более четырёх часов. Далее тяжёлая дорога по краю громадного поля барханов – первые вестники пустыни Алашань <...>. Вечером планы менялись феерически, так как дорога оказалась размыта <...>. На железнодорожной станции бросили машины. Расчёт был на встречу с какой-то геологической партией, но её не оказалось, как и следовало ожидать <...>.

## **8 августа. Инчуань**

Ван вчера приехал лишь в 11 часов, застряла, видимо, машина, и часть пути шёл пешком, но привёз неожиданно геологов <...>, поедem смотреть разрез ордовика.

## **9 августа. Инчуань – лагерь**

Вчера был на редкость продуктивный маршрут. Мало ездили и осмотрели великолепный разрез ордовика и ознакомились с поздним па-

---

<sup>1</sup> Автономный район на севере центральной части Китая. – Прим. И.М.



леозоем. Сегодня едем в триасовую синклираль к нефтяникам <...>. Великолепный сплошной разрез.

### **10 августа. Лагерь – Инчуань**

Сегодня после долгой беседы к обеду добрались до Инчуаня по тяжёлой дороге. Движение восстановлено, и завтра утром должны уехать в Ланьчжоу <...>. Планы изменились. Железная дорога всё ещё не в порядке, и первый поезд послезавтра в 6 утра. Решили ехать рано завтра на 2,5-тонной машине 215 км до Ланьчжоу. Путешествие тяжёлое.

### **11 августа. Инчуань – Ланьчжоу**

Едем по краю пустыни. Пересекли Китайскую стену <...>.

### **12 августа. Ланьчжоу**

Вчера был утомительный переезд <...>. Запомнился мне общий маршрут. Геологически он очень интересен, а туристически меньше. Это – смесь Китая и Средней Азии. А, может, у меня глаза переутомились.

### **13 августа. Ланьчжоу – Увэй**

<...> Ужинал неожиданно с Петровым (пески Туркменской ССР), затем длинный разговор с Долгушиным <...>.

Проехали 275 км, и дорога хорошая <...>, идеальная равнина, зелени меньше, почвы тоже, часто выходит галечник <...>.

Увэй – большой город с центром, не уступающим Ланьчжоу <...>.

### **14 августа. Увэй – Шаньдун**

Дорога стала пустынной, и так до Юндяна, небольшого уездного городка, смотрели материалы угольной партии <...>.

### **15 августа. Шаньдун – Минло (уезд)**

Вчера приехали рано, ходил по городу. Он был разрушен землетрясением в 1954 г., от него остались лишь глинобитные торговые ряды <...>.

С утра заходили в угольную партию и знакомились с материалами <...>.

### **16 августа. Минло – Цзянь**

Вечером был длинный приём <...>.

Дорога сегодня была ленточная <...>, потом пошли горы <...>, перевал 3900 м. Я обрадовался, что хорошо переношу высоту, но это до тех пор, пока не пошёл в гору. Сразу задохся <...>.

Цилян — маленький посёлок, который стал уездом после освобождения. И сейчас часто служащие живут в бараках. Коренное население — всего 10 000, преимущественно тибетцы. До освобождения хлебопашество запрещалось, и та деревня, в которую мы приехали, существует всего год. Зато скота 40 голов на человека. Организуется оседлое животноводство, хлебопашество, разработка угля, меди, железа. Национальный вопрос здесь сохранился острее.

Всё это я узнал на приёме у очень молодого начальника уезда. А у меня вопрос: как быть, если господствующая нация в некотором отношении беднее нацменьшинства — ходит пешком, таскает груз и выполняет другую тяжёлую работу <...>.

### ***17 августа. Цилян — Оба***

С утра беседа с комплексной геологической партией Цинхайского геологического управления <...>. Сейчас поедет по старой дороге до Оба <...>. Высота 3400 м, и я, кажется, это чувствую. Ничего не хочется.

### ***18 августа. Оба — Мучюэн***

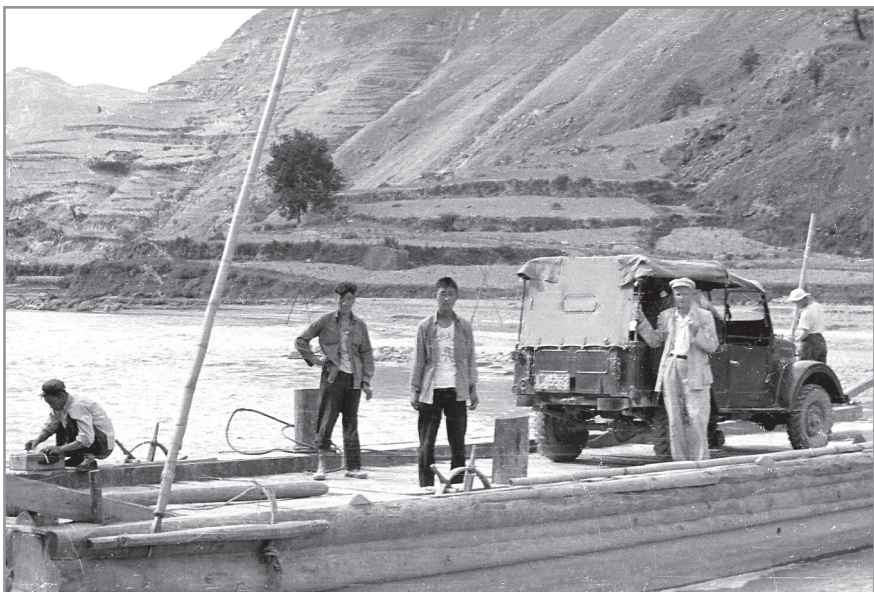
Ночь проходила с некоторыми предосторожностями. Охрана велела закрыть занавеску, дверь из моей комнаты была заперта, и ход был через проходную <...>.

В Мучюэн приехали в 5 часов. Это — маленький, сильно разрушенный город с чередованием новых европеизированных и старых домов за стенами Управления <...>.

Вечером был обширный приём: первый секретарь, бывший начальник военного округа и целый ряд народа с ним. Разговоры шли политические. Затем последовало приглашение на танцевальный вечер. Встретили меня аплодисментами. Была речь секретаря о важности моего приезда и моя ответная — о дружбе и сходстве развития. Танцевали. Я отказался. Некоторые, преимущественно девушки, неплохо танцуют, но танцуют и парень с парнем, и девушка с девушкой. И очень целомудренно. Я спросил, есть ли тибетцы в активе. Мало, но есть. Мне продемонстрировали девушку.

### ***19 августа. Мучюэн — Оба***

Сегодня нас постигла неудача — из-за невозможности переправы нельзя было проехать в Синин. Пришлось вернуться в Обо. Здесь встретили геологический отряд Цинхай-Ганьсуйской экспедиции. Пришлось им потесниться. Зато на обратном пути внесли важные замечания. На переправе шли разговоры чуть ли не час, и я убедился, что нахожусь на востоке, где не торопятся. Реликт прошлого.



*Переправа*



*На маршруте*

### **20 августа. Оба – Увэй**

Рекордный переезд – более 300 км <...>. Дорога старая, и путь прошёл в невнятном течении мыслей. Да и устал <...>. По дороге рассматривал Великую Китайскую стену и удивлялся <...>. Построена без учета местности, часто у подножья гор, осаждённых неприятелем. Что это? Бюрократическое выполнение или её положение было лишь способом спастись от грабителей. Для серьёзной цели она вряд ли годилась. Китайцы вообще очень любят стены, а иногда не строят их, а просто вырезают из лёсса. А этот пограничный район – край крепостей <...>.

### **21–23 августа. Увэй – Ланьчжоу**

Вчера не писал. Чувствовал себя плохо, да и было некогда. Проехали 270 км, работали, смотрели <...>, наблюдения показали, как чрезмерна наша быстрота. Неужели Чен этого не понимает?

[23 августа] Вчера отдыхал, ходил в кино. На этот раз вышел из-за присутствия Пожарицкого и Петрова. В кино неожиданно встретил Сатина. Начал обдумывать записку о плане, а сегодня её целый день пишу.

### **23–27 августа. Ланьчжоу**

Этот мой приезд в Ланьчжоу проходит иначе в компании с Пожарицким, Михаилом Платоновичем Петровым (песчаник-геотектоник) и Долгушиным. Сидел и писал записку о плане <...>. Вчера день был в заседаниях <...>. Вечером были на хайнаньской опере во главе с вице-президентом АН КНР и местным начальством. Сегодня продолжаются заседания.

### **29 августа. Ланьчжоу – Синин**

Новая попытка проехать в Синин пришла с неожиданными трудностями. По всей дороге (220 км) ведётся строительство железной дороги. И вот у ущелья палеозойской гряды нас задержали взрывом на пять часов, и приехали мы в Синин в 11.30 <...>.

Утро началось приёмом в номере начальника провинции с секретарём и заместителем. Потом приехал главный инженер Цинхайского Геологического управления <...>. После обеда посещение с вице-президентом АН КНР выставки, где смотрел образцы полезных ископаемых. Длинный разговор в Геологическом управлении с главным инженером, очень толковым и интересующимся тектоникой <...>. Чувствую себя неважно, а впереди тяжёлые маршруты.

### **31 августа. Синин – Гуйхэ**

Сегодня был очень интересный маршрут, познакомивший меня с силуром и триасом. Едем налегке – я, Ван, охранник и дополнительный охранник из Синина с автомобилем, 140 км проехали легко. Гуйхэ – равнина на высоте 2800 м. Завтра собираюсь сделать боковой заезд и посмотреть озеро Кукунор – это крюк 40 + 40 км.

### **1 сентября. Гуйхэ – Синин;**

#### **2 сентября. Синин**

Обратный маршрут прошёл хорошо, хотя и с некоторыми задержками. Ночной дождь сорвал мост – бетонную выкладку через реку. Уже до нашего приезда там работали китайцы с тремя грузовиками и пришли тибетские женщины. Поэтому простаивали лишь около часа. На всём протяжении дороги шёл мелкий ремонт после дождя, и было наглядно видно, как трудно здесь поддерживать дороги <...>. Особого впечатления [от озера] не получил из-за дождя.

Приехал рано и думал отдохнуть и поработать, но получил приглашение на чайфан Цинхайского партийного комитета и правительства в честь вице-президента АН КНР. Народу было мало, и время прошло лучше, чем в Ланьчжоу <...>. Кстати, государственное и партийное руководство [провинции] Цинхай объединено в одном лице бывшего заместителя министра внутренних дел, посланного на периферию в порядке кампании этого года. Здесь организуется и филиал АН КНР.

### **3 сентября. Синин – Ланьчжоу;**

#### **4 сентября. Ланьчжоу**

Вчера проехали всё расстояние без обеда, ограничились арбузом. Наблюдений тоже почти не делали. Протерозой и синий в большом ущелье почти нельзя было осматривать – идёт интенсивная работа по прокладке железной дороги с взрывами, вызывающими пробку машин <...>.

Сегодня работаю с картами <...>. Полёт в Пекин неожиданно отложился ещё на один день. Чен Чин-сюан ещё здесь. Его, как сказал Ван, прорабатывают за интимные отношения с Ли Кон (они были заметны даже мне) и правые разговоры. Завтра он всё же собирается ко мне с визитом.

#### **5 сентября. Ланьчжоу**

Сегодня целый день просидел дома. Работал с картами, а после обеда пришёл прощаться Чен и проговорили с ним до ужина. Собирался, так как улетаю завтра рано утром.

**6 сентября. Ланьчжоу – Пекин.**

**7 сентября. Пекин**

Перелёт прошёл хорошо при безоблачной погоде, и на этот раз я хорошо рассмотрел лёссовое плато <...>.

Летели вдвоём с Ваном (он впервые на самолёте, и его укачало). На вокзале нас встречали сотрудники экспедиции с извинениями, что начальник экспедиции и заместитель заняты на совещании <...>.

Сегодня в городе митинги и демонстрации по поводу решения Китая о территориальных водах и Тайване<sup>1</sup>.

**8 сентября. Пекин – Тэндзин – Пекин.**

**9 сентября. Пекин**

Вчера ездили на машине в Тэндзин под предводительством зам. начальника экспедиции. Нас было трое русских — Пожарицкий, Мухин (секретарь Горного института АН СССР) и я, два переводчика и аспирант-китаец, который проходит аспирантуру в Горном институте и ходит с Мухиным. Целью поездки был Си-ли цин (сегодня новое село), который после посещения этим летом Мао Цзедуном превратился в сельскохозяйственную коммуны <...>.

**10 сентября. Пекин**

Вчера с утра пришёл зам. начальника экспедиции Чен Дао-мин (маршрут во Внутреннюю Монголию), потом приехал профессор Чжан Вень-ю. После обеда — наши доклады у главного секретаря Академии наук КНР, быстрый ужин и корейская опера. Так устали, что быстро ушли.

Сегодня открытие геологического съезда.

**11 сентября. Пекин**

Утром и вечером был на геологическом съезде. Русских масса, но всех нас усадили как бы в Президиум. Был Амирасланов, Сатпаев, Марковский и ряд лиц по Министерству [геологии], некоторых я знаю и здоровался, но не помню фамилий. Рожкова, Гинзбург-младший, неожиданно — Субботин. Он подошёл сам ко мне, иначе я бы его, наверное, не узнал.

Все доклады сделали, а графику всё равно из Президиума не видно. Поэтому ходить больше не буду, тем более что устал чрезвычайно <...>.

---

<sup>1</sup> Споры по Конвенции ООН о китайском континентальном шельфе 1958 г. — *Прим. И.М.*



### **12 сентября**

Весь день сидел и работал <...>. Вечером был чайфан от главного секретаря Академии наук КНР и руководства. Народу немного, кроме Пожарицкого, Петрова и меня. Нам с Петровым преподнесли битумную палицу с цветами и по раскрашенному яйцу, а Пожарицкому — пиррофиллитовый барельеф и, кроме того, кучу всего. В отличие от других чайфанов, было лучше и непринуждённой. Сегодня надо собираться. Завтра еду в маршрут.

### **13 сентября. Пекин – Хух-Хото<sup>1</sup>**

Вчера немного работал. <...> Вечером была беседа с Кропоткиным и Радкевич, а перед этим — с Огневым и Пожарицким <...>.

Антропов собирал всех и упрекал за отсутствие координации и, конечно, Академию. Я не был, так как меня не звали <...>. Пожарицкий не улетел из-за погоды и летит сегодня утром.

Утром <...> разговаривал с Радкевич (прочитал её статьи), а потом встретился с Чжан-Вэн-ю. Он просил меня сделать доклад по возвращении.

Уехал в 2 часа. Вблизи Пекина ехали по живописной горной дороге, напоминающей Урал, с 60 — 70 туннелями <...>. В одном купе едет административный работник, который должен организовать филиал в Хух-Хото.

### **14 сентября. Хух-Хото**

Приехали в 7 часов. Гостиница великолепная. Меня встретили сотрудники песчаного отряда, а в номере, конечно, было приготовлено угощение. Оказывается, сегодня воскресенье. Поэтому до обеда работал в номере, а в 3 часа поехали осматривать сначала музей, потом новый и старый город <...>.

Новый город очень хорош с массой зелени и напоминает порой части Ташкента или Самарканда. Музей — главным образом, достижений и перспектив.

Для них я тоже был интересным экспонатом, и за мной ходила толпа. Милая девушка-распорядительница предложила мне влезть в юрту, и Ван сейчас же меня снял. А администратор придумал ещё лучше, и меня сняли у юрты с испуганным её хозяином и женщиной-монголкой с ребёнком. Удивительно всё делается просто и приветливо, и невольно хочется отплатить работой.

---

<sup>1</sup> Город на севере Китая — столица автономного района Внутренняя Монголия. — *Прим. И.М.*



Старый город — типичный китайский, и я не увидел никаких монгольских черт.

### **15 сентября. Хух-Хото**

Маршрут складывается неблагоприятно. Машины экспедиции ещё не пришли из Ланьчжоу, и песчаный отряд не может нам ничего предоставить. Геологическое управление здесь только сформировано, а начальник и главный инженер — в Пекине, и машин у них нет <...>.

Остальное время работал дома над маршрутами Циляншаня <...>. Завтра предполагаем поехать по ж.д. до Баотоу<sup>1</sup>. Осмотром его окрестностей, по-видимому, и придется ограничиться.

### **16 сентября. Хух-Хото — Баотоу**

Утром сидел и работал, а после обеда — трёхчасовой переезд в промышленный центр Внутренней Монголии — Баотоу. Город новый, сходен по строению с Хух-Хото. Железная дорога идёт вдоль гор по равнине из полей и водоёмов <...>. Впервые видел женщин лет 30 с изуродованными ногами.

С нами ездили артисты <...>. По дороге они подготавливали выступления и выходили уже загримированными, часто под арабов, то есть пикетировали против Америки.

Наш отряд из меня, Вана и молодого геолога из Пекина усилился администратором, которого по настоянию Вана прислало Геологическое управление.

Начальник управления был у меня с визитом. Он был партизаном 10 лет, с начала войны с японцами<sup>2</sup> <...>.

### **17 сентября. Баотоу — Баян-Обо<sup>3</sup>**

Ван всё же добился машины, и мы проехали маршрутом. Правда, интересно было в первой половине дня, а далее — равнина <...>.

### **18 сентября. Баян-Обо**

Вчера вечером мне принесли материалы, работал над ними <...>.

На месторождении был утром с малознакомым геологом и видел мало.

---

<sup>1</sup> Город во Внутренней Монголии. — *Прим. И.М.*

<sup>2</sup> Японо-китайская война 1937—1945 гг. — *Прим. И.М.*

<sup>3</sup> Район разработки месторождений редких металлов. — *Прим. И.М.*

### **19 сентября. Баян-Обо**

Сегодня ездил смотреть разрез серии. Картина унылая — мелкие, часто сильно выветрелые находки и россыпи, а вулканогенные совсем в нуле. Интересно, как недостаточное знание языка приводит к любопытным штрихам. Ван сказал, что у него нога без сознания, вместо — онемела <...>.

### **20 сентября. Баян-Обо – Баотоу**

Проезд по той же дороге. Поражает сходство равнины с картой и гранитами и гипсами по ландшафту с Мугоджарским плато <...>. Дома со сводиками <...> — недостаток дерева даже на балки <...>. Баотоу-старый — большой с узкими улицами и, как и новый, похож на Хух-Хото <...>.

### **21–23 сентября. Баотоу – Пекин**

Позавчера с утра работал в номере, а после раннего утра поехали в Пекин. Приехали вчера после обеда <...>. Сегодня начинается трудовая жизнь в Пекине.

Трудовая жизнь ограничилась двумя часами. Пришёл Ван с подарками. Наметили план мероприятий, и после телефонного звонка всё изменилось. За исключением 26 сентября билетов на самолёт нет до 10 октября, еду 26 сентября.

### **29 сентября. Москва**

Позавчера так и не улетел.

## **Второе путешествие (1960 г.)**

### **2 июля 1960 г. Пекин (гостиница «Дружба»)**

Вылетел из Москвы 2 июля в 11.30 на Ту с аэродрома Шереметьево и на высоте 8–9 км со скоростью 800–900 км прилетели в Пекин с остановками в Томске и в Иркутске <...>. Встречали Чжан Вэн-ю, Хау Да-фын<sup>1</sup> и Хуан Цзыцин. Я Хуана что-то не узнал. Он теперь во главе организованной Академии геологических наук <...>.

---

<sup>1</sup> Начальник экспедиции, директор Геологического института. — Прим. Н.П. Хераскова.

Первые впечатления. Пекин сильно выстроился. Автотранспорт впечатляет — уже и велорикши, и грузовики. Масса велосипедов. Сейчас сижу и наслаждаюсь чаепитием. Яншин, Пуццаровский, Петрушевский пошли прогуляться, а Нагибина куда-то пропала.

#### **4 июля**

<...> Вчера с утра был Чжан, и ему Яншин предварительно очень долго рассказывал о том, что мы привезли, и делали первые намётки программы.

#### **5 июля**

Сегодня проснулся что-то рано, в 5.30, и сел с утра записать впечатления.

Пекин удивляет. У женщин заметно входит [в моду] европейская одежда. Особенно часто такая одежда у девочек и подростков <...>. Количество классических платьев с разрезами тоже прибыло. У мужчин майки спереди с лозунгами, да и со спины тоже.

Банкет проходил, в общем, по-прежнему, но без приглачительных билетов и записи на места, в целом проще. За первым столом были академики — Пей Ли Шань<sup>1</sup>, Чжан Вэн-ю, Хуан Цзыцин, Яншин, Пуццаровский, Нагибина, два переводчика <...>. Я произнёс тост четвёртым, то есть вторым после Яншина, за Хау Да-фыном <...>.

Сегодня с утра заседанием с одним докладом Чжан Вэн-ю <...>. Многие наши предложения им приняты <...>. Заключительная фраза началась сначала со ссылки на Синицына, потом — на Хераскова и других, а в тексте всё время ссылался на разные мнения <...>.

#### **6 июля**

Сегодня весь день заседали с сокращённым на полчаса обеденным перерывом и с затянувшимся на 40 минут вечерним заседанием. Устал сильно. Только вышел неутомимым: вечером читал «лекции» о тектонической карте живущим с нами Федоровскому и Кесь, а потом — о строении мира пришедшему к нам переводчику Петрушевского.

#### **8 июля**

Вчера с утра поехали в Китайскую академию наук, но посещение не вышло, так как практически занимались дипломатической беседой Яншина с начальником Управления внешних сношений АН (об ООН,

---

<sup>1</sup> Академик-секретарь Китайской академии геологических наук. — *Прим. Н.П. Хераскова.*

Международном конгрессе, печатании нашей карты), которая захватила и часть обеденного перерыва. Вечером ходили в Китайский геологоразведочный институт, который я посещал и в прошлом году, <...> видели лишь могилу Грэбо (ум. 1946 г.) — мраморная плита во дворе среди кустов и ящиков с хозяйственными предметами.

Грандиозное впечатление от комплекса Геологоразведочного института. 10 корпусов учебных зданий.

1952 г. 150 преподавателей 1500 студентов.

1960 г. 650 преподавателей 6500 студентов.

Сейчас обсудили учебно-научно-производственную работу. Некоторые помещения напоминают время моего обучения <...>.

Очень впечатлил и громадный музей, особенно люди. 75-летний Юань Фули — соратник Обручева, со старомодной приятной вежливостью. Ми-Син-юань с поразительной увлечённостью наукой, заместитель директора Чжан-Син-тин, петрограф Ци-Да-син.

Яншина принимали с особым почётом и подарили ему коллекцию минералов и брахиопод. Вообще, вчера был его день.

Сегодня едем на Минские могилы, так как экскурсия в Сишань<sup>1</sup> второй раз почему-то откладывается. Вечером сидел с Пушаровским, подрабатывал вопросы (Южно-Китайские каледониды, мезозоиды).

### **9 июля**

Вчера ездили с Чжан Вень-ю по маршруту: Китайская стена — Минские могилы — водохранилище. Стена снова меня поразила. В Минских могилах стало более интересно — я здорово подзабыл. Особенно же новое — подземная могила. Это сооружение грандиозно — глубина, судя по лестнице, четыре этажа (~20 м), со сводами, как в метро <...> Главная галерея залов содержит три мраморных трона <...>.

Сегодня с утра работал с картой и с Чжан Вень-ю. После обеда и до позднего вечера — Китайская академия геологических наук.

### **12 июля**

Два дня не писал дневник. Позавчера была экскурсия в Сишань по старому маршруту. В последний момент я решил не ехать и весь день сидел дома и готовился к докладу.

Вчера снова выступил Яншин (40 минут с переводом). Я докладывал о принципах расчленения и распространения байкалит и каледонид СССР, а попутно и о своих представлениях о Китае. С переводом — два

---

<sup>1</sup> Сишань (Западные горы) — район к северо-западу от Пекина. — Прим. И.М.



*На экскурсии в Яньшанских горах.  
Слева направо: Н.П. Херасков, Ю.А. Косыгин, Чжан Вэн-ю. 1960 г.*



*Слева направо: Ю.М. Пуцаровский, А.Л. Яншин, М.С. Нагибина,  
китайские геологи, Н.П. Херасков. Геологический институт. Пекин.  
Июль 1960 г.*

часа на утреннем заседании, полтора — на вечернем, да ещё до конца отвечал на вопросы. Потом снова добавлял (не очень-то) Яншин. Доклад, видимо, заинтересовал особенно Ма, Чжана, Чен Го-да. Жалко, что не было Хуана<sup>1</sup> (болел).

Устал до головокружения. Спасибо, что днём удалось поспать 10 — 15 минут. После ужина ходил на балет (точнее так, по-моему) «Красное знамя развевается на вершине Джомолунгма». Меньше, чем за полтора месяца (восхождение было 28 мая), создан и разучен балет. Поставлено здорово. Музыка — смесь китайского и европейского стилей <...>.

### **13 июля**

Вчера с утра были доклады Нагибиной и Пушаровского, и я остался дома <...>. Вечером были доклады Постельникова и Яншина <...>. Потом были вопросы ко всем докладчикам. На вечернем заседании был и Хуан. Он сказал, что вчера у него было медицинское обследование. Дипломатия? Поразительно мрачным и нелюбезным стал ко всем Чжан. Очень мил и интересен Ма. Приехавший Чен Го-да будет делать сегодня доклад.

### **14 июля**

<...> Утреннее заседание: ответы на вопросы Пушаровского, Постельникова и Яншина, собственно Яншина, который прочёл целую лекцию <...>. Вечером докладывал Чен Го-да. Теория — услышал мой доклад в прошлом посещении <...>.

Сегодня утром всё заседание заняло обсуждение доклада Чен Го-да. После критики Нагибиной — очередная лекция Яншина <...>. Зато вечером заседание было деловое. Содержательный доклад Хуана <...>.

### **16 июля**

Вчера шло удлинённое (по плану до двух, а по Яншину — до трёх часов) заседание, посвящённое Тибету и Сикану. Пообедали и поехали в зоологический сад: очаровательный чёрный гиббон, похожий на изящную девушку, но более пластичный; малая панда — медведь, напоминающий большого сибирского кота; хорошие уссурийские, южнокитайские тигры, похуже бенгальский, похожий телом на датского дога, и другие.

Вечером — чайфан у Ли Сы-гуана был в ресторане <...>. Ли Сы-гуан выглядит молодо, с гладкой кожей, придающей европейский или,

---

<sup>1</sup> Хуан Цзыцинъ — Прим. И.М.

скорее, американский вид, но очень симпатично. Зато его жена и по платью, и по добродушному упитанному виду выглядит русской. На первом столе был Ли с женой, Яншин и Марина [Нагибина] и неожиданно приехавшие Чен и Ли (очевидно, гости!) <...>. Я — с Пушаровским, Хуаном, Ма, Сун, зам. директора Геологического института, зам. директора Академии геологических наук. Рассадка была уже не строго по регалиям. Обмен речами Ли Сы-гуана и Яншина <...>.

### **17 июля**

Утреннее заседание было занято главным образом Яншиным, Херасковым, Пушаровским, но ряд новых данных по байкалидам и палеозоидам сообщил Чжан <...>.

Вместо вечернего заседания пришлось поехать на митинг в защиту Кубы в парке Сунь Ятсена.

### **18 июля**

<...> Видимо, все мы устали. Я это вижу не только по себе, но и по падению энергии Пушаровского и особенно Яншина.

### **19 июля**

Вчера и утреннее, и вечернее заседания были посвящены китайским байкалидам <...>. Большую речь произнёс я о методике их выделения. Больше часа с переводом. Да и потом выступал многократно — бился, как лев. Хорошее резюме Яншина <...>.

Сегодня утром и вечером шла дискуссия по палеозоидам. И утром, и вечером выступал по часу. Устал страшно <...>.

### **21 июля**

Вчера было последнее заседание. Утром с критическими замечаниями по нашей карте выступил Хуан. Ответил Яншин, а потом я.

Вечером Ма давал замечания по моим предложениям для Китая, и я отвечал. Потом Яншин передал бразды Пушаровскому для согласования легенды, что тот и начал проводить в темпе <...>.

Поехали на полчаса на Внфуцзин<sup>1</sup>, кроме Яншина, который пошёл к китайскому врачу. На встречу в музее-квартире Сюй Бэйхуна мы страшно опоздали. [Переводчица] не знала адреса, и все расспросы были тщетны, созвонились лишь по телефону.

Пишу это потому, что здесь я лишний раз убедился, как мало популярен этот музей и среди китайцев, и среди европейцев. Между тем,

---

<sup>1</sup> Пешеходная торговая улица в Пекине. — Прим. И.М.



репродукции Сюй Бэйхуна в ближнем ряду и соперничают с Ци Байши. Эту поездку предложил я, и все наши остались довольны. Я всех уверил в том, что она интересна даже для людей, далёких от китайской живописи и мало понимающих её. Сам Сюй Бэйхун, конечно, более доступен для европейцев, тем более, что у него есть замечательные произведения в европейской манере. Но поездка интересна и другим: лабиринтами узких улочек старого Пекина <...>, также квартирой высокообразованного старого китайского интеллигента. Какой-то общий оттенок роднит его с русским населением. Принимала нас на этот раз не жена художника, а какой-то представитель, видимо, из «культурных связей», мало что понимающий. Но смотрел я с большим удовольствием снова. На этот раз я больше оценил и его европейскую манеру французских импрессионистов <...>.

### **22 июля**

Сегодня с утра осматривали Исторический музей. Он ещё в стадии организации, пускают лишь по пропускам. Здание великолепное, и экспозиция развития Китая в разделе материальной культуры хороша, но только для учебных целей. Преобладают репродукции и реконструкции, мало оригиналов. Как и в Геологическом музее, поражает изящество при большой простоте оформления. Это не наша формальная каллиграфия подписей, а надписи, часто поясняемые простейшими рисунками, выглядят как часть общего не только научного, но и художественного оформления структуры.

### **23 июля**

Вчера заседание закончилось перед самым банкетом. Наспех Чжан Вень-ю вручил нам подарки, и мы поехали на банкет.

Банкет был в мусульманском ресторане — говорят, что из-за меня и Яншина. Сомневаюсь, но во всяком случае я выиграл — весь вечер ел дивную варёную баранину, какой давно не ел <...>.

### **24 июля**

Сегодня с утра было довольно нудное заседание по согласованию Решения <...>. После 10 утра проводили на самолёт Яншина, Марину [Нагибину] и Женю [Постельникова] и остались вдвоём с Пуцаровским. Через час и мы выезжаем поездом в Нанкин <...>.

### **25 июля**

Переезд р. Хуанхэ был в темноте и кроме первых джонок ничего интересного не видели. Утром проснулся снова на равнине, но уже новый

ландшафт. Масса воды и риса <...>. Видели палеозой, полого лежащие залежи известняка с кремнями, типично синийские, среднетриасовые красные песчаники с углами до 10°, типично триасовые.

Янцзы производит впечатление. Паром с точной работой причален — и сразу Нанкин. Встречал заместитель директора Геолого-палеонтологического института Китайской АН <...>.

### **26 июля. Нанкин**

[После обеда] поехали на нанкинские чирки — островные части среди понижений <...>. Разрез был интересный и трудный для общих тектонических идей <...>.

Сегодня мы были туристами, поехали мимо озера на гору над Нанкином, в обсерваторию, современную и с выставкой древних инструментов. Затем — мавзолей Сунь Ятсена — аллея зверей Минской династии — центр Нанкина <...>.

Нанкин — современный город. Ранее это был, видимо, лишь административный и торговый центр. Промышленность (чугун и сталеплавильный завод, автомоторы, электрооборудование, химия) появилась лишь в Народном Китае. Но и сейчас промышленности не видно в панораме города, открывающейся от обсерватории. Городская стена Минской династии разделяет громадный участок с прямоугольными уступами между озерами и Янцзы на древние террасы. В отличие от тесноты европейских средневековых городов за стену попали громадные незастроенные участки, занятые теперь парками и даже огородами <...>.

### **27 июля. Шанхай**

Шанхай совсем не похож на другие китайские города <...>. Удивительно, как много зелени. Это поражает по сравнению с Пекином и Нанкином <...>. Советское консульство унаследовало здание царского времени. Надпись: «Построено в 1914 — 1916 гг.» <...>.

### **28 июля. Ханчжоу**

Этот городок совсем в другом стиле, чем Шанхай, от которого веет и тяжёлым трудом, и выступающим прошлым <...>. Помпезные и безвкусные дома стиля модерн и конструктивизма, но с одинаковым назначением — подавить роскошью <...>.

Город стоит на берегу озера Сиху («Западное озеро»)<sup>1</sup>, окружённо живописными горами из пород девона и карбона <...>. Озеро вос-

---

<sup>1</sup> В 2011 г. внесено в список объектов Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО. — *Прим. И.М.*

пето в китайской поэзии, а в более позднее время здесь расположились дачи шанхайских богачей. Через озеро идёт дорога, а на ней — остров, ранее принадлежавший китайскому богачу — еврею Хотай <...>.

Встречали нас представители Чжэцзянского университета <...>, сейчас должны ехать смотреть достопримечательности окрестностей озера и их геологию. После ужина будут показывать нам использованные карты и материалы, а завтра — основной маршрут на палеозой <...>. Поездка была туристическая <...>.

### **29 июля. Ханчжоу**

Вчера допоздна слушали рассказы местных геологов, а сегодня встали в 5.30 и до обеда были в маршруте — смотрели кембрий и ордовик под проливным дождём <...>.

### **30 июля. Ханчжоу**

Вчера вечером провели заключительную беседу с сотрудниками университета (в Ханчжоу два университета — Чжэцзянский и Ханчжоуский, какой-то из них старый, то есть возник до освобождения<sup>1</sup>).

Сейчас после завтрака поедем в Шанхай, а вечером оттуда — в Пекин. Путешествие заканчивается, и пора подвести итоги. В отношении себя они простые: неожиданно заметно улучшил колит, нервную систему и вообще поправился. Очевидно, регулярное питание и, по-моему, тёплый климат <...>.

### **1 августа. Пекин**

Вчера вечером приехали в Пекин <...>. Торжественная встреча аппаратными работниками ГИН и Управления зарубежных стран [АН СССР] <...>.

Пушаровский спросил Чжана о составе редколлегии тектонической карты. Чжан назвал: Чжан Вэн-ю, Хуан Цзыцинь, Ма Син-юань, Чен Го-да. Видимо, это — результат нашего пребывания <...>.

### **2 августа. Пекин**

В 3 часа приехали [китайские коллеги], вручили нам подарки <...>. Здесь шла оперативная работа, вчерне готов новый вариант, а наша легенда уже литографирована. Вот оперативность!

---

<sup>1</sup> Чжэцзянский университет основан в 1897 г. — Прим. И.М.

Затем нас посетил работник Управления зарубежных связей и также вручил подарки от Президиума [АН СССР] – шёлковый платок-скатерть и книгу «Славное десятилетие»<sup>1</sup> <...>.

Сегодня с утра приехал профессор Чжан Вэн-ю с переводчиком, подписали протокол.

### **3 августа. Пекин – Москва**

Несмотря на дождь, вылетели с небольшим лишь опозданием <...>. Проводы были чудесные и полезные до предела. Демонстрировали и дали новый вариант своей карты и дали во временное пользование карту Хуана, на что мы мало надеялись <...>. Приехали провожать вице-президент Академии, начальник Управления внешних сношений, Чжан Вэн-ю, Ма Син-юань, наши переводчики <...> – более 13 человек.



---

<sup>1</sup> Сборник был подготовлен к 10-й годовщине образования КНР (Славное десятилетие, 1960) – *Прим. И.М.*

В.А. Захаров

## Первый опыт пребывания советского человека в буржуазной стране

---

*Безумных лет угасшее веселье  
Мне тяжело, как смутное похмелье.  
Но, как вино— печаль минувших дней  
В моей душе чем старе, тем сильней.*

А.С. Пушкин. Элегия

В июле 1977 г. в знаменитый на всю советскую страну новосибирский Академгородок съехались учёные-палеонтологи из университетов Западной и Восточной Европы и научных центров Советского Союза. Здесь было решено провести заключительное заседание Международного коллоквиума по верхней юре и границе юры и мела. Прибывшим из-за рубежа специалистам была предоставлена возможность предварительно посетить Ленинград, Ульяновск, а затем и Тюмень, чтобы ознакомиться с коллекциями различных групп ископаемых организмов в музеях и с разрезами осадочных пород, обнажающихся на берегах р. Волги и реках восточного склона Приполярного Урала. Основное внимание участников должно было быть сосредоточено на выборе пограничного интервала между юрской и меловой системами (Международный коллоквиум., 1977).

Для заседаний участникам коллоквиума был выделен лучший в Академгородке конференцзал Дома Учёных Сибирского отделения АН СССР. Докладчикам была предоставлена обширная сцена со стендами, на которых развешивалась демонстрационная графика. Другого способа оперативного сопровождения докладов иллюстрациями в то время не существовало. Мой доклад «Опыт зонального расчленения бореальных верхнеюрских и нижнемеловых отложений по бухиям» последовал за выступлением В.А. Вахрамеева, посвященного флорам Сибирской палеофлористической области на границе юрского и мелового периодов.

В качестве иллюстрации я вывесил огромный плакат, склеенный из нескольких крупных полотен ватмана, на которых были зафиксированы 12 колонок с последовательностями зон по бухиям — от авторской стандартной по Северной Сибири, примыкавшей к шкале по бореальным аммонитам от келловей и до готерива, и последовательных территорий от Восточно-Европейской равнины и далее к востоку до Северо-Востока Азии, островов Арктики, Дальнего Востока и Приморья, Арктической Канады, Гренландии, Северо-Востока Британской Колумбии, Западной Канады, северо-западной части штата Вашингтон, Северной Калифорнии и Аляски. Весь 20-минутный доклад состоял из объяснения того, что предложенные бухиазоны, как я считаю, являются довольно надёжной основой для относительно детальной циркумбореальной корреляции указанных на плакате разрезов в стратиграфическом интервале от келловей до нижнего готерива. Ответив на немногочисленные вопросы, я свернул рулон и спустился в зал. Вдруг навстречу мне с портфелем в одной руке и каким-то свёртком в другой, энергично пробираясь между рядами кресел, выскочил (трудно подобрать другое определение его движению) В.В. Меннер. Переложив содержимое в одну руку, он пожал мою и столь же решительно «выплеснул»: «Батенька, это же докторская!». Мои пояснения намеченных на завершение работы планов он даже не стал обсуждать и рекомендовал посоветоваться с В.Н. Саксом — заведующим нашей лабораторией.

Далее события развивались очень быстро. Поскольку В.Н. Сакс был в курсе моих результатов в работе над докторской диссертацией по роду *Vuchia*, то предложенная В.В. Меннером идея ускорить защиту ему пришлось по душе. Б.С. Соколов, мнение которого как заведующего отделом стратиграфии ИГиГ также было важным, нас тоже поддержал, сославшись на сходную ситуацию: успешной защите докторской диссертации по единственному роду *Productus* (палеозойских брахиопод) в Палеонтологическом институте АН СССР в Москве. С этого момента и до защиты диссертации ушло полтора года довольно напряжённой работы. Учёная степень доктора геолого-минералогических наук решением Высшей аттестационной комиссии при Совете Министров СССР была присуждена 27 июля 1979 г. Это событие накануне командирования меня в Данию имело, возможно, решающее значение.

Описанные благоприятные для меня события развивались на фоне иных, к сожалению, драматических. Они были связаны с недомоганием В.Н. Сакса, с которым мы вернулись в конце августа из Хабаровска с Международного совещания по Тихоокеанскому кольцу. Ситуация, связанная со стремительным развитием болезни В.Н. Сакса, описана мною в иных воспоминаниях, к которым я отсылаю читателя, поскольку

невозможно многократно разрывать душу по безвременно ушедшему из жизни учителю и другу (Захаров, 2001).

Я вернулся к этим событиям спустя 43 года после возвращения из Дании, проживая уже не в советской, а в совершенно иной стране, о которой трудно сказать что-то определённое. Так что мои воспоминания, возможно, будут иметь для нового поколения лишь исторический интерес. Для меня настоящая жизнь устроена совершенно по-другому. Однако я буду описывать ее такой, какой прожил.

## Дорога в Копенгаген

Итак, мой вылет в Данию целиком был организован службами АН СССР. А это означало, что мне не пришлось оформлять визу в страну капитализма, покупать авиабилет, обменивать рубли на кроны и пр. Все эти операции выполнил Отдел управления внешними сношениями АН СССР в лице куратора Николая Михайловича Титова, любезно выдавшего мне не только свой служебный, но даже домашний телефон. Я ему позвонил 2 октября перед вылетом из Шереметьево, устроившись в туристическом салоне на 40 пассажиров самолета ИЛ-62.

В аэропорту Копенгагена меня встречал куратор Посольства СССР в Дании — второй секретарь А.Н. Крайнов, который отвез геолога Захарова в Университет Копенгагена. Так что наши службы как бы сдали меня «с рук на руки». Секретарь кафедры исторической геологии Карен Нильсен проводила в квартиру на четвёртом этаже: две спальных комнаты, столовая, ванна, туалет, душ. Не жизнь, а малина!

В течение первых дней пребывания в Копенгагене я получил пропуск для входа в Посольство (для контактов с его кадрами) и в Торгпредство (для покупок дешёвых продуктов питания и товаров в магазине при Посольстве). Из посольских чаще всего приходилось общаться с Толей Крайновым, который по существу выполнял функции шофёра и доставлял меня в указанные места в городе. Проблемы связи с преподавателями Университета, и сотрудниками Геологического института и музея решались на уровне первого секретаря по науке и культуре Е.Л. Моторова, с которым сразу возникли доверительные отношения. Именно через него передавались мои предложения по установлению научных связей с геологами, работавшими в экспедициях на побережье Восточной Гренландии и прибрежных островах. В какой-то мере загадочной и, как мне казалось, влиятельной фигурой выступал М.П. Люби-



мов, который на первом же приёме в Посольстве любезно познакомил меня с супругой Тамарой (совпали имена наших жён!). Насколько я мог предполагать, более всего его занимали связи с гражданами Дании, влиявшими на принятие решений. Здесь я ему мало чем мог быть полезен. Лишь спустя 40 лет мне стало известно, что М.П. Любимов — полковник внешней разведки в отставке, который владеет английским, шведским и датским языками. Любителям детективных романов он известен как их автор.

На одном из приёмов в Посольстве состоялось знакомство с парой Сеглиных: Борисом Сергеевичем и Лидией Сергеевной. Мне показалось, что они были представителями советского Торгпредства. Такой довольно шаткий вывод я сделал после короткой встречи с Б.С. Сеглиным в магазине Торгпредства, где продавщица весьма любезно его приветствовала. Последняя перед отъездом из Дании встреча с супругами Сеглиными неожиданно произошла 2 декабря при посещении Музея кораблей викингов в Роскилле. Завершая совместный круиз по музею, а затем по церкви-усыпальнице королей в готическом здании 15 в., мы с Ф. Рёглем, микропалеонтологом из Вены, были доставлены домой в машине Б.С. Сеглина (о нашем пребывании в Роскилле см. в очерке о Ф. Рёгле).

## Моя работа – её задачи и цели

Моя работа, связанная с ежедневным и чаще довольно однообразным «общением» с окаменелостями, вряд ли заинтригует читателя. Те нечастые сцены «жёстких» дискуссий, как правило, касались ближайшего «друга-соавтора» Ф. Сурлика. Они описаны в посвящённом ему очерке. Помимо научных и «служебных» дел мне приходилось общаться со многими случайными фигурами — такими, как прибывшими в Данию научными сотрудниками разных академических учреждений СССР, неожиданно появившимися в посольском кинотеатре. Например, жителями из Академгородка (Новосибирск) Владимиром и Леной Зелевинскими из Института ядерной физики, проживавшими, как и я, в Академгородке на улице Ильича; работающими по обмену в Институте Бора<sup>1</sup> физиками: Игорем Мишустинным (вот совпадение с нынешним премьер-министром!) и Михаилом Жуковым из московского Института

---

<sup>1</sup> Институт Нильса Бора в Копенгагене. Основан в 1920 г. — *Прим. И.М.*

атомной энергии; работающим в Институте Бора (и тоже по обмену) Виктором Овчаренко из Киева. И это только «навскидку»! С перечисленными людьми я периодически встречался и приглашал к себе на квартиру выпить, закусить, поговорить. Иногда мы вместе посещали музеи. Ну и нередко встречались в кинотеатре Посольства СССР. Не помню точно, но, вероятно, в Геологическом музее Университета Копенгагена я познакомился с парой из Чехии — супругами Эмилем и Милотой Маковски, работавшими в Институте минералогии в Копенгагене. Как-то мне довелось возвращаться из кинотеатра с Димитрием, работавшим в подмосковной Черногловке. К сожалению, эта встреча оказалась единственной.

Вспоминаются краткие беседы с этими и другими, как правило, молодыми советскими специалистами, работавшими за рубежом, что казалось таким естественным, и это было то, что мы при новой власти навсегда потеряли в результате «экспериментов» с народом страны.

Выше я уже упоминал о кратких встречах с молодыми физиками, работавшими в Копенгагене в знаменитом институте Бора. Ими были Игорь Мишустин и Миша Жуков. В Москве они работали в Институте атомной энергии. Мечтал с ними встретиться поближе, да все было недосуг. Наконец я договорился с Виктором Бондаренко привести в мою квартиру Игоря и Мишу в воскресенье 1 ноября во второй половине дня. К этой встрече я готовился заранее, поэтому она удалась. Беседа получилась непринуждённой, обсуждалось всё: от науки до быта. Разошлись около 23.00. Гостей поразило здание — от огромного многоэтажного холла до расположения квартиры. Ребята сравнили дом с жилищем, описанным Стругацкими в книгах «Понедельник начинается в субботу» и «Сказка о тройке». Я же в первые дни, точнее по вечерам, долгое время не мог привыкнуть к электрическому освещению коридоров, по которым мне приходилось достигать квартиры, расположенной на четвёртом этаже без лифта, который в здании выключали уже в сумерках. Включатели лампочек, к счастью, светились, но до них надо было добраться, минуя ошутимое расстояние. Приходилось чуть ли не бежать вдоль длинного коридора, поскольку освещение гасло до того, как мне удавалось добраться до следующего включателя. К этому порядку со временем удалось приспособиться.

Помимо разнообразных дел с фоссилиями приходилось и «за собой ухаживать». Каждое утро я уделял время гимнастике. Этот приём стимулировал бодрость всего организма и, как представляется, повышал эффективность работы с коллекциями, способствовал осмыслению материала, вдохновлял на более глубокую его проработку и перспективу анализа конкретных направлений мысли и прочее по мелочам.

Косметическая ежедневная уборка квартиры раз в неделю сопровождалась более основательной чисткой раковин, душа, протиркой пола, помывкой личного и постельного белья. В случаях приглашений гостей приходилось что-то наскоро готовить, скорее даже разогревать готовое. Понятно, что чистка посуды тоже падала на «хозяина» квартиры. Всё это описано мною для «демонстрации занятости».

Несмотря на то, что к концу дня не всегда хватало сил для заполнения дневника, все же приходилось что-то из себя «выжимать». Читателю дневника нетрудно заметить, что качество ежедневных описаний не всегда сохраняется «на высоте». Прошу извинить. Ведь помимо бытовых описаний по вечерам приходилось знакомиться с научной литературой 19 – 20 вв., ну и кое-что читать из художественной литературы. Например, «Блокаду» А.Б. Чаковского, воспоминания И.Г. Эренбурга, «Острова в океане» Э. Хемингуэя. Просматривал газеты и научные статьи, например, публикации канадца Ю.А. Елецкого — бывшего нашего гражданина, работавшего в Харькове перед войной.

Довольно активно по вечерам работал «Дом датско-советской дружбы». Насколько помню, я не часто посещал коллективные мероприятия. Запомнился приезд 3 ноября (в субботу) киргизских артистов, концерт которых сопровождался энергичными песнями и плясками.

## Надежды и реальность

При описании моих взаимоотношений с работавшими постоянно или временно специалистами в Геологическом институте Университета Копенгагена из разных стран всегда сохранялся интерес не столько к порядкам, царившим в СССР при коммунистах, сколько о возможности дальнейшего расширения контактов по наукам о Земле. Об этих намерениях я постоянно делился с сотрудниками Посольства СССР в Дании. Прежде всего, с первым секретарем по науке и искусству при Посольстве Е.Л. Моторовым. И надо отдать ему должное, у нас сложилось взаимное доверие в отношении полезности перспективных контактов с зарубежными коллегами и прежде всего с датчанами. В этом направлении события развивались весьма благоприятно. В особенности после встречи Е.Л. Моторова с Туве Биркелунд 5 декабря, когда были согласованы все стороны сотрудничества — от совместных полевых работ в Гренландии и на севере Сибири и до публикаций коллективных результатов. Драматическая сторона развития событий описана

мною в заключительной части очерка, посвящённого Т. Биркелунд. Здесь можно было бы ограничиться одной фразой: нашим мечтам не удалось сбыться.

## Датские дневники

*Я вчера закончил ковку –  
Я два плана залудил –  
И в загранкомандировку  
От завода угодил.*

В.С. Высоцкий<sup>1</sup>

В дневнике приводится описание событий с момента вылета из Москвы. Бóльшая его часть заполнена описанием процесса моей работы над коллекцией двустворчатых моллюсков семейства Buchiidae, доставленных датскими геологами из разрезов терригенных пород морского генезиса верхнеюрского и нижнемелового возраста Северо-Восточной Гренландии и Земли Пири. В разной степени рассмотрены контакты с соавторами публикаций будущих статей. Описаны сцены посещения по приглашению хозяев домов и квартир — как датчан, так и временно работавших в Университете Копенгагена геологов и палеонтологов из западноевропейских стран: Австрии, Англии, Бельгии, Германии, Чехословакии. Некоторое внимание уделено сотрудникам Посольства СССР в Дании с описанием встреч и бесед с ними, связанных с обсуждением совместных работ учёных в России и в Университете Копенгагена. Отмечены контакты с молодыми учёными из разных институтов Академии наук СССР, приглашенными для стажировок в научно-исследовательские центры Дании.

Поскольку публикуемые здесь очерки основаны преимущественно на записях в дневнике, то в описаниях некоторых сцен неизбежны повторы. В таких повторах нет иных намерений, кроме более полного раскрытия содержания отдельных событий. При чтении дневника легко установить, как автор описывает все свои ежедневные действия. Цель таких демонстраций простая: показать динамику действий основного участника событий, а также некоторые детали бытия в квартире и за

---

<sup>1</sup> Из песни «Инструкция перед поездкой за границу». — Прим. И.М.

её пределами — в Копенгагене и Дании: например, состояние погоды и другие факторы среды обитания. Любопытному читателю, по-моему, полезно иметь представления об атмосфере (в широком смысле), в которой приходилось жить и трудиться. Иным читателям легко игнорировать детали и понимать лишь суть дела, как и давать индивидуальную оценку деятельности автора, изложенной без прикрас. Так что, счастливого пути, следом за автором дневника и очерков.

Не все сюжеты описаны в очерках. Причина проста: помимо общения с коллегами иногда приходилось соглашаться на участие в «туристических» мероприятиях. Так, обладатели авто супруги Батерст любили выезды за пределы Копенгагена. Их привлекали небольшие поселения и быт сельских жителей. Как правило, знакомство ограничивалось посещением молевных мест, молитвенных домов и кладбищ. Из перечисленного мне запомнились молитвенные дома — тем, как они выглядели снаружи и изнутри. Такие дома внешне не отличались от деревянных жилых строений в посёлках. Внутри не было никаких специальных элементов убранства: позолоченных резных иконостасов, алтаря, росписей, икон в киотах, купелей. Поскольку мне приходилось бывать в знаменитых православных храмах Ленинграда и «Золотого кольца» России, поражающих красотой и многообразием внутренне-го убранства, меня удивила скромность интерьера молевных домов протестантов-лютеран, которые всё же христиане. В «обителях усопших», я имею в виду кладбища, преобладал такой же порядок, как и повсюду в Европе. Отношение датчан к земле во всех проявлениях также заслуживает подражания.

Следует упомянуть, что мое пребывание в Дании продлилось сверх разрешённого двухмесячного периода (октябрь — ноябрь) до 10 декабря. Задержка была связана с просьбой норвежских геологов определить для них коллекцию двустворчатых моллюсков с острова Андо в составе Лофотенского архипелага в Норвежском море. Посольство СССР в Копенгагене запросило Президиум АН СССР, и моя просьба на продление командировки была удовлетворена. Своё задание я выполнил в срок, и через год результаты были изложены в коллективной статье (Zakharov et al., 1981).



## Очерки о зарубежных коллегах

---

### **Тове Биркелунд (Tove Birkelund)** (28 ноября 1928 г. — 24 июня 1986 г.)

*Палеонтолог и организатор геологических исследований  
в Гренландии.*

*Профессор Копенгагенского университета,  
заведующая кафедрой исторической геологии*

Раскрытие образа Тове Биркелунд представляется мне наиболее сложным. Верно, что поездкой в Данию я обязан Ф. Сурлику по причине необходимости изучения собранной им коллекции юрско-меловых двустворок из Восточной Гренландии. Однако приглашение в Университет Копенгагена принадлежит профессору Т. Биркелунд. Затруднение же с описанием её, несомненно, яркого образа связано с тем, что для раскрытия особенностей её поведения и характера мне не хватило времени, поскольку она покинула Данию на третий день после моего туда приезда. Она направилась в Университетский колледж Лондона к своему коллеге Дж.Х. Калломону для работы с коллекцией юрских аммонитов из тех же разрезов Северо-Восточной Гренландии, откуда происходили и двустворки-бухийиды — предстоящие объекты моих исследований. Т. Биркелунд возвратилась в Копенгаген только в конце ноября.

Моё знакомство с ней, как и с Ф. Сурликом, впервые состоялось в Академгородке Новосибирска в июле 1977 г. во время Международного colloquium по верхней юре и границе юры и мела. В течение нескольких дней, проведённых в городке, мы с Тувой тесно практически не общались, если не считать краткие беседы, в которых выяснялись мои возможности изучения бухий Гренландии. Тем не менее во время этих встреч мои впечатления от образа Тове были однозначно приятными. Она постоянно дружески пожимала руку и доброжелательно улыбалась. Сразу отметила, что мой доклад произвел на неё благоприятное впечатление.

В течение нескольких суток, проведённых в экскурсии на разрезах юрских и нижнемеловых отложений на реках Ятрии и Яны-Манья (бас-





*Туве Биркелунд*

сейн р. Северной Сосьвы на Приполярном Урале), внимание Туве привлекали прежде всего аммониты верхней юры и пограничных слоев юры с меловой системой (рязанский ярус = берриас).

Многие из здешних таксонов (в особенности из волжского яруса) были представлены бореальными формами, известными также в Восточной Гренландии.

Опережая события, здесь уместно сказать, что двумя годами позже в музей при Университете Копенгагена была доставлена коллекция окаменелостей из пограничных слоёв юры и мела с Земли Пири (сборы Э. Хакансона из Северной Гренландии).

Практически на второй день после приезда мне совместно с Т. Биркелунд и С. Писецки пришлось предварительно поработать с этой коллекцией. Не могу



*Река Ятрия, Урал. 1977. Сидят: Дж. Калломон, М.С. Месежников, Т. Биркелунд, В.А. Захаров, К.В. Паракецов*



вспомнить причину, но Туве сразу предложила мне оценить фрагменты аммонита, сославшись на то, что этот род напоминает ей верхневожских с р. Ятрия. Достаточно было одного взгляда, чтобы определить род, которым оказался *Craspedites*. Я отнёс вид к *C. ex gr. nodiger*. Кстати, Ф. Сурлик согласился с моим определением рода *Craspedites*. Однако позднее Т. Биркелунд, вернувшись из Англии, идентифицировала его как *C. okensis*, поскольку фрагменты аммонита, как ей показалось, ближе к *Craspedites s. str.*, чем к более позднему подроду *Taimyroceras*, характеризующему зону *C. (T.) taimyrgensis*. Род *Buchia* был представлен довольно многочисленными видами: *B. fischeriana*, *B. unshensis*, *B. terebratuloides*, известными из интервала от подошвы верхневожского яруса до берриаса (= рязанского). В результате коллективного обсуждения биостратиграфического материала авторами будущей публикации было принято предварительное решение, касающееся хроностратиграфической разбивки разреза и варианта позонной межрегиональной корреляции в пределах развития отложений бореального типа (Håkansson et al., 1981). Результаты нашей совместной работы впервые доказали присутствие *C. okensis* верхневожского подъяруса в Гренландии.

Здесь перед рассказом о моём более тесном общении с Т. Биркелунд, как мне представляется, уместно рассказать о ней подробнее.

Официальные данные гласят, что Т. Биркелунд — датский геолог, доктор наук, профессор исторической геологии в Университете Копенгагена с 1966 г. Затем идёт краткое повествование о её научных достижениях в палеонтологии, стратиграфии и седиментологии отложений юрской и меловой системы в Дании, Восточной Гренландии и других странах. Как член Датского Совета по исследованиям в области естественных наук в 1970 — 1979 гг., Фонда Carlsberg Королевского общества и председатель Совета по планированию исследований в 1981 — 1984 гг. она занимала центральное место в Датском управлении исследований и научной политики. Однако для нас, её коллег по объектам и арктическим территориям исследований, она прежде всего, была душой того международного коллектива, в котором активно продвигала идею доверительного сотрудничества датских и советских учёных-геологов на территории Арктики. Её личный вклад в геологию Гренландии был в основном связан с мезозойской стратиграфией и палеонтологией. В этой работе она в своей короткой жизни плодотворно сотрудничала с Дж.Х. Калломоном. Совместно с организованной ей рабочей группой из молодых геологов и студентов Университета она в течение десятилетия занималась геологическим картированием и региональными исследованиями на Землях Джеймсона и Милн в Северо-Восточной Грен-

ландии. В кратком некрологе Н. Хенриксен, один из последователей и поклонник таланта Т. Биркелунд, отразил наши общие чувства к этой выдающейся личности в науке и незаурядной женщине в следующих фразах: «Нам будет не хватать Туве Биркелунд и как геолога, и как инициатора геологических исследований. Помимо этого, многим из нас будет не хватать её как очаровательной и живой участницы экспедиций, которая, несмотря на свою ведущую роль в недавнем развитии науки в Дании, всегда стремилась на равных со всеми участвовать в полевых работах в Гренландии»<sup>1</sup>. Я искренне присоединяюсь к этой высокой оценке достоинств Т. Биркелунд.

Как и предполагалось, Т. Биркелунд вернулась из Англии в конце ноября. Поскольку в мои обязанности входило изучением бухид, то совместная работа с ней ограничилась участием в подготовке рассмотренной выше коллективной публикации по Земле Пири. Наша встреча произошла на званом ужине в её доме, куда я был приглашен 3 декабря. Традиционно посещая кооперативный магазин при Посольстве, я и на этот раз запасся пивом и грузинским вином, полагая, что высокого качества алкоголь из СССР, как показала моя предыдущая практика, всегда воспринимается датчанами с приподнятым настроением. Дома неожиданно встретил Э. Хаккансона, тоже приглашённого в гости. В 19.00 за нами приехал младший сын Туве — Peter. Вся семья была в сборе. Муж Т. Биркелунд — Sten (возраст между 55 — 60 годами), адвокат. Старший сын (23 года) тоже Sten, Jr. — медик, упомянутый выше младший сын (21 год) — студент по религиозной социологии. В доме Биркелунд я провёл три часа.

Ужинали, пили пиво и красное вино (по вкусу). Беседовали о том, о сём. Поскольку за столом было что выпить и чем закусить, беседа носила не слишком организованный характер. Так что я не берусь её изложить. Бóльший интерес вызовет, вероятно, описание помещения. Оно представляло собой обширное пространство в длину всего одноэтажного дома, поскольку располагалось под ним. Да, это был очень привлекательно построенный «подвал», центральная часть которого была «отдана» длинному столу, окружённому удобными красивыми скамейками «со стенкой» для спины. Идея так приспособить помещение под домом принадлежала Туве, которая, по её признанию, рассчитывала на большую компанию родственников.

Время моего пребывания в Дании неумолимо сокращалось. 5 декабря в фойе Университета мы встретились с Т. Биркелунд «за чашкой чая». Надо сказать, что в огромном пространстве на первом этаже

---

<sup>1</sup> См. Henriksen N., 1986. — Прим. И.М.

было несколько холодильников, в которых хранилась кондитерская выпечка, напитки и пакеты для быстрого приготовления чая и кофе. На столах находились электрочайники. Туве предложила обсудить возможность дальнейшего сотрудничества её группы и специалистов из ИГиГ СО АН СССР в деле изучения геологических разрезов на арктических территориях Северной Гренландии и Сибири. В целом она отнеслась к такому содружеству положительно. Ранее я предлагал советнику нашего Посольства по научным связям Е.Л. Моторову обсудить перспективы научного взаимодействия на встрече с Т. Биркелунд. Я согласился организовать их встречу в ближайшие дни. Неожиданно для меня Е.Л. Моторов предложил встретиться в Геологическом институте Университета уже на следующий день. Вот результат этой беседы: 1) Стороны согласились с тем, что сотрудничество геологов Дании и СССР полезно; 2) Желательно наладить обмен сотрудниками учреждений уже в течение следующего года; 3) Необходимо организовать участие в полевых работах в Восточной Гренландии и на севере Сибири. Т. Биркелунд заверила, что совместные работы на разрезах Гренландии вполне реальны. Е.Л. Моторов просил подготовить предложения по участию советских специалистов к понедельнику 10 декабря. Поскольку пребывание в Дании у меня было ограничено, то краткая записка была мною подготовлена на следующий день и передана в аппарат Посольства.

К сожалению, наши хлопоты оказались напрасными, в чем я вскоре убедился. Время стёрло точные сроки моего приглашения в Первый отдел ИГиГ, но случилось это вскоре после моего возвращения в Академгородок. Начальник отдела предложил мне в его присутствии ознакомиться с письмом, из которого я понял, что надзорные службы запрещают любые исследования на территории Арктики в союзе с зарубежными специалистами. В письме отвергалось предложение Ж.-И. Кусто, добивавшегося открытия пространств Арктики для исследований международным сообществом наподобие доступного многим странам изучения Антарктического континента. Так что моя попытка обмена экспедициями учёных в Гренландию и Университета Копенгагена на север Сибири потерпела неудачу. Признаюсь, что психологических потрясений подобного рода мне не довелось до этого испытывать. Самое тяжёлое переживание было, безусловно, связано с предстоящим изложением причин отказа в нашем сотрудничестве в письме, которое мне следовало написать Т. Биркелунд. Хотя это письмо и не сохранилось, я до сих пор помню свой душевный разлад, который пришлось пережить, оценивая решения властей в отношении границ сотрудничества с учёными из капиталистических стран. Мне с трудом

пришлось осознать, что такие решения принимают не учёные, а чиновники соответствующих ведомств.

16 октября 2022 г.



**Финн Сурлик (Finn Surlyk)**  
(р. 17 марта 1943 г.)

*Датский геолог, палеонтолог, седиментолог.  
Генеральный секретарь Международной ассоциации  
седиментологов (1986 – 1990; 1990 – 1994).  
Президент Международной ассоциации седиментологов  
(2006 – 2014).  
Заслуженный профессор Университета Копенгагена в отставке*

Моя поездка в Данию в 1979 г. осуществилась, главным образом, благодаря Ф. Сурлику, местом работы которого был Департамент геологических наук и управления природными ресурсами. Именно коллекция бухиид (сем. *Buchiidae*), собранная им в течение нескольких полевых сезонов в Северо-Восточной Гренландии, явилась главным основанием для моего приглашения в Университет Копенгагена и в Геологический музей. Мне было поручено таксономическое изучение этой коллекции и разработка совместно с Ф. Сурликом зональной шкалы по бухиидам верхней юры и нижней части мела.

Наше знакомство состоялось в Академгородке Новосибирска во время Международного colloquium по верхней юре и границе юры и мела в июле 1977 г. Ф. Сурлик сразу произвёл впечатление энергичного и открытого молодого человека с приветливым лицом, горящими глазами и желанием расположить к себе собеседника. Таким он и оставался для меня на весь период общения, включая короткий полевой интервал на Урале и всё время, проведённое в Копенгагене осенью 1979 г.

На colloquium в Новосибирске Ф. Сурлик прибыл уже довольно известным в Западной Европе специалистом по стратиграфии и общей геологии Северо-Восточной Гренландии. В Сибири его интересовал разрез верхней юры и базальной части меловой системы. Планировалось показать участникам совещания разрезы именно этого стра-



*В ожидании вертолѐта на р. Ятрия, Урал.  
Ф. Сурлик – слева. 1979 г.*



*Ф. Сурлик и В.А. Захаров. 1979 г.*



тиграфического интервала на терригенных толщах, вскрывающихся по рекам Ятрия и Маурынья в бассейне р. Северная Сосьва на Приполярном Урале. Вспоминая своё пребывание на р. Ятрия, я обнаружил, что из иностранцев большую часть времени провел с Ф. Сурликом. Как представляется теперь, близкое общение было оправдано нашими профессиональными интересами. В перспективе это, возможно, определило приглашение меня, спустя два года, в Университет Копенгагена и музей для работы с коллекцией восточно-гренландских бухийд.

Приглашение из Университета Копенгагена за подписью профессора Т. Биркелунд было получено еще в апреле 1979 г., и вскоре поступило разрешение на командировку от всех инстанций в Новосибирске и, конечно, в Москве. Извещение на вылет из Москвы 2 октября пришло в ИГиГ также заранее.

В середине августа группа специалистов из лаборатории мезозоя и кайнозоя Института вылетела в Хабаровск, где планировалось наше участие в работе Международного Тихоокеанского научного конгресса. Если не принимать во внимание природный катаклизм в виде сильнейшего шторма, завалившего дороги сотнями деревьев и вынудившего наш самолёт ТУ-104 приземлиться во Владивостоке вместо Хабаровска, то Конгресс следует оценить по высшей категории. Достаточно сказать, что центральной фигурой с советской стороны в Президиуме был тогда еще член-корреспондент АН СССР Е.М. Примаков, притом, что в зале находились десятки полных членов Академии. В Новосибирск мы возвращались в приподнятом настроении.

Каждый научный сотрудник, работавший в академическом институте на территории СССР и направлявшийся в заграничную командировку, был обязан, прибыв в Москву, явиться к куратору в Управление внешних сношений АН СССР. Куратором УВС в то время был Н.М. Титов. Связавшись с ним по телефону и руководствуясь полученными рекомендациями, я прошёл все этапы «чистилища» перед отъездом в Копенгаген: получил заграничный паспорт с визой, строгую сумму командировочных (в датских кронах), авиабилет (перед самым отъездом в аэропорт) и назначения вместе с группой выезжающих за пределы Родины по поведению за рубежом (почти по В.С. Высоцкому).

2 октября я вылетел из Шереметьева на самолете ИЛ-62. В аэропорту Копенгагена меня встречал куратор Посольства СССР в Дании А.Н. Крайнов, Он отвез меня в Университет.

3 и 4 октября перед посещением Университета и Геологического музея я испытывал психологическое напряжение. И это не удивительно. В эти дни планировалось «встретиться» с коллекцией бухий из Северо-Восточной Гренландии, которые были главными объектами моей пред-

стоящей двухмесячной работы. Поскольку до этого я имел дело с бухиями только «российского» происхождения, то испытывал от встречи с бухиями из Гренландии некий трепет. Ответ на вопрос «Справлюсь ли?» должен был быть довольно простой, но однозначный: «да или нет». Признаться, я подходил к лоткам, заваленным ядрами бухий, с волнением. Однако достаточно было беглого взгляда на «любимый» объект, чтобы сказать: «Да — справлюсь!». Я легко узнавал «лица» бухий, совершенно не отличимые от сибирских, уральских, средне-русских и тимано-печорских. В процессе работы трудные решения, безусловно, приходилось принимать при оценке материала плохой сохранности, но такие ситуации были обычными и в предшествующие годы.

С Ф. Сурликом я встретился лишь на следующий день в музее, где он мельком показал мне его сборы бухий. Затем я вернулся в Университет, где до конца рабочего дня знакомился с полевыми фотоматериалами. Поскольку Финн был постоянно занят текущей работой с полевыми материалами в музее и со студентами в Университете и за его пределами, то наши встречи, касавшиеся обсуждения результатов моего изучения коллекций, как правило, носили неупорядоченный характер. Так что на эту сторону моего пребывания я постараюсь не слишком отвлекаться.

Поскольку Ф. Сурлик являлся для меня ключевой фигурой среди сотрудников музея и Университета, а также новых знакомых в Копенгагене, то имеет смысл именно в начале повествования дать ему хотя бы краткую характеристику.

Он получил высшее образование в Университете Копенгагена, который окончил в 1968 г. с золотой медалью (1969 г.). Там же двумя годами позже ему присудили степень доктора философии после защиты диссертации по верхнемеловым брахиоподам. В 1978 г. в Университете Копенгагена Ф. Сурлик защитил докторскую диссертацию по материалам изучения верхней юры и нижнего мела Северо-Восточной Гренландии.

Я старше Ф. Сурлика — он родился в Копенгагене в марте 1943 г., то есть спустя 7 лет после моего появления на свет в Кимрах Калининской (ныне Тверской) области в ноябре 1936 г. В научном отношении к октябрю 1979 г. мы были в близких «весовых категориях», поскольку докторские степени оба получили с минимальной разницей во времени. Понятно, что по печатной продуктивности я превосходил Ф. Сурлика, так как к концу 1960-х и началу 1970-х годов имел несколько персональных и коллективных монографий, связанных по тематике, как и у коллеги из Дании, с арктическими и субарктическими территориями.



Определяющую роль сыграли те 7 лет, на которые я опережал Ф. Сурлика по времени появления на свет.

Объектами исследований у него, как и у меня, в это время были окаменелости. Правда он довольно быстро переключил внимание с меловых брахиопод Дании на изучение морских седиментационных комплексов юры и нижнего мела Северо-Восточной Гренландии. В этом направлении Ф. Сурлик продвигался на удивление быстро, освоив не только литологию, но и биостратиграфию верхнеюрских и нижнемеловых осадочных толщ, включая остатки морских моллюсков: аммонитов и отчасти бухий (двустворок). Постепенно в центре его внимания оказались толщи юрского и мелового возраста и их тектоническое строение. Именно в этом направлении Ф. Сурлика ожидал успех. Во время двухмесячного пребывания в Дании я, конечно, не мог предвидеть насколько быстро его научная карьера в Западной Европе буквально «взлетит»: в течение двух сроков подряд (1986 – 1994 гг.) Ф. Сурлик будет занимать пост Генерального секретаря Международной ассоциации седиментологов (IAS). Мне грех жаловаться на динамику своей научной карьеры, но успех уважаемого коллеги до сих пор «согревает душу». Должности и награды сопровождали его до конца карьеры, завершившись в 2013 г. присуждением звания заслуженного профессора Университета Копенгагена.

Работа специалиста с палеонтологическими коллекциями хотя и увлекательная, но большая часть времени уходит на рутину. В моём случае она состояла из подготовки каждого экземпляра к идентификации: его чистки и препарирования, если такая необходимость возникала; отбору образца и зарисовку каждого его положения (как правило, в четырёх ракурсах) для фотографирования. По мере накопления образцов они передавались фотографу, а затем переходили снова ко мне для монтажа фототаблиц и их последующего описания. Как известно, фотоматериалы являются наиболее информативной иллюстрацией при описании таксонов. Эта часть работы целиком выполнялась мною и под мою ответственность. Сведения о географическом месте сбора фоссилий и о геологической ситуации на месте их нахождения возлагались, естественно, на Ф. Сурлика. В предстоящей публикации важнейшим результатом планировалась разработка шкалы бухиазон верхней юры и основания меловой системы. Структуру шкалы и конечный её вариант мы обсуждали совместно. Окончательный вариант последовательности бухиазон в значительной степени опирался на предшествующий опыт моей работы со шкалами севера Восточной Сибири, Приполярного Урала и Тимано-Печорского региона (Захаров, 1978).

Если читатель проявит интерес к процессу формированию статьи, он может обратиться к дневнику и проследить в деталях участие каждого из нас в этом деле. Основная особенность работы с Ф. Сурликом тесно связана с его кипучей энергией, в какой-то степени объясняющей несвойственную мне «жесткость» в принятии решений по конструкции зональной шкалы. Спорные эпизоды возникали при определении ранга биостратонов в случаях выбора слоёв с бухиями или бухиазон. Финн предпочитал бухиазоны. Спустя много лет после публикации нашей статьи (Surlyk, Zakharov, 1982), довольно популярной до настоящего времени, я удивляюсь отсутствию критики в печати в отношении предложенной нами шкалы бухиазон верхней юры и нижнего мела Восточной Гренландии.

После трёх недель совместной работы (19 октября) Финн пригласил меня к себе домой на ужин. В 16.30 мы совместно с его супругой Нанной отправились от Университета на станцию Østerport, находящуюся на полпути от Посольства. Отсюда электричкой поехали к северу в направлении к Helsingborg. Путь занял примерно 20 минут. Затем мы пересели на маленький поезд «свин» и проехали четыре остановки в том же направлении.

Тогдашний дом Сурликов состоял из полутора этажей. Рядом открытый гараж (просто — навес). Отопление и подача горячей воды осуществлялись с помощью дизельного топлива, поступавшего из продолговатого бака, закопанного рядом с домом. По словам Финна, одного бака хватает на целый год. Следует, однако, заметить, что ватер-клозет помещался в неотапливаемой части дома. Насколько я ощутил, это создаёт дискомфорт. Второй этаж, где находилась спальня, не заполняет всего пространства первого этажа. По крайней мере, малолетний сын Яков (в сентябре ему было три года) при мне поднимался вверх по узкой лестнице. На ужин были поданы отварные креветки с майонезом и тостами. Затем тушёная говядина с картофелем, салат из китайской капусты с помидорами. Белое вино (сухое). На десерт — печёные яблоки с орехами, жжёным сахаром и взбитыми сливками. После ужина смотрели по TV американский фильм с участием Дж. Фонды — пародия на вестерн. Актриса замечательная, но фильм пустой. Я не преминул отметить, что фильм не затрагивает общественных или бытовых проблем. На что Финн с иронией парировал: «Житейских проблем и так хватает, а такой фильм позволяет снять накопленное за день напряжение». Домой я возвратился на электричке и был в квартире в 23.15.

Второе приглашение в гости последовало от Сурликов в субботу 27 октября. Должна была состояться поездка в Helsingborg к родите-

лям Нанны (напоминаю — жены Финна). Ф. Сурлик прибыл за мной в 12.40. Заехали в супермаркет, в котором запаслись продуктами. Я (советский человек) был поражён обилием и разнообразием всяких съедобных изделий. Затем поехали в центр города на Stróget. Чуть-чуть прошли по улице и ланчевали (бифштекс с пивом) в «трамвайном вагоне» 1920-х годов. После ланча поехали домой к Сурлику.

Его сын спал, ждали, когда проснётся. Провели в доме около часа и затем поехали к родителям Нанны. Её отец, профессор геологии, специалист-вулканолог. Семья отца живёт в большом кирпичном доме, принадлежащем Датской Королевской академии наук<sup>1</sup>. Дом стоит на берегу пролива Каттегат, на самом пляже, покрытом великолепным чистым песком с валунами. Двухэтажный особняк имеет около 8 — 10 комнат. Жена профессора — биолог. В доме аквариумы, террариумы (с тропическими тараканами и земноводными). Много цветов. В 16.00 пили чай, прогуливались с Финном вблизи дома. Здесь же на пляже перед домом две небольшие оранжереи и несколько яблонь, на ветвях которых до сих пор много яблок. Затем беседовали у камина о жизни в разных политических системах. Пили пиво «Старый замок» — экспериментальное от датского производителя пива Carlsberg. Кстати, этот «олигарх» вкладывает большие деньги в микробиологические исследования в Дании, в частности в Институт Бора. Ужинали поздно — от 20.00 до 21.00. К столу были поданы куропатки, выращенные в оранжерее женой профессора, салат из фруктов и овощей, яблочный торт со сливками. На десерт — мороженое с консервированными грушами. Пили испанское красное сухое вино «Негру де Пуркари». Я вспомнил, что это вино было популярно в Молдавии, где я присутствовал на Всесоюзном совещании по двустворчатым моллюскам в Тирасполе в 1977 г. Местные жители называли это вино «Вином английской королевы», поскольку де королева Елизавета II регулярно его заказывала.

Выехали в Копенгаген уже к ночи. В доме у Ф. Сурлика были в 21.40. Детей сразу же уложили спать. Ушла и Нанна. После короткой беседы с Финном я поехал домой. Прибыл в квартиру ближе к 23.00.

Последнюю «домашнюю» встречу с Ф. Сурликом мы провели 13 ноября, в день моего рождения. Перед поездкой в дом Сурликов заехали в роддом за Нанной. Она на днях рожала второго ребенка (парня) кесаревым сечением (как и первого). Забрать роженицу на ужин из роддома для меня, конечно, было удивительным событием. Однако Финн спокойно отвёз её в какой-то близко расположенный коттедж,

---

<sup>1</sup> Основана в 1742 г. — Прим. И.М.

пояснив мне, что он удовлетворил желание супруги угостить её «по-геологически». Я ждал их возвращения в машине. Нанну вернули в покои так же непринужденно, как и забрали оттуда. По дороге в дом Ф. Сурлика мы прихватили старшего сына Якова из детсада. По пути зашли в магазин, где купили рыбу (две форели) и овощи (шампиньоны, томаты, лук и пр.). Пищу готовил сам Финн. За ужином ели рыбу, шампиньоны, картошку фри. Пили вино «Гурджаани». На десерт была дыня из Израиля. Клубника, кстати, из Новой Зеландии. Домой вернулся в 23.00.

Завершая повествование о Ф. Сурлике, следует еще раз отметить, что в очерке описан лишь короткий период моего общения с этим крупным учёным-геологом. В связи со сложившимися обстоятельствами читатель мог представить его фигуру в весьма ограниченном пространстве (музей, университет, семья) в Копенгагене осенью 1979 г. и в исследованиях по ограниченному палеонтологическому материалу, связанному с двустворчатыми моллюсками рода *Buchia* из стратиграфического интервала верхней юры и нижней части мела Гренландии.

Сентябрь, 2022 г.



**Анни Валери Дондт (Annie V. Dhondt)**  
(4 января 1942 г. — 1 сентября 2006 г.)

*Палеонтолог, специалист по верхнемеловым моллюскам.  
Начальник отдела в Королевском институте естественных наук  
Бельгии (Брюссель), заместитель председателя  
Международной комиссии по меловой системе*

4 октября во второй половине дня в огромном вестибюле Университета Копенгагена я неожиданно встретил бельгийского палеонтолога А. Дондт — специалиста по верхнемеловым, преимущественно средиземноморским, двустворкам. В это время она оказалась в Университете среди участников Международного симпозиума по мел-палеогеновым событиям. Анни прибыла в Данию на своём синего цвета «Ситроене»,



*Анни Валери Дондт на пароме. Севастополь, Крым. Июнь 1999 г.*

на котором год спустя мне довелось вместе с ней объехать значительную часть территории Бельгии. На сей раз на её машине мы легко добрались до Хеллинговерга, где осмотрели Замок Гамлета (Кронборг) на берегу моря. Здесь же поужинали в кафе на 214 датские кроны: грибы (шампиньоны с паштетом), запечённая форель, мороженое (на десерт).

В университетскую квартиру вернулись около 21.00. Пили кофе, беседовали. Я показывал Анни слайды с участниками экскурсии на разрезы пограничных слоев юры и мела на Приполярном Урале (рр. Ятрия и Яны-Манья), которая состоялась летом 1977 г. с участием датчан — Т. Биркелунд и Ф. Сур-

лика. Нам было, что обсудить по своей профессии, но, к сожалению, для такого разговора не оказалось достаточно времени. Хотя мы ещё раз (и снова неожиданно) встретились вечером следующего дня на квартире у Р. Батерста и его супруги Дианы. Р. Батерст, профессор Университета Ливерпуля (Англия), находился в Копенгагене по приглашению руководства Университета как литолог для чтения курса седиментологии карбонатных пород. Наиболее интересным оказалось время после ужина, в течение которого обсуждалась роль языков народов мира и связанных с ними национальных искусств. Благодаря присутствию Анни, довольно сносно владевшей русским, кое-какие сведения о российском искусстве удалось с моей подачи довести до понимания окружающих, поголовно говоривших на английском. Домой вернулся в 23.00.

Портрет А. Дондт и её роль в организации коллективных работ специалистов из разных стран, а также разного уровня международных совещаний по проблемам меловой системы заслуживают отдельного рассказа. Здесь, воспользовавшись замечательным некрологом Дж. Ягта (Jagt, 2006) и своим мнением, формировавшимся в течение нескольких лет, я позволю дать характеристику Анни как личности, специалисту и организатору важных международных дел по меловой системе в Северном полушарии нашей планеты.

А. Дондт слишком рано ушла из жизни. В её лице «меловики» потеряли замечательного учёного-палеонтолога и прекрасного человека. Анни была дружелюбной, доступной и терпеливой, но иногда умела

быть строгой, деловой и сдержанной, если её спровоцировать. В быту она всегда придерживалась «правил игры». Её жизнь постоянно сопровождалась классической музыкой. В её офисе начальника отдела в Королевском институте естественных наук Бельгии в Брюсселе всегда присутствовали стопки бумаги, копии статей и рукописей, которые предназначались для длительного хранения. На столе гостей ждали кофе, печенье или шоколад. Иногда на обоих концах стола стояли горящие свечи. Являясь главным редактором издаваемого Институтом Бюлетеня серии «Науки о Земле», она зорко следила за качеством рукописей. Её мнение не всегда было «мягким», но очень редко не по делу!

Как член различных рабочих групп и Международной комиссии по стратиграфии мелового периода, а в последние годы еще и заместитель председателя, А. Дондт не раз сталкивалась со стрессовыми моментами. На конгрессах и симпозиумах как уважаемая большинством коллег личность она давала советы, иногда довольно требовательные, в особенности когда прибегала к родному фламандскому языку.

Помимо фламандского А. Дондт свободно говорила по-французски, по-английски, по-немецки и умела хорошо общаться по-русски. Она выучила этот язык в то время, когда большинству говорили, что Советский Союз является яростным противником западного уклада. Уроки русского языка она брала до последних дней жизни. Есть ли лучшее доказательство её уважения ко всему русскому? Ещё одним хорошим примером является её финансовая поддержка ряда коллег из МГУ. В 1999 г. она получила «Петровскую премию» за вклад в развитие науки и экономики в России в знак благодарности российских коллег. Я, автор этого очерка, как и Дж. Ягт, полагаю, что занять место Анни Дондт никогда никому не удастся (Jagt, 2006).

Учитывая ранний уход из жизни Анни и тот факт, что я оказался первым палеонтологом в России, к которому она дважды приезжала в начале 1980-х годов в Академгородок (Новосибирск) в ИГиГ СО АН СССР, дает мне моральное право хотя бы кратко поделиться воспоминаниями о её пребывании в Сибири. Цель визита была связана с желанием ознакомиться с коллекциями мезозойских двустворчатых моллюсков из Северной Сибири, находившимися в музее при Институте. Благодаря вполне удовлетворительному знанию русского языка Анни быстро наладила отношения не только с хранителями коллекций в музее, но и с авторами публикаций статей и книг с описанием этих коллекций.

Проживала Анни в гостинице, там же завтракала и обедала, но ужинала постоянно с нашей семьей, в которой, кроме нас с супругой, за

столом сидели дети: 19 (позже 21)-летний студент-геолог НГУ Аркадий и 8 (позже 10)-летняя Дарья. Времена были замечательные! Если большинство людей науки проводили немало часов в поисках пищи в магазинах, то учёные со степенью доктора наук получали вполне приличные продуктовые пакеты на дом дважды в неделю. Поскольку наша семья к тому времени попадала в эту вторую (или первую?) категорию, то проблемы с угощениями гражданки из капиталистической страны у нас не было. Надо признать, что ужинали мы в традиционно русском стиле, то есть перед закуской поднимались рюмки с водкой. Инициатором такого режима была Анни. Скоро выяснилось, что этот порядок она освоила, посещая приемы в советском Посольстве в Брюсселе, где, кстати, и осваивала русский язык.

Более того, второй тост тоже поднимала Анни после чётко и чисто произнесённой русской присказки: «После первой и второй — перерывчик небольшой». Разговор после ужина Анни предпочитала вести с детьми. Позже выяснилось, что она не могла иметь детей, но очень любила своих племянников школьного возраста от младшего брата и постоянно финансово поддерживала эту семью. Вероятно, именно школьные проблемы интересовали Анни, тем более что Аркадий после окончания английской школы свободно мог объясняться на английском, да и Дарья могла ответить на вопросы. Сама Анни благодаря полугодовалому пребыванию в США у Э. Кауффмана, где она изучала верхнемеловые отложения совместно с другими европейскими специалистами — такими, как У.Дж. Кеннеди и Дж. Хэнкок, — свободно владела английским и как-то в разговоре со мной призналась, что во сне она часто объяснялась на этом, в общем чужом ей, языке.

В 1980-е годы мне дважды довелось по месяцу проводить в Бельгии, а позже встречаться с А. Дондт на международных совещаниях в других странах, то я благодарен судьбе за эти счастливые времена.

Не могу удержаться от описания такой картины: Анни шагает по заснеженной тропинке от ИГиГ в сторону гостиницы. Ветер развеивает полы её расстёгнутой шубы, достигающей краями снежного покрова. Солнце «шпарит» всюду. На улице тепло. Март в разгаре. Оба приезда Анни в Сибирь были в марте. Всякий раз ей везло с погодой, но она постоянно брала с собой эту шубу! Признаюсь, не могу сдержать слёз.





## Франц Теодор Фюрзих (Franz Theodor Fürsich) (р. 23 июля 1947 г.)

*Университет Фридриха-Александра Эрлангена-Нюрнберга  
(Германия).*

*Заслуженный профессор палеонтологии (в отставке).  
Палеонтолог, специалист по двустворчатым моллюскам  
и водным экосистемам мезозоя,  
следам жизнедеятельности фоссилий*

Впервые мы встретились в Университете Копенгагена 4 октября 1979 г. По первому знакомству Франц оставил о себе благоприятное впечатление. Во-первых, молодостью (он был младше меня на 11 лет), открытостью и оптимистическим нравом; во-вторых, «любовным» отношением к окаменелостям из Восточной Гренландии, которые он разложил на широком столе и сразу приступил к оценке качества образцов. Я упоминал о том, что Т. Биркелунд разделила коллекцию между нами. Я получил бухид, а Ф. Фюрзих — оставшиеся группы двустворок. Возможно, он не был полностью удовлетворен таким раскладом, но в течение всего времени работы над бухидами я не чувствовал с его стороны негативной реакции.

Во время моего пребывания в Копенгагене наши встречи сначала проходили довольно часто. Поводами были обсуждения систематического состава коллекций двустворок из Восточной Гренландии. Затем большую часть времени занимала работа с персональным материалом, который был в нашем распоряжении в соответствии с договором владельцев коллекций. Я работал только с бухиевыми, а Ф. Фюрзих — с таксономически более разнообразными группами. В итоге, как я подсчитал, в октябре мы встречались 8 раз, преимущественно решая проблемы систематики. В ноябре я зафиксировал всего три встречи, и все они были бытовыми. Прощальная беседа 7 декабря носила традиционный в подобных случаях обмен почтовыми адресами для получения будущих публикаций.



*Франц Теодор Фюрзих.  
1979 г.*

С коллекцией двустворок по Восточной Гренландии, которую предстояло изучить Ф. Фюрзиху, я бегло ознакомился в Геологическом институте Университета Копенгагена уже 4 октября. Мы договорились более основательно изучить её 6 октября в субботу, когда в Институте никто не работал, а стало быть, не помешает беседе. Франц слегка задержался, но в 11.00 мы приступили к осмотру и завершили его только через четыре часа.

Особенно интересным оказался верхний оксфорд. Здесь было много *Buchia kirghisensis*. В средней волге я обнаружил только *B. mosquensis*. В верхней волге раковины бухии были очень плохой сохранности. Идентифицировать в открытой номенклатуре удалось только *fischeriana* или *russiensis*. Среди пектиниид был определен *Mcleania broenlundii* Ravn, 1911. Среди астартид присутствуют формы, очень похожие на наши средневожские. После завершения работы с коллекцией я посетил квартиру Ф. Фюрзиха. Её облик не запомнился.

Далее бóльшая часть наших встреч уже не была так тесно связана с Восточно-Гренландской коллекцией, а ограничивались совместными ланчами, посещением квартир коллег, прогулками по скверам и по городу. Так, 5 октября вечером мы с Францем поехали на ужин к Р. Батерсту. Там встретили А. Дондт. При описании этого визита в очерке о семействе Батерстов я обратил внимание на то, что общий интерес собравшихся вокруг стола вызвала беседа о языках народах мира и объединяющем людей искусстве.

8 октября на ланче с Ф. Фюрзихом присутствовали Р. Бромли, Р. Батерст и я. Позже вся наша компания прогулялась по ботаническому саду при Университете. Посмотрели оранжерею с тропическими растениями, пруд с утками, опытные участки, на которых работают (практикуются) студенты. На следующий день мы обедали только с Францем. Затем прогулялись в гавань, осмотрели причалы и полюбовались знаменитой сидящей на камне русалкой.

Весь день 10 октября я был занят переводом с русского на английский большого фрагмента будущей статьи, поэтому не мог уделить должного внимания просьбе Ф. Фюрзиха, связанной с идентификацией какого-то вида, возможно, бухий. И мы быстро разошлись. Но уже на следующий день встретились снова. По крайней мере, в дневнике отмечено, что я рассказывал Францу о наших работах на севере Сибири и по его просьбе перевёл с русского на английский заголовки переданных ему статей и книг по средней юре и келловею.

18 октября при обсуждении с Ф. Сурликом плана дальнейшей совместной работы мне было предложено подготовить совместную статью «О бухиазонах Гренландии». Этого альянса не случилось, возможно,

после «вмешательства» Т. Биркелунд. В моём дневнике нет записей о встречах с Ф. Фюрзихом до конца октября, хотя наверняка мельком мы должны были видеться (обычно, на ланчах). Далее имеется запись от 12 ноября: препарировал образцы для Ф. Фюрзиха. Объяснений нет.

В воскресенье 25 ноября был приглашен к нему в гости. Франц встретил меня на лестнице, держа на руках настоящего трёхлетнего «индусёнка». Второму сыну, Томасу, было два года. Жена Франца, довольно тёмнокожая, возможно, из южной части Индии. У меня болела голова, поэтому беседа не клеилась: спад эмоций. Английский не «шёл». В гостях провёл около трёх часов.

В записи от 27 ноября сохранилась строчка: вернулся в Институт, монтировал две фототаблицы (дублет) и беседовал с Ф. Фюрзихом и Р. Батерстом.

Последняя встреча с Ф. Фюрзихом состоялась днём 7 декабря. За ланчем мы рассуждали о перспективах дальнейшего сотрудничества при возможном совместном изучении восточно-гренландских и северо-сибирских разрезов юрского возраста. Этим планам не суждено было сбыться.

Этот очерк, посвященный Ф. Фюрзиху, на мой взгляд, эмоционально несколько проигрывает описаниям портретов Т. Биркелунд, Ф. Сурлика, Р. Батерста и А. Дондт. Такая ситуация объясняется всё же разницей в возрасте автора, то есть меня, и относительно молодого человека без заметных результатов.

Только спустя более 40 лет я мог оценить выдающиеся достижения Ф. Фюрзиха в разных областях знаний об ископаемых мезозойских моллюсках, палеоэкологии и фациальном анализе мезозойских бассейнов Ирана, Узбекистана, Китая, Индии, Европы, следах жизнедеятельности вымерших беспозвоночных, тафономии гидробионтов и пр.

Как сказано в обосновании присуждения Францу Теодору Фюрзиху Медали Жана Батиста Ламарка в 2008 г., он является настоящим космополитом, работающим по всему миру: в Китае, Иране, Индии и ряде европейских стран (Jean Baptiste Lamarck Medal 2008..., 2023).

Как приглашённый профессор Ф. Фюрзих читал лекции в высших учебных заведениях Франции, Японии, Уругвая, США, Дании и Англии. Его аспирантами были молодые учёные из Аргентины, Китая, Японии, Словакии, Сирии, Ирана и других стран. Можно добавить десятки названий учреждений, в которых Ф. Фюрзих занимал должности президента, главного редактора, зарубежного представителя в институтах разных стран, международных союзах и ассоциациях.

Его международная репутация также подтверждается многочисленными стипендиатами Германского фонда имени Александра фон

Гумбольдта и Германской службы академических обменов (DAAD), которые приезжали в «его» Институт палеонтологии в Вюрцбурге<sup>1</sup>.



**Робин Джилберт Чарльз Батерст**  
**(Robin Gilbert Charles Bathurst)**

(21 марта 1920 г. — 24 мая 2006 г.)

*Профессор, Университет Ливерпуля (Англия).  
Лито­лог-кар­бо­нат­чик, крупнейший специалист  
по седиментологии карбонатов и их диа­ге­не­зу*

Робина Батерста я впервые встретил в Университете Копенгагена 5 октября на ланче, который был организован по случаю отъезда последних участников симпозиума по мел – палеогеновым событиям. К общему столу я презентовал русскую водку, которая и привлекла внимание Робина. Он назвал себя литологом-карбонатчиком, профессором Университета Ливерпуля и представил свою жену Диану. Сказал, что живут они в Новой Гавани<sup>2</sup>. Тут же супруги пригласили меня к ним на ужин. Мы поехали вместе с Ф. Фюрзихом. В доме оказалась А. Дондт, что для меня было приятным сюрпризом, поскольку, как я отметил в очерке, посвящённом Анни, её знание русского помогло мне представить себя и мою семью, оставшуюся в Сибири, без проблем с английским. Беседа после ужина на темы языков мира и особенностей национальных искусств протекала, без преувеличения, в доверительной обстановке. Домой я вернулся в машине Анни ближе к полуночи.

После первого знакомства мои связи с Батерстами продолжались практически в течение всего срока пребывания в Дании.

Уже через сутки, в воскресенье 7 октября, мы с раннего утра вместе с Ф. Фюрзихом поехали на машине Батерстов на выходы меловых пород, идеально обнажающихся вдоль берега в утёсах. Погода стояла чудесная: солнечная и безветренная. Хотя я понимал не всё, что с энту-

---

<sup>1</sup> Ф. Фюрзих — директор Института палеонтологии Университета Вюрцбурга (Германия) с 1988 г. — *Прим. И.М.*

<sup>2</sup> Туристический район Копенгагена — *Прим. И.М.*

зиазмом объяснял Р. Батерст в отношении условий формирования белоснежных меловых холмов, обстановка способствовала расслаблению чувств.

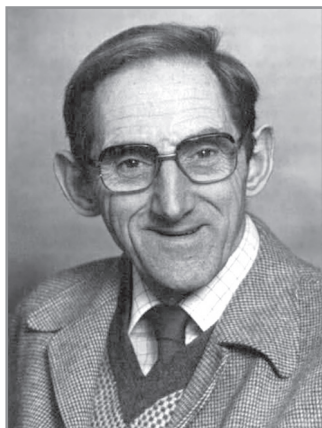
На следующий день, поработав с утра над переводом части рукописи по бухиям с Земли Пири, я встретился со вчерашней компанией за ланчем. Помимо Батерстов и Ф. Фюрзиха за столом оказался специалист по следам жизнедеятельности Р. Бромли. Природа в совокупности с погодой снова способствовала приятному наслаждению ею. Мы прогулялись по ботаническому саду при Университете, оранжерее, около пруда с утками и опытные участки для практики студентов. За мечательно!

Здесь полезно коротко рассказать о Р. Батерсте и о его пути в геологии. Он родился в лондонском районе Челси 21 марта 1920 г. Его учёба в бакалавриате по геологии началась в Политехническом институте Челси в 1939 г., но была прервана началом Второй Мировой войны 1939—1945 гг. Лишь после её окончания он получил степень бакалавра наук в 1948 г. уже в Имперском колледже в Лондоне. Три года Р. Батерст провел в Университете Кембриджа и вскоре был назначен преподавателем по седиментологии Университета Ливерпуля. В 1982 г. он оставил преподавательскую деятельность, но продолжил научную работу.

В Ливерпуле Р. Батерст переключилась с терригенных отложений на карбонатные породы и, в частности, на их диагенез. В этой области он был в основном самоучкой, хотя и находился под влиянием работ Г. Сорби, М. Блэка и особенно Б. Зандера. Работа Б. Зандера о триасовых карбонатах, первоначально опубликованная на немецком языке в 1936 г., была в то время почти неизвестна в англоязычном мире.

Научная карьера Р. Батерста формировалась довольно стремительно. Он защитил кандидатскую диссертацию в Ливерпуле (1966) и докторскую — в Лондоне (1974). В 1978 г. получил кафедру в Университете Ливерпуля. Удостоен престижных научных наград: Медаль Лайеля Геологического общества Лондона (1978), Медаль Твенхофела Общества седиментологов США (1983), Медаль Сорби Международной Ассоциации седиментологов (1986).

Он стал одним из 20 седиментологов, у которых появилась биографическая запись в Энциклопедии отложений и осадочных по-



*Робин Джилберт  
Чарльз Батерст.  
1986 г.*

род<sup>1</sup>. В 2006 г. именем Р. Батерста была названа лаборатория Департамента наук о земле и океане Университета Ливерпуля.

Конечно, в то время мне не были известны научные заслуги Р. Батерста. О них я узнал лишь в середине 2000-х годов от седиментологов, работая в ГИН РАН.

А часто ли мы хорошо знаем достижения тех с кем рядом работаем годами? На память приходит оценка выдающегося генетика-ботаника академика Н.И. Вавилова одним из его учеников, академиком Д.Н. Прянишниковым: «Николай Иванович — гений. Мы этого не понимаем только потому, что работаем рядом с ним» (цит. по Окунев, 2020). Понятно, что влияние работ Н.И. Вавилова на развитие генетики и других областей биологии, включая палеонтологию, существенно выше, как мне представляется, чем заслуги Р. Батерста, но оценка достижений этого специалиста в седиментологии также заслуживает достойного почтения.

17 октября весь день работал в музее. Детально знакомился с гренландскими коллекциями Ф. Сурлика с п-ова Форланд Волластон и о. Кун. Ланчевал в Институте, как и в понедельник, вместе с Р. Батерстом. Поинтересовался посещаемостью его лекций студентами и преподавателями. Ответ был улыбчиво-односложный: «Не жалуюсь».

Вечером побывал в гостях у супругов Батерстов. Кроме меня за столом был Р. Бромли, с которым мы, как обычно, делились впечатлениями о юрских и меловых следах жизнедеятельности беспозвоночных. Пили пиво. Я показывал слайды с рассказом об особенностях полевых работах в Сибири, демонстрацией захоронений раковин и следах жизнедеятельности идеальной сохранности. Р. Бромли демонстрировал картинки семейного путешествия, которое они соединили прошедшим летом с экспедицией сотрудников Института по изучению особенностей осадконакопления по берегам Карибского моря. Его как специалиста по следам жизнедеятельности интересовали разные типы грунтов и особенности состава бентоса беспозвоночных, а также разнообразие водорослей.

Хотя перерывы в моем общении с Батерстами бывали продолжительными (не считая коротких встреч на ланчах в столовой Института), я вспоминаю поход по магазинам с Дианой, супругой Батерста. Поскольку мое пребывание в Дании могло завершиться в конце ноября, возникла необходимость что-то приобрести для семьи. В особенности тяготил выбор платья для супруги. Мы условились встретиться 24 октя-

---

<sup>1</sup> Middleton G.V. Robin G.C. Bathurst (1920 –) // Encyclopedia of Sediments and Sedimentary Rocks. Encyclopedia of Earth Sciences Series: Sedimentologists. Dordrecht: Springer, 1978. P. 639 – 640. — *Прим. И.М.*

бря. С утра я замешкался с завтраком и немного задержался, Диана ждала меня в вестибюле Университета. Мы пошли выбирать вечернее платье. День выдался великолепный. Светило солнце, было тихо и тепло. Свитер и куртка оказались вполне подходящей одеждой, хотя можно было прогуляться даже в свитере. Короче, мне казалось, что с помощью Дианы выбрать вечерний наряд будет относительно легко. Руководствуясь советским опытом, я полагал, что легче всего выбрать одно платье из двух. Спустя час, проведённый в магазине, стало понятно, что выбор может быть только из очень многих! Позже я потерял счёт. Казалось, что он измеряется сотнями. Через два с половиной часа я был согласен с любым выбором Дианы. Я так устал от этой процедуры, что заболела голова. Только в полдень мы вышли с покупкой из торгового центра и направились в Новую Гавань на квартиру к Батерстам. Там пили кофе с сэндвичами и ели фрукты. Полегчало!

В тот же день мне удалось посетить семинар институтских седиментологов, который продолжался практически весь день. Поскольку такие многоплановые обсуждения сопровождалась среди специалистов спорными моментами, то предполагалась и психологическая разгрузка в виде традиционного вечернего «party», которое стартовало в 18.00. Так что приобретённое мною в посольском кооперативе вино было как раз кстати. Хорошо помню, что согласие споривших сторон сопровождалось песнями, исполнявшимися хотя и не очень слаженно, но с большим подъёмом. В общем, вечер удался.

Днем позже мы встретились с Р. Батерстом и Ф. Фюрзихом для обмена мнениями об адаптациях современных донных беспозвоночных к придонным грунтам в сравнении с мезозойскими ситуациями, как они реконструируются палеонтологами. Нам с Францем было важно мнение Робина — знатока современных типов грунтов и их свойств, притягательных для обитания донных моллюсков.

Внимательно просматривая записи в дневнике, я обнаружил, что время моего препровождения с Р. Батерстом перед отъездом из Дании было ограничено двумя днями: 27 и 28 ноября. Притом предпоследнюю встречу нельзя было назвать беседой, поскольку она состоялась в Институте в процессе моего монтажа фототаблиц совместно с Ф. Фюрзихом. Тут неожиданно появился Робин и заинтересовался моим «творчеством». Здесь нет смысла пересказывать изложенные мною сведения о задачах и целях моего визита в Данию и о предстоящей в декабре работе с присланной из Норвегии коллекцией бухий с о. Андо (Лофотенские острова).

28 ноября погода стояла скверная: весь день шел дождь, и было пасмурно. С утра и до ланча сидели с Сурликом в музее и переводили опи-



сание последних двух видов бухий: *sublaevis* и *crassicollis*. После ланча выбрал подходящие для фото 12 экземпляров бухий из коллекции с Лофотенских остров. Передал образцы Яну (фотограф), который принял образцы с неохотой и не обещал сделать фото вовремя. Однако бутылку «Негру де Пуркар» взял с удовольствием. Понятно, что это разные вещи.

Спустя некоторое время в музее появился Робин, с которым я пошел на квартиру Батерстов. Время подходило к вечеру, и на улице по-прежнему шел мелкий дождь. Ужинали на итальянский манер: зеленая лапша с фаршем, овощной салат с изюмом + капуста + томаты, пили «Негру де Пуркар», ели фрукты и сыры. После ужина посмотрели балет в театре.

30 ноября состоялась последнее свидание с Батерстами в Институте. Подарил Робину бутылку грузинского коньяка и бутылку «Гурджаани» Диане. Оба были признательны. Поскольку прошедшая ночь оказалась для меня тяжелой из-за конфликта Фреда с туалетом (см. очерк Фред Рёгл), то наша последняя беседа не была содержательной.

На этом общение с Батерстами закончилось. Наши встречи, как правило, ограничивались ланчами и ужинами в их квартире по приглашению. Темы бесед были связаны с бытом и общими вопросами сосуществования разных систем. Такие быстро исчерпываются. Р. Батерст приглашал как-то на его лекцию и семинар. Не помню причину отказа. Скорее из-за слабого владения английским.

3 ноября 2022 г.



## **Фред Рёгл (Fred Rögl)** (р. 1936 г.)

*Музей естественной истории, Вена (Австрия).  
Микропалеонтолог*

В воскресный день 25 ноября моя «холостяцкая» жизнь оборвалась: вечером в соседней комнате поселился новый жилец Фред Рёгл — микропалеонтолог, прибывший из Вены. По обычаю для более тесного знакомства приняли водки и пива, что, по-видимому, стимулировало

нашу беседу допоздна. Фред — мой ровесник, родился в сентябре 1936 г. Родители — рабочие. Женился поздно. В семье две дочери: Мария (6 лет) и Вера (8 лет). Месячный заработок Фреда составляет \$ 900.00 (жена не работает). За детей семья получает ежемесячно 1200 шиллингов. Почти пять лет назад он приобрел участок «на холмах» и приступил к строительству дома. Однако из-за постоянного роста цен на материалы и оплату строителям работы приходится периодически останавливать. Короче, он всем этим морально тяготился.



*Фред Рёгл*

Ф. Рёгл сразу же предложил готовить (нехитрые) завтраки, но, главное, натуральный кофе (растворимый не признаёт). Последнее желание было решающим аргументом в пользу столь приятного «сожительства». Поскольку большую часть времени мы проводили в разных местах совместное пребывание в квартире по ночам нас не слишком тяготило. Вечерами мы нередко совершали прогулки по центру Копенгагена, завершая их заходом в магазин для пополнения домашнего холодильника.

Всё же с его прибытием мы вечерами стали чаще посещать культурные учреждения: театры и музеи. Из наиболее ярких визитов запомнился цирк — в субботу 1 декабря. Датский цирк (то, что мы там видели) совершенно отличен от нашего. Зрелище необычное. «Грандиозное» шоу именовалось «Триумф смерти». Это драматическая постановка языком современного балета. Несколько сцен показывают картину смерти после атомного взрыва различных групп людей: молодых, стариков, заключённых, их стражников, прихожан. Сюжеты весьма драматические, а чаще трагические. Основную нагрузку, как и в классическом балете, несли два танцора: девушка и молодой мужчина. Остальные около 20 персон эпизодически вихрем пронеслись по сцене и неожиданно исчезали в «туманной» дымке (имитация смерча). Финальная сцена — танец обнажённых девушек — завершался приходом «смерти» (фигура в чёрном) и гибелью всех персонажей — парней и девушек (падением их в преисподнюю). Спектакль приняли хорошо, хотя зал и не был полным. Возвратились мы поездом около 23.00. Ужидали беконом с яичницей (по рецепту Фреда) + пиво.

Исследования Ф. Рёгла связаны с Музеем естественной истории в Вене и с другими местами. В Копенгагене он намеревался обсудить научные проблемы с коллегой Хансоном (микрорепалеонтолог по верх-

немеловым и палеогеновым фораминиферам). Кстати, 5 декабря мы с Фредом пригласили Хансона и Э. Хакансона (геолог, работающий по Гренландии) к себе в гости. Пришёл только Хансон и то ненадолго. Пил с нами водку понемногу. Беседовали о положении учёных в разных странах. Спустя час непринуждённых разговоров Фред вдруг заявил, что, если бы имелась безвизовая свобода передвижений, то он предпочёл бы жить в СССР. Трудности назвал такие: «чистые» науки не слишком поддерживаются государством и не очень престижны, а жизнь дорогая, приходится ограничиваться. Теневые стороны социализма ему хорошо известны, поскольку он живёт в 50 км от границы с Чехословакией. Говорит, что при переезде через границу с Венгрией, на территории которой ему приходится работать, его встречают обычно недружелюбно. Вечером смотрели балет в Королевском театре.

Последние дни перед отъездом (с 6 до 9 декабря), как водится, были насыщены завершением работ по подготовке статей для публикации (по норвежскому острову Андо, Земле Пири, монтаж и объяснение фототаблиц с бухиями по Восточной Гренландии), обсуждению с Е.Л. Моторовым записки в МИД по будущему сотрудничеству с датчанами и пр. По этим причинам с Фредом мы контактировали только по вечерам.

6 декабря принимали его коллегу Хансона с дочерью и двумя её подругами. Посиделки ограничились чаем и кофе с кондитерскими изделиями. Девушки (как и многие из них) оказались очень разговорчивыми и любознательными. Мне пришлось раскрыть перед ними некоторые «семейные секреты»: показом с помощью слайдов своего сына (примерно их возраста) и пятилетней дочки. К счастью, Хансон их вскоре увёл, а перед расставанием пригласил нас с Фредом в субботу в клуб-ресторан, где он играет в любительском джаз-оркестре.

В пятницу хлопоты снова касались «чистки» рукописей. Лишь время ланча мы провели с Фредом, хотя с нами отобедал Ф. Фюрзих, с которым, конечно, не обошлось без обсуждения систематики двустворок. В 15.30 звонил в Новосибирск с оповещением семьи о прибытии в Москву 11 декабря. С 17.00 по 18.00 был в советском Посольстве, где беседовал с Толей Красновым касательно организации выезда в аэропорт. После ужина гуляли с Фредом в центре. На улице заметно похолодало до +5 °С. Субботу 8 декабря можно назвать прощальным днем, в течение которого мы с Фредом не расставались с раннего утра до позднего вечера. Опишу события этого дня досконально. Возможно, будут интересны детали.

После раннего завтрака мы сразу же отправились в магазин на улице Фредериксгаде, купили у ювелира для моей супруги колье, кольцо и

браслет из серебра с ониксом (чёрный камень за 694 датские кроны). Затем искали подешевле пуховое одеяло для дочки. Купили за 635 немецких марок в магазине на продолжении улицы. Вернулись обратно в поисках сумки. Кожаные очень дорогие, а из пластика не было желания брать. Так ни с чем и ушли, запасшись сыром, хлебом и овощами на обед и ужин. После обеда поехали электричкой в замок. Нам не повезло. Замок был закрыт, а на улице из-за резкого похолодания образовался туман. Окрестности почти не просматривались. Час спустя туман рассеялся, но стало темно. Возвращались обратно тоже электричкой. Ближе к вечеру впервые в Дании я увидел тонкий ледок на воде прудов и каналов. Но утки здесь плавают совершенно спокойно, не заботясь о завтрашнем дне.

Вечер провели в клубе-ресторане, вблизи от улицы Строгет, куда пришли по приглашению Хансона. В пабе играл любительский джаз-оркестр. По моему мнению, джазовое исполнение было на очень высоком уровне. Руководитель оркестра Хансен (напоминаю, что он микропалеонтолог, доктор наук и член Королевской академии наук Дании). Играет на флейте и саксофоне. Другой палеонтолог, Кристиансен (специалист по верхнемеловым гастроподам) исполняет партию на электро-мандолине. Среди оркестрантов — юрист и учитель. Профессионалов только трое из 10. Три небольших зала к 22.00 были заполнены (около 150 человек). Пьют только пиво, коку, соки и воду и только немногие — вино. Видел, как ребята (группа из 6 человек) принесли небольшую бутылку джина. Ведут себя непринуждённо, танцуют в проходе, безбожно курят трубки и режут сигареты. Становится понятным землисто-серый цвет лиц у молодёжи на улицах Копенгагена, поскольку солнца почти нет. Если же ещё весь день сидеть в комнате, то его совсем не получишь. Добавочное отрицательное влияние на цвет кожи оказывает двух-трёхчасовое пребывание вечером в замкнутом прокуренном помещении. У меня до сих пор в голове нет ясности. Скорее всего, не от поллитровой бутылки пива, а от дыма, которым приходилось дышать и некурящим.

На следующий день, в воскресенье 9 ноября, оторвались от кроватей с существенной задержкой. Но сразу после завтрака, уже в 10.20 вошли в здание Государственного музея искусств. Здесь разрешалось фотографирование картин. Жаль, что плёнка у меня было черно-белой, а освещение — не слишком ярким. Поэтому моё повествование обойдется без «документов». До 12.00 мы смотрели картины и скульптуры старых датских, итальянских и некоторых немецких мастеров. Постимпрессионизм был представлен, главным образом, картинами А. Матисса, немного А. Модильяни, П. Пикассо.

Вторая половина дня была посвящена приготовлению обеда, стирке и уборке квартиры. Обязанности наши давно уже были обозначены, поэтому каждый занимался своим делом. Это был наш последний совместно проведенный вечер.



**Ричард Гренвилл Бромли**  
**(Richard Granville Bromley)**  
(31 июля 1939 г. — 24 марта 2018 г.)

*Геологический институт Университета Копенгагена,  
Национальный музей, Дания.  
Палеонтолог*

Мои воспоминания основаны на встречах с коллегами, а стало быть, с описанием их образов как учёных и участников разного ранга в решении возложенного на меня задания: разработать таксономию семейства Buchiidae и предложить шкалу из бухиазон для верхней юры и основания мела Восточной Гренландии. Я завершил описание портретов коллег, наиболее приближённых к моим научным и бытовым проблемам. Остались те, с которыми я встречался эпизодически, обычно для решения частных задач. К таковым принадлежал Р. Бромли — специалист по следам жизнедеятельности.

К его помощи мы с Ф. Сурликом обычно обращались для уточнения грамматики при переводах нашей «англоязычной» версии на классический английский. Наиболее тесные отношения с Р. Бромли наметились лишь в ноябре.

Впервые я встретил его на ланче в институтской столовой 8 октября, то есть через неделю после прибытия в Копенгаген. За столом мы сидели вместе с Ф. Фюрзихом и Р. Батерстом. Поскольку основное время занимал приём пищи, то связной беседы не было. Помню, что больше общались между собой Р. Бромли и Р. Батерст. После обеда мы вышли прогуляться по ботаническому саду Университета, и только здесь я обратил внимание на их быстрый разговор. Вероятно, именно это стало поводом спросить у Р. Бромли, как он так легко говорит на английском с англичанином Р. Батерстом. Тут собеседники громко рас-

смеялись и чуть ли не одновременно заявили, что они оба англичане. Так я узнал, что Р. Бромли — чистокровный англичанин.

Позже выяснилось, что он женат на датчанке, поэтому живёт и работает в Дании. Я рано обратил внимание на то, что к Ричарду, как бы выразиться поточнее, у всех коллег приветливое отношение. Сначала я связал столь дружеское внимание с тем, что специалисты по разным направлениям изучения геологических объектов часто обращаются к нему за помощью по редактированию написанных на английском рукописях, посылавшихся в англоязычные журналы. Но особое расположение датчан, по-видимому, было связано с взаимной нежной привязанностью семейной пары,

а также с учётом того, что у супруги Ричарда, Улле, была полностью ампутирована кисть руки. Выяснилось, что их тесная связь имела глубокие временные корни. Так, по воспоминаниям университетских друзей во время учёбы в университете Ричард и Улла не реже двух раз в неделю посещали студенческий офис Rhodes Group<sup>1</sup>, чтобы поболтать за чашечкой кофе. В основном говорила Улла, а Ричард слушал. Он был тихим и мягким человеком, никогда не повышал голос и ни на кого не злился.

С просьбами к Р. Бромли для уточнения перевода на английский фрагментов нашего текста мы с Ф. Фюрзихом стали обращаться лишь в ноябре, когда приступили к изложению основного текста рукописи по бухиям. Когда я покинул Данию, мне не довелось активно общаться с Ричардом. Лишь однажды в 1999 г. я обратился к нему с просьбой проверить законность установленного мною в 1972 г. в основании меловой системы Северной Сибири ихнорода *Arctichnus*. По мнению Р. Бромли, выделенный мною ихнород скорее всего является младшим синонимом ихнорода *Rosselia*. Позже я получил от Ричарда несколько его публикаций последних лет.



*Ричард Г. Бромли.  
1979 г.*



---

<sup>1</sup> Благотворительная медицинская организация. — *Прим. И.М.*

## Роберт Гриффин Колман

Американский геолог Роберт Гриффин Колман не нуждается в специальном представлении. Его имя для геологов всего мира ассоциируется с офиолитовой концепцией в геотектонике.

Научная биография Р. Колмана была опубликована в сборнике об иностранных членах и членах-корреспондентах РАН (Малахова и др., 2012). При работе над этим сборником активно использовалась практика ознакомления зарубежных учёных с подготовленными текстами. Одним из корреспондентов был и Р. Колман. Он одобрил присланный текст его научной биографии и ответил И.Г. Малаховой большим письмом<sup>1</sup>, начинающимся следующими словами:

«Всем русским учёным, которых я знал и любил.

Пусть остаётся сильной у вас наука, рождающая такие важные для нашего общего будущего идеи!

Боб Колман  
Январь 2010 г.»

### *Письмо в Россию. 2010 г.*

Моя первая встреча с русскими друзьями-геологами произошла в Университете Токио во время 11 Тихоокеанского [научного] конгресса в августе 1966 г. Японский геолог Х. Куно, известный профессор геологического факультета Университета, собрал интересную международную группу петрологов для обсуждения новых идей в тектонике плит.

В работе семинара принимали участие два молодых русских геолога — Н.Л. Добрецов и Н.В. Соболев. Они приняли активное участие в дискуссии и сообщили новые данные о минералогическом изучении эклогитов в высокобарических метаморфических террейнах России, не известных ранее в других частях мира. Позднее мы собрались на прекрасный ужин в Гиндзе, который положил начало нашей дружбы на протяжении 44 лет!

Через 9 лет (в 1976 г.) Н.Л. Добрецов был удостоен Ленинской премии за вклад в изучение регионального метаморфизма высокого давления и геологических условий, которые привели к формированию этих условий в земной коре.

---

<sup>1</sup> Перевод с английского — И.Г. Малахова.



В 1962 г. наше открытие метаморфического арагонита голубых сланцах (blue-shists) Калифорнии подчеркнуло уникальный метаморфизм в условиях высокого давления и низких температур, характерный для процесса субдукции.

Подобная интерпретация была встречена геологическим сообществом с большим скептицизмом. Профессор Д.С. Коржинский, выдающийся русский петролог, в 1970 г. по приглашению Национальной академии наук США посетил страну и прочитал цикл лекций о метаморфизме. По прибытии в Гарвардский университет он договорился со мной о поездке в Калифорнию, чтобы увидеть метаморфический арагонит в мраморах, переслаивающихся с голубыми сланцами, в районе Казадеро к северу от Санк-Франциско (Калифорния).

Во время полевой экскурсии он не мог понять, как кальцит в его твёрдом состоянии перекристаллизовался в полиморфный арагонит высокого давления с выраженной метаморфической структурой, сравнимой со структурой вмещающих голубых сланцев.

Возвращаясь из Казадеро, Коржинский обратил внимание на небольшую церковь под названием Сент Колман [Saint Coleman] и произнёс: «Я вижу, как это происходит в Америке — когда учёный делает важное открытие, его делают святым!».

После Международного геологического конгресса (МГК) в Праге, Чехословакия<sup>1</sup> была начата работа по Международной Программе геологической корреляции (МПГК). В 1972 г. на совместной встрече ЮНЕСКО и МГК была принята соответствующая резолюция. Первое заседание Бюро состоялось в мае 1973 г. Основная цель Программы заключалась в содействии проведения геологических исследований во всем мире с целью развития международного сотрудничества. Базовый принцип основан на том, что геологические процессы не имеют национальных границ и учёные, работающие над глобальными геологическими проблемами, могут сотрудничать вне зависимости от политики.

Благодаря МПГК сотни стран были вовлечены в эту работу, что привело к значительному прогрессу в развитии представлений о нашей планете.



*Роберт Гриффин  
Колман. 2010 г.*

---

<sup>1</sup> 23 Сессия МГК. 1968 г. — Прим. И.М.



*А.В. Пейве.  
1975 г.*

Один из первых проектов МПГК был предложен группой учёных Геологического института (ГИН) АН СССР, которым руководил А.В. Пейве. Целью проекта было изучение в глобальном масштабе офиолитов (древней океанической коры), связанных с ними современных океанических пород и рудных месторождений.

Проект № 39 МПГК получил название «Офиолиты континентов и сравнимые с ними породы дна океана». В 1973 г. ГИН организовал проведение в Москве международного симпозиума «Офиолиты в земной коре» с 10-дневной экскурсией в Среднюю Азию и Малый Кавказ. Это была самая захватывающая экскурсия, в которой я когда-либо участвовал.

В ней принимали участие 50 учёных из разных стран и 140 русских геологов. Мы ежедневно активно обсуждали геологические проблемы. Расписание экскурсий позволяло насладиться гостеприимством во время обеденных перерывов и ужинов и продолжить научные дискуссии, начатые на обнажениях.

Ко времени этой встречи тектоника плит уже нашла поддержку в Северной Америке и в Западной Европе при небольшом количестве сомневающихся, тогда как в России многие геологи ещё оставались на позициях фиксизма, мобилистов было меньшинство.

За год до этого симпозиума Геологическое общество США провело полевою конференцию по офиолитам в западной части Северной Америки. По результатам встречи был принят «Офиолитовый манифест» (Ophiolite manifesto), давший определение этого термина, уходящее корнями к «триаде Штейнманна»<sup>1</sup>, с учётом вклада геологов Северной Америки и Западной Европы

Тремя годами позже Проект № 39 МПГК организовал самую масштабную международную экспедицию в 17 рейсе НИС «Дмитрий Менделеев» АН СССР<sup>2</sup>. 28 мая 1976 г. судно вышло из российского порта Находка и 15 августа прибыло в Сидней (Австралия), где проходила [34] Сессия МГК. Целью 40 находившихся на борту учёных из разных стран было изучение разрезов основных и ультраосновных пород,

---

<sup>1</sup> Термин был введен после доклада Г. Штейнманна «Die ophiolithischen Zonen in dem mediterranen Kettengebirge» на 14 сессии МГК (Мадрид, 1926) – Прим. И.М.

<sup>2</sup> Руководитель экспедиции – директор ГИН АН СССР, академик А.В. Пейве. – Прим. И.М.



*Р. Колман (слева) на борту НИС «Дмитрий Менделеев». 17 рейс. 1976 г.*

извлечённых в результате драгирования из желобов Рюкю, Марианского, Яп и Палау в западной части Тихого океана. Полученные образцы были обработаны на борту и переданы 16 петрологам, которые за несколько дней подготовили программу дальнейшего драгирования.

Как и ожидалось, по многим образцам высказывались различные мнения. В целом, эти породы были сходны с обнаруженными на суше. Открытие высокомагнезиальных лав (бониниты) указывало на формирование незрелой островной дуги, связанной с океаническими породами Марианского жёлоба.

Во время круиза последствия «холодной войны» сказались на расписании стоянок и высадки для проведения геологических экскурсий. «Дмитрию Менделееву» отказали в обслуживании в портах Токио, Гуама, Манилы, Филиппинских островов, Кендази и Кота Кинабалу (Индонезия). К сожалению, военные подозревали русское судно в шпионской миссии. Эти запреты существенно повлияли на проведение сравнения континентальных отложений с данными драгирования в желобах Тихого океана. Хотя не все цели экспедиции были достигнуты, в 1980 г. под редакцией А.В. Пейве была опубликована итоговая монография «Геология дна Филиппинского моря» с подробным описанием наших результатов (М.: Наука, 1980. 261 с.).

Во время этого кризиса я завершил работу над книгой об офиолитах (Coleman, *Ophiolites*, Springer-Verlag, 1977 Berlin), и коллеги из России, давшие положительные рецензии после ознакомления с отдельными главами рукописи, высказали намерение перевести книгу на русский язык. Книга «Офиолиты» в 1979 г. была опубликована на русском языке (Колман, 1979) и в 1982 г. — на китайском. Эта работа была хорошо принята и сыграла важную роль в развитии концепции тектоники плит, так как установила сходство континентальных разрывов древней океанической коры (офиолитов) с современной океанической корой.

В России одним из самых динамичных лидеров в плейт-тектонике был Никита Богданов. В 1979 г. он был назначен на пост заместителя директора Института литосферы [АН СССР], позднее его возглавил и оставался на этом посту вплоть до своей кончины в 2003 г. Он был участником и руководителем многих морских экспедиций, участвовал в работе многих геологических проектов, включая программу глубоководного бурения. Признанием организаторских способностей Н.А. Богданова стало назначение его Генеральным секретарем 27-й Сессии МГК, проходившей в Москве в 1984 г. В последующие годы Никита часто был гостем в моём доме во время ежегодных встреч Американско-геофизического союза в Сан-Франциско (Калифорния). Мы очень подружились, что способствовало продолжению моих исследований совместно с русскими учёными.

В 1977 г. в рамках Проекта 39 МПГК в Северной Америке была проведена серия полевых экскурсий и семинаров. Экскурсия под руководством Джона Малпаса<sup>1</sup> началась на о. Ньюфаундленд с посещения обнажений офиолитов залива Бей-оф-Айлендс, пещеры Беттс и п-ова Бе-Верг. Затем под руководством Р. Лорена группа провела 7 дней на офиолитах Тетфорд в Квебеке на большом серпентинитовом месторождении асбеста. Н. Пейдж возглавил экскурсию на комплекс Стилуотер в штате Монтана (США), чтобы сравнить кумулятивные породы континентального вулканического комплекса и офиолиты. Заключительным объектом североамериканской экскурсии стал хребет Клатат в штатах Орегон и Вашингтон. Завершением поездки стал семинар в Стэнфордском университете<sup>2</sup>. В экскурсии принимали участие геологи из Канады, Колумбии, Франции, Великобритании, Ирана, Италии, Японии, России, Швейцарии, США, Югославии. В 1977 г. была опубликована монография по североамериканским офиолитам (Coleman, R.G. and

---

<sup>1</sup> Канадский геолог — Прим. И.М.

<sup>2</sup> Университет Стэнфорда (Калифорния, США) — Прим. И.М.

P. Irwin. Eds. North American Ophiolites. State of Oregon, Dept. Geology and Mineral Industries Bull. N 95. 183 p.).

В конце 1989 г. я приехал в Россию на Всесоюзную конференцию по тектонике плит, организованную Институтом океанологии [АН СССР] в Звенигороде<sup>1</sup>. Более 200 учёных из разных стран участвовали в обсуждении главной темы — тектоника плит и минеральные ресурсы. Такие разнообразные темы, как офиолиты, террейны, тектонические реконструкции, были представлены на пленарных заседаниях. Две вечерние дискуссии под руководством В. Хаина и Л. Зоненшайна вызвали оживлённое обсуждение глобальных систем и террейнов. Даже в то время в России ещё существовала сильная оппозиция идеям мобилизма (тектоники плит). Старшее поколение авторитетных учёных продолжало разделять фиксистские представления В. Белоусова об эволюции континентов. Эта приверженность объяснялась широким распространением в СССР платформенных областей, где по сравнению с орогенными поясами вертикальные движения преобладали над горизонтальными. По словам Виктора Хаина, это — «менталитет сталинской эпохи. Это было время, когда считалось, что все прогрессивные научные идеи сначала должны рождаться в России, а не следовать западным концепциям».

Настоящим научным лидером конференции в Звенигороде был Лев Зоненшайн. Яркие искры его безграничного геологического энтузиазма сравнимы с береговым маяком. Он навсегда останется в памяти как человек, принёсший геодинамику в Россию и геодинамику России в международное геологическое сообщество.

Азия — континент, состоящий из горных массивов и бассейнов различного возраста и происхождения. На раннем этапе глобальных плит-тектонических реконструкций некоторые учёные считали Азию единой плитой, тогда как сейчас она представляется мозаикой из многих плит неправильной формы. В 1985 г. геологи Стэнфордского университета совместно с Китайской Академией геологических наук начали изучение палеозойской истории складчатого обрамления Джунгарского бассейна на западе Китая. На дне бассейна, между Таримской плитой и Сибирским кратоном было установлено наличие океанической коры. Стало очевидно, что для установления границ этого Палеоазиатского океана необходимо провести исследования в России и в Монголии, современные государственные границы которых прорезают древние структуры этого океана.

---

<sup>1</sup> Второе Всесоюзное совещание «Тектоника литосферных плит» — *Прим. И.М.*

Американские и китайские геологи пригласили специалистов из России и Монголии принять участие в совместном проекте. В апреле 1989 г. Секретарь МПГК утвердил Проект 283 «Геодинамическая эволюция Палеоазиатского океана»<sup>1</sup>.

Главная цель проекта была обозначена как сбор и обработка петрологических и тектонических данных по специфическим азиатским террейнам, необходимых для понимания геодинамических процессов, которые привели к формированию континента в пределах Палеоазиатского океана. Было составлено два листа геодинамической карты масштаба 1:2 000 000. Объяснительная записка была подготовлена на основании идей Л. Зоненшайна, сформулированных в книге «Геологическая история территории СССР и тектоника плит» (Зоненшайн и др., 1989). В составлении карты принимали участие более 50 геологов из России, Китая, Монголии, Японии и США. Окончательная версия карты была создана в Университете Стэнфорда с применением компьютерных технологий под руководством зарубежных учёных. Представители каждой страны-участницы провели несколько недель в Стэнфорде для сверки данных по разные стороны государственных границ. Л. Зоненшайн контролировал процессы как приглашённый учёный Стэнфорда и внёс свой вклад в окончательную версию карты<sup>2</sup>.

В течение 1989–1994 гг. в рамках Проекта МПГК 283 было проведено четыре важных семинара и полевые экскурсии. Первая встреча состоялась в китайском городе Урумчи. 20 участников представляли Россию, Китай, Монголию и США. Руководителями Проекта были переизбраны профессор Сяо Сючан (Xiao Xuchang) Китай, Н.Л. Добрецов и Р.Г. Колман. Научные сессии и совещания рабочих групп продолжались два дня. Маршрут полевой экскурсии через Восточный Тянь-Шань от Аксу до Урумчи показал сложное сочленение Таримского кратона и аккреционных комплексов Палеоазиатского океана.

Вторая встреча участников Проекта 283 в 1990 г. началась с полевой экскурсии в Западную Монголию, которой руководил Р. Барсболд. В Гобийском Алтае объектом наблюдения была древняя континентальная окраина докембрийского Тува-Монгольского кратона, перекрытая Хан-Тайширским офиолитом поздневендского-раннекембрийского возраста. В конце Монгольской экскурсии мы проехали на поезде от

---

<sup>1</sup> Проект 1991–1993 г. под руководством Н.Л. Добрецова, Л.П. Зоненшайна, Р.Г. Колмана и Сяо Сючана. — *Прим. И.М.*

<sup>2</sup> Результат Проекта — первая для региона «Геодинамическая карта Центральной Азии» масштаба 2 500 000 (1995). — *Прим. И.М.*



Улан-Батора до российского города Улан-Удэ. Здесь мы приняли участие в работе симпозиума, организованного Н.Л. Добрецовым и Э.Г. Конниковым. Во встрече участвовало около 100 геологов, были заслушаны доклады по разным аспектам реконструкции Палеоазиатского океана. На встрече рабочей группы обсуждалось создание геодинамической карты с использованием новых методов.

Во время большой однодневной экскурсии в Восточный Саян под руководством Е.В. Склярова мы смогли увидеть позднекембрийские офиолиты, образовавшиеся на окраине Сибирского кратона на раннем этапе формирования Палеоазиатского океана.

В сентябре 1991 г. МПГК организовала встречу по Проекту [283] в китайском городе Шеньян. Участники из России, Китая, Монголии, Японии, Венгрии и США за два с половиной дня симпозиума представили 42 доклада. В это время распространялись новые взгляды на формирования Азиатского континента. Геологические экскурсии в северную часть Китайской платформы и вдоль её северных границы включали посещение обнажений архейских пород фундамента, протерозойской рифтовой системы, офиолиты венд-раннекембрийского времени и комплексы раннепалеозойских островных дуг, свидетельствующих о древнейших остатках Палеозойского океана в Китае.

На Симпозиуме обсуждалась и была принята рабочая версия легенды к Геодинамической карте Палеозойского океана, разработанная Л. Зоненшайном и Р. Колманом, для создания двух геодинамических профилей западной и восточной частей Палеоазиатского коллажа. Это была не такая уж лёгкая задача для геологов разной подготовки и придерживавшихся различных концепций. Согласование окончательной легенды было ключевым вопросом для успешного завершения и публикации этих карт.

Очередной симпозиум по Проекту 283 состоялся во время 29 Сессии МГК (Япония). Доклады были опубликованы в Трудах Конгресса под общим названием *Reconstruction of the Paleo-Asian Ocean (Reconstruction..., 1994)*. Эта публикация свидетельствовала о большом прогрессе в понимании эволюции Палеоазиатского океана, достигнутом в результате сотрудничества между геологами России, Китая, Монголии и США. Составленная карта «*Tectonic transect map across Russia-Mongolia-China (Western Part)*» была оцифрована и размещена в Библиотеке карт Американской ассоциации геологов-нефтяников (AAPG Map Library).

Последний симпозиум по Проекту 283 МПГК был организован в Новосибирске в июле 1993 г. Доклады под редакцией Н.Л. Добрецова,



Р.Г. Колмана и Н.А. Берзина были опубликованы в Т. 35 (№ 7/8) журнала *Геология и геофизика* под общим названием «Геодинамическая эволюция Палеоазиатского океана». Этот том был посвящён Л.П. Зоненшайну, скончавшемуся в 1992 г., и многие его мобилистические идеи были развиты авторами сборника и во многом способствовали нашему пониманию истории Палеоазиатского океана.

Альтернативные модели эволюции Палеоазиатского океана были предложены мобилистами Дж. Шенгёром [Шенгер и др., 1994] и А.Н. Диденко [Диденко и др., 1994]. Сборник ознаменовал крупный сдвиг в палеогеографических реконструкциях Азии, считавшейся ранее огромной единой плитой некоторыми исследователями из Европы и Северной Америки, незнакомыми со сложным строением этой территории.

Маршруты полевых экскурсий, состоявшихся после симпозиума, пересекли Алтайские Саяны, сложенные раннекембрийской аккреционной призмой с фрагментами подводных гор и островных дуг того же возраста и связанными с высокотемпературными породами флишеподобных олистостромов. Более молодой пояс Чара на юге отражает период закрытия аккреционных окраин Сибирского кратона Казахстан-Китайским коллажем. В настоящее время закрытие Палеоазиатского океана считается диахронным с пассивной коллизией отмеченной сдвиговыми и ротационными движениями.

Николай Добрецов был сильным и активным участником и лидером Проекта 283 МПГК по Палеозойскому океану. Он обладал замечательным чувством юмора, всегда участвовал в наших дискуссиях, высказывая аргументы, часто противоречащие доводам некоторых членов нашей группы. Его вклад был значительным и дополнял полную картину, необходимую для проверки гипотез. Добрецов начал карьеру в ОИГГиМ как главный геолог партии. Работал на Алтае. Сейчас он возглавляет Сибирское отделение РАН и является вице-президентом РАН. Он способствовал продвижению многих национальных и международных проектов — по офиолитам, геодинамике, минеральным ресурсам, окружающей среде. Добрецов — автор и соавтор более 450 научных публикаций, содержащих впечатляющие результаты его исследований. Николай всегда говорил, что он — петрограф-съёмщик, пытающийся найти решение проблем в поле. Список его работ свидетельствует, что его самые значительные выводы были основаны на блестящих полевых наблюдениях.

В августе 1996 г. группа геологов из Университета Стэнфорда участвовала в работе 30 Сессии МГК в Пекине. В течение двух дней постерной сессии участникам Конгресса были продемонстрированы карты

западной и восточной частей Палеоазиатского океана, составленные в рамках Проекта 283 МПГК. Карта вызвала интерес многих делегатов, которые были удивлены, что критериями для выделения отдельных структур были как динамические, так и литологические параметры.

Изучение метаморфизма высоких давлений в отложениях древних зон субдукции, параллельно проведенное учёными Университета Стэнфорда и Академии геологических наук Китая, также было связано с Палеоазиатским океаном. Выпускник Стэнфорда Сяомир Вонг (Xiaomin Wang) провёл детальные исследования в горах Даби (восток Китая), которые привели к замечательному открытию — обнаружению коэсита (высокобарическая модификация кремнезёма) в отложениях коры [Xiaomin Wang et al., 1989]. Примерно в то же время русские петрографы обнаружили мельчайшие алмазные включения в породах Казахстана. Мы пригласили Н. Соболева, Н. Добрецова и В. Шацкого поделиться этой методикой, чтобы применить её для изучения пород гор Даби, и год спустя там были найдены алмазы. Эти новые открытия алмаза и коэсита в кристаллических породах стали началом исследований в совершенно новой области — изучение метаморфизма сверхвысоких давлений (УНРМ). Прежде алмазы были обнаружены только в мантийных породах (эклогитах), вынесенных на поверхность в результате взрывных извержений кимберлитовых трубок. Коэсит был обнаружен только в напряжённых породах, сформировавшихся в результате падения метеоритов на земную поверхность. Новые открытия подвигли петрологов Стэнфордского университета и ОИГГиМ в Новосибирске начать совместный проект под названием «Петрология и тектоника областей метаморфизма сверхвысоких давлений: Кокчетавский массив, Северный Казахстан и Максютковский комплекс Южного Урала» (1993 — 1997 гг.).

Проект был направлен на понимание структурной, петрологической, геохронологической и структурной эволюции метаморфических пород высокого (НР) и сверхвысокого (УНР) давления в Казахстане и на Урале.

Несомненным достижением научной группы был факт совместного изучения массива Даби-Шань в Китае, а также Кокчетавского и Максютковского объектов в России российскими, американскими и китайскими учёными. Наши совместные публикации содержали новые данные, которые используются в настоящее время при характеристике процесса метаморфизма сверхвысокого давления. Эти исследования, подтвердившие это одно из важнейших открытий в петрологии, были поддержаны Национальным научным фондом США, ОИГГиМ (Новосибирск, Россия) и Китайской академией геологических наук.

В декабре 1998 г. накануне ежегодного заседания Американского геофизического союза (AGU) в г. Сан-Франциско (Калифорния) в Университете Стэнфорда состоялась встреча Международной рабочей группы по УНРМ метаморфизму, организованная Дж.Г. Лю и Уи.Г. Эрнстом. Геологи Европы, Китая, России, Казахстана, Японии, Канады и США представили 60 докладов и множество постеров.

Это была предпоследняя встреча, на которой обсуждалось образование таких минералов, как мелкие разности алмаза и коэзит, в метаморфических породах в условиях сверхвысоких температур. Их широкое распространение изменило наши представления о коллизионных зонах и мантийном веществе. Эта встреча показала значение международного научного сотрудничества, в процессе которого происходит свободный обмен наблюдениями и данными, а дискуссии приводят к рождению новых идей и дают материал для дальнейших исследований.

В 2002 г. Н.В. Соболев стал инициатором нового проекта «Образование алмазов в метаморфических породах сверхвысокого давления», участие в котором приняли специалисты ОИГГиМ и Дж.Г. Лью из Университета Стэнфорда. Целью Проекта было комплексное изучение ультравысокобарических алмазоносных метаморфических пород в заброшенных галереях месторождения Кумды-Коль в Казахстане, описание образцов с помощью современных методов, чтобы понять генезис этих уникальных отложений. Полученные результаты публикуются в настоящее время в журнале *Геология и геофизика* [Соболев и др., 2006]

Николай Соболев, директор Института минералогии и петрографии (в составе ОИГГиМ СО РАН) заслужил признание в России и в мировом научном сообществе за большой вклад в изучение ультравысокобарических пород, особенно минералогии алмазов в кимберлитах. Признанием его заслуг стало избрание ассоциированным иностранным членом Национальной Академии наук США в 1994 г. и членом РАН<sup>1</sup>. Он часто приезжал в США, активно сотрудничал с геологическим факультетом Стэнфордского университета и других американских геологических сообществ.

Дружеские отношения и научная кооперация с российскими учёными на протяжении 44 лет помогли нам оценить новые геологические открытия в рамках концепции тектоники плит!

К 80-летию со дня рождения я получил такое письмо от бывшей ГИНовской мафии:

---

<sup>1</sup> Действительный член АН СССР/РАН с 1990 г. — *Прим. И.М.*

«Москва, январь 2003 г.

Дорогой Роберт!

Мы, твои друзья и коллеги из разных городов России, сердечно поздравляем тебя с 80-летним юбилеем.

Наше сотрудничество началось с изучения высокобарических-низкотемпературных горных пород около 40 лет назад и продолжалось все последующие годы. Особенно тёплые и тесные связи у нас установились во время Офиолитовой Одиссеи, в которой Вы сыграли главную роль и внесли неоценимый вклад в развитие науки во всём мире.

Вы — выдающийся и очень уважаемый член Российской академии наук, признанный авторитет. Мы любим Вас и желаем крепкого здоровья, чтобы долгие годы успешно и результативно продолжать работу на благо развития науки.

Подписи: *Н.А. Богданов, А.Л. Книппер, А.Я. Шараськин,  
Г.С. Закариадзе, Ю.М. Пущаровский,  
П.Л. Добрецов, В.Е. Хаин».*

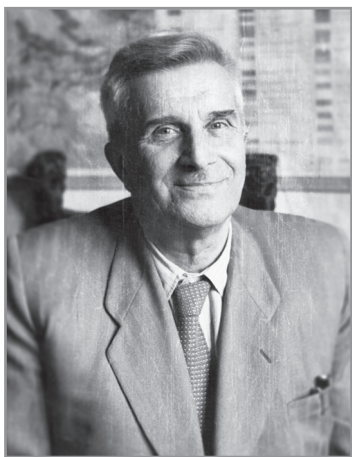


# И В ШУТКУ, И ВСЕРЬЁЗ

## Поздравление Н.С. Шатского с 60-летием<sup>1</sup> (1955 г.)

---

**Дорогой Николай Сергеевич!**



Сегодня, в день Вашего юбилея, в большой и радостный для нас праздник, мы горячо поздравляем Вас и желаем Вам здоровья и новых успехов в любимой науке.

Нам очень хотелось отметить этот день каким-нибудь необыкновенным подарком, который поразил бы Ваше воображение. Отказавшись от мысли преподнести Вам картину с изображением смиренно сидящей на заседании «замоскворецкой банды» (как называют недруги<sup>2</sup> воспитанную Вами неугомонную геологическую школу), мы

---

<sup>1</sup> Документ был передан в Лабораторию истории геологии ГИН АН СССР Д.А. Туголеовым – *Прим. И.М.*

<sup>2</sup> При повтором чтении адреса на квартире Николая Сергеевича присутствовавший С.С. Шульц (старший) возразил, что вовсе и не недруги, а все друзья, питерские и другие, так называют Отдел тектоники – «замоскворецкой бандой».

остановились на этой безделушке. Она несколько заменяет наш групповой портрет.

В самом деле, покуда ветер времени несёт нашу ладью через рифы планов и океаны программ, а лодьями служат лишь тектонические карты, на её палубе Вы видите обычное оживление. На корме сидят недавно переселённые туда учёные мужи<sup>1</sup>; один из них<sup>2</sup> сжимает модель земного шара, устанавливая причины складчатости. За ними мудрый философ<sup>3</sup> оседлал птицу неопределённой формации, не замечая, что прижал ей крылья, а хвост птицы, распушённый как развёрнутое определение, погрузился в воду и намок. Совсем впереди, по правому борту, умудрённый муж науки, одинаково сильный также в искусстве, поэзии и актёрстве<sup>4</sup>, вежливо разъясняет аспиранту сокровенные тайны геологии. Налево — вереница весёлых дам бьёт в бубны и передаёт друг другу новости, волнуясь по разным поводам. В загривке дракона, где-то за Байкалом, одна из них<sup>5</sup> учит геомладенца<sup>6</sup>, что всё хорошо в своё время и в своём месте. В центре ладьи муж зрелый<sup>7</sup>, усилием мысли расколовший Землю глубинными разломами, отдыхает, укрыв свою некудрявую голову в тени балдахинов, и давненько уже ничего не откальвает. Справа из окна молчаливо смотрит его последователь<sup>8</sup>, генетически выводящий складки из скрытых и иногда совершенно невидимых разломов. Тотчас позади балдахина известный богохульник<sup>9</sup> печёт на отдельской кухне блины с нефтяной подливой. Из-под балдахина вышел на свежий воздух молодой, очень учёный и очень важный деятель<sup>10</sup>. Рядом с ним каспийских дел мастер<sup>11</sup> заунывными ударами гонга тщетно зазывает всех на заседание отдела. Впрочем, к нему уже приготавливаются: два молодца, также из недавно переселённых на

---

<sup>1</sup> Незадолго перед тем, в начале 1955 г., Н.С. Шатский распорядился, чтобы на заседаниях Отдела (он называл их коллоквиум) впереди в зале садилась бы молодежь, а ведущим сотрудникам следует пересесть в задние ряды, чтобы обсуждение начинали и активно в нём участвовали молодые, а не «киты». Попробовали, но не помогло.

<sup>2</sup> П.Н. Кропоткин.

<sup>3</sup> Н.П. Херасков.

<sup>4</sup> Н.А. Штрейс.

<sup>5</sup> М.С. Нагибина

<sup>6</sup> Её временный сотрудник.

<sup>7</sup> А.В. Пейве.

<sup>8</sup> А.И. Суворов.

<sup>9</sup> Ю.А. Косыгин.

<sup>10</sup> Ю.М. Пуцаровский.

<sup>11</sup> Д.А. Туголесов — секретарь коллоквиума.

корму, потирают остро отточенные орудия критики, которыми они совсем недавно утопили в Чёрном море крымского хана<sup>1</sup>. Обременённый многообразными заботами член всех добровольных научных обществ<sup>2</sup> убеждает их быть немного поддипломатичнее. Некий бравый молодец<sup>3</sup> приволок на ладью полонянку вместе с треновой бочкой, переполненной спорами и пылью. Не все видны на ладье, но из трюма слышен грохот взрывов в трубках<sup>4</sup> и медленный скрежет старых антеклиз<sup>5</sup>.

И только могучий дракон<sup>6</sup> зорко смотрит вперёд и прикидывает, как бы ему поудобнее разгрызть орешек, выпавший на долю его и его учеников — руководство по тектонике<sup>7</sup>. И хотя орешек всё катается и никак не попадает на зуб, мы твёрдо уверены, что разгрызём его, так как, несмотря на разброд мнений по многим существенным вопросам геологии, явно поощряемый среди нас нашим учителем, мы представляем собой единый и тесный коллектив так же, как эта ладья, дракон и все фигуры на ней являются одним слоновым бивнем.

Желаем Вам, наш дорогой учитель, успехов в Вашей личной научной работе и успехов в работе Вашей научной школы.

28 августа 1955 года<sup>8</sup>



---

<sup>1</sup> М.В. Муратов. Он отсутствовал в августе, когда адрес читался первый раз, в декабре услышал его впервые и здесь громко завопил; «Нет, не утопили!» — вызвав общий радостный смех.

<sup>2</sup> А.Л. Яншин.

<sup>3</sup> Н.А. Богданов.

<sup>4</sup> Имеется в виду П.Е. Оффман.

<sup>5</sup> Имеется в виду А.И. Мушенко.

<sup>6</sup> Сам Н.С. Шатский.

<sup>7</sup> Руководство проектировавшееся, но не написанное (см. статью «Тектонические субботы» Н.С. Шатского).

<sup>8</sup> Адрес был почитан первый раз в день его рождения 28 августа 1955 г. Поскольку не все сотрудники Отдела были тогда летом в Москве, а также не было никого из иногородних друзей, адрес этот вторично был прочитан в день его именин, на «Николе Зимнего», вечером 19 декабря 1955 г.



**Поздравление Н.П. Хераскову  
с получением степени  
доктора геолого-минералогических наук.  
1965 г.**

---

**АКАДЕМИЯ НАУК СССР**  
**ТРУДЫ ГЕОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА**  
*СЕРИЯ ДИССЕРТАЦИОННАЯ, ЮБИЛЕЙНЫЙ ВЫПУСК*  
**№ 18 /47/**

**Н.П. ХЕРАСКОВ**  
**Роль фактора времени в формировании учения о формациях**

Издание отдела тектоники

3 июня 1965 г.

Ответственный редактор академик *А.Л. Яншин*  
Непременный секретарь серии *Н.А. Богданов-Тихоокеанский*

*Ты же меж тем щекоти мне слегка безволосое темя,  
Взрытый наукою лоб розами тихо укрась.*

К. Прутков. «Философ в бане»<sup>1</sup>.

**Дорогой Николай Павлович!**

Наконец-то свершилось! Вы облачены в докторскую мантию, давно Вас поджидавшую! Начало Вашего «докторского» пути теряется в глубине времён, теперь уже почти геологических. Уже все мы забыли тяжкую эпопею с диссертацией Н.А. Штрейса, из которого она была извлечена чуть ли не с помощью кесарева сечения, уже он десять лет

---

<sup>1</sup> 1860 г. — *Прим. И.М.*



*Н.А. Херасков. Полярный Урал. Экспедиция ГИН АН СССР.  
1960-е годы*

заведует отделом, уже А.Л. Яншин стал не только доктором, но и академиком, уже защитил докторскую диссертацию и вышел на большую директорскую орбиту В.В. Меннер, о ПЮМ'е<sup>1</sup> уж и говорить не приходится, уже многие Ваши ученики стали, как и Вы, кандидатами, старшими научными сотрудниками, а иные — и докторами. А в недрах отделов тектоники с древнейших времён и вплоть до вчерашнего дня изредка раздавался всё ещё, увы, кандидатский смех, напоминающий одновременно всхлипывание, визг пилы и крик одного весьма поучительного домашнего животного. Но дальше смеха дело, словно бы на смех, не шло!

Вы в бытность свою докторантом, а затем заштатным китом отдела тектоники ещё в палеозойскую эру написали около двух тысяч страниц, посвященных тектонике Южного Урала. Но третью тысячу Вы не дописали, так как после поездки в экскурсию по Уралу с комиссией таких же уральских любомудров, пришли к выводу, что тема для Вас

---

<sup>1</sup> Юрий Михайлович Пушаровский — Прим. И.М.

недостаточно масштабна. Предав незаконченный труд грызущей критике мышей, Вы перешли ко всему Уралу в целом, предварительно отклонив советы друзей и самого Н.С. Шатского защищать законченный Вами (как странно это звучит!) очерк тектоники Полярного Урала. Но и целого Урала Вам показалось мало, тем более что карта хоть и была составлена, но текст, как и следовало ожидать от верного поклонника Козьмы Пруткова, оказался хранящимся в сафьяновом портфеле с золоченой надписью «Сборник неоконченного (d'inachevé)».

Всё стою на камне, —  
Дай-ка брошусь в море...  
Что пошлёт судьба мне,  
Радость или горе?

Может, озадачит...  
Может, не обидит...  
Ведь кузнечик скачет,  
А куда — не видит.

С Уральского камня Вы отважно бросились в море сложных и запутанных проблем тектоники всей Евразии и после трудной борьбы сумели всё-таки заставить себя облечь плоды раздумья о закономерностях строения и развития земной коры в законченную форму монографии. Это далось Вам с невероятным трудом, ибо быстрый полёт Вашей неувыдающей мысли не терпит остановки, необходимой для того, чтобы в должном виде запечатлеть её открытия на бумаге. Тем более, что «ещё трудно установить истинные пропорции между неповторимостью тектонического развития земной коры и элементами закономерной повторяемости в последовательности некоторых тектонических явлений, а также между несомненной общностью в структуре и развитии земной коры в целом и некоторой самостоятельностью в структуре и развитии ее отдельных крупных частей»<sup>1</sup> (Херасков, 1963, с. 13 — *Прим. И.М.*). Но в совокупности ищи единство, как сказал Козьма Прутков, но более — в единообразии разделения.

Но, хотя и отмеченная вопреки проискам недоброжелателей премией Карпинского, монография эта также не приглянулась Вашему

---

<sup>1</sup> По учебнику, по Хераскову. Лучше не скажешь — Прим. в тексте; Цитата из работы Херасков Н.П. Некоторые общие закономерности в строении и развитии структур земной коры. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 119 с. (Тр. ГИН АН СССР; Вып. 91). С. 12 — *Прим. И.М.*



*Адрес Хераскову. Шарж.  
1965 г.*

Горячо поздравляем Вас, дорогой Николай Павлович, с получением давно уже принадлежащей Вам по праву докторской степени, от всей души желаем Вам здоровья, вечной юности и дальнейшего движения к сияющим вершинам науки. Ура!

Ваши друзья, ученики и почитатели.



<sup>1</sup> См. Херасков Н.П. 1965. — Прим. И.М.

взыскательному взору как возможная форма диссертации. Ваш своенравный гений не дал Вам возможности защищать обычную диссертацию, и вот, как и Вашему учителю, Вам присуждена докторская степень по совокупности неоконченных замыслов<sup>1</sup>. Впереди раскрывается безграничный простор для размышлений над проблемами земного шара и Луны впридачу.

Однажды нёс пастух куда-то  
молоко,  
Но так ужасно далеко,  
Что уж назад не возвращался...

Чтобы не случилось того же и  
с Вашим адресом, скорее вернёмся  
к началу.

# Письмо Д.И. Туголесова от 20 февраля 2021 г.

---

## Пояснение к адресу по поводу докторской защиты Н.П. Хераскова

Защита была назначена на начало июня 1965 г. Я к этому времени уже оформил свой переход в ВостСибНИИГТиМС (Иркутск). И Николай Павлович сказал мне: «Вы уж не уезжайте до моей защиты. Надеюсь, что напишите мне адрес». Я и не уехал, и адрес сочинил целиком на текстах Козьмы Пруткива, которого Николай Павлович очень любил помянуть.

В 1960-е годы в отделах тектоники (их стало, как вы помните, два<sup>1</sup>) было принято оформлять адреса как «Труды ГИН, серия диссертационная». Посылаемый текст — «авторский оригинал» адреса, подвергшийся лишь небольшой правке (она видна).

Поздравляли Н.П. Хераскова сразу после защиты, как повелось. К сожалению, Яншин читал адрес без должной выразительности (такой текст не в его стиле, надо было бы лучше Штейсу читать). А сам Николай Павлович был очень утомлён и почти не воспринимал читаемого (надеюсь, что, отдохнув дома, получил всё же удовольствие).

Но вообще он был, видимо, уже очень болен. И осенью того же года скончался, печально оправдав свою же шутившую отговорку, многократно повторявшуюся им в ответ на постоянные приставания, почему не защищает диссертацию: «Лучше быть кандидатом в ГИНе, чем доктором на Ваганьковском кладбище».



---

<sup>1</sup> Отдел общей и сравнительной тектоники и Отдел региональной тектоники — Прим. И.М.

*Книппер А.Л.*

**Двиньдодыр:  
[тектоническое стихотворение]  
(1976 г.)**

---

**К 70-летию со дня рождения  
А.В. Пейве**

Что такое?  
Что случилось?  
Отчего же  
Всё кругом  
Вдруг поехало,  
Сместилось  
И помчалось кувырком?

Альпы быстро убежали,  
Скрылась Русская плита,  
А Гондвана как лягушка  
Ускакала от меня.

Только в секторе тектоник  
Дух не гаснет боевой  
Выступает Академик  
И качает головой.

Я — великий надвигальник,  
Знаменитый на весь мир,  
Раздвигальников начальник  
И шарьяжей командир.

Если топну я ногою,  
Позову моих ребят,  
В эту комнату толпою  
Задвигальники влетят.

Разломают, перекроют,  
Сбросо-сдвигами забьют  
И к Кропоткину немедля  
В обучение отдадут.

Прямо в Тетис,  
Прямо в Тетис  
С головою окунут.

А потом как зарычит  
На меня,  
Как ногами застучит  
На меня.

Уходи-ка ты домой,  
Говорит,  
Гольй свой фиксизм прикрой,  
Говорит.

А не то как налечу,  
Говорит,  
Растопчу и проглочу,  
Говорит.

Он ударил в медный таз  
И вскричал: «В меланж всех Вас!»

И сейчас же в ГИНе тётки  
Затрещали, как трещотки:  
«Видно, он не развивался,  
С Белоусовым спознался.

Нужно вымыть нам фиксиста  
Чисто, чисто, чисто, чисто.  
Будешь, будешь ты фиксист —  
Мобилист.»

Тут меня забуртманило  
И слукьянило слегка,  
Засуворило, щербило,  
И тотчас увидел я:



Хвост от Тетиса — в Тянь-Шане,  
Пол Камчатки — в океане  
И ползущий сквозь туман  
На Тбилиси Ереван.

Тут великий надвигальник,  
Знаменитый на весь мир,  
Раздвигальников начальник  
И шарьяжей командир,  
Подбежал ко мне, танцуя  
и целуя, говорил:

Вот теперь тебя люблю я,  
Вот теперь тебя хвалю я,  
Наконец-то ты, упрямец,  
Мобилисту угодил.



*Кабинет директора ГИН АН СССР А.В. Пейве. 1980 г.  
Слева направо: А.А. Моссаковский, В.С. Федоровский, А.С. Перфильев,  
А.В. Пейве, А.Л. Книппер М.С. Марков*

Будем двигать континенты  
По утрам и вечерам,  
А нечистым всем фиксистам  
Стыд и срам,  
Стыд и срам.

*1979 г.*



*А.Л. Яншин*

## **К 70-летию А.Л. Яншина (1981 г.)**

Александр Леонидович! Bravo  
За полста Ваших творческих лет.  
Мы имеем, наверное, полное право  
Песню Вам под геологов спеть.

Кто вечно душою молод,  
Жизнь не сможет того сломать,  
Крепись, геолог, держись геолог,  
Ты Яншиным сможешь стать.

У геологов так уж ведётся,  
Редко в жизни встречается штиль,

Ну а если уж песня о них создаётся, —  
В ней минорный некрасовский стиль.

Кто вечно душою молод,  
Жизнь не сможет того сломать,  
Учись, геолог, дерзай геолог,  
Ты Яншиным сможешь стать.

Непреренно в той песне болота,  
И по маковки кедры в снегу.  
Или солнце палит до десятого пота,  
Или дождь поливает тайгу.

Кто вечно душою молод,  
Жизнь не сможет того сломать,  
Держись, геолог, крепись геолог,  
Ты должен себя познать.

Кто в двадцатые трудные годы  
У истоков науки стоял,  
В Приаралье искал фосфориты и воду  
На бокситы прогнозы давал?

Он был бесконечно молод  
Тот зелёный студент, так сказать,  
Корпел геолог, потел геолог,  
Чтоб Яншиным после стать.

Кто познал «молодые платформы»,  
За Аралом обрезал Урал,  
Под чехлом разглядел орогенные формы,  
Немца Штилле сразил наповал.

Путь к вершине тернист и долог,  
Чтобы слово в науке сказать.  
Сумел геолог, простой геолог  
Академиком Яншиным стать.



## Список литературы

---

- Академики Российской академии наук с 1724 года // Российская Академия наук: Персональный состав. <https://www.ras.ru/members/personalstaff1724/fullmembers.aspx> Дата обращения 11.2023.
- Борисяк А.А.* Отзыв о деятельности Д.И. Мушкетова. 1902 – 1928 гг. // Российская национальная библиотека. Рукописный фонд. Ф. 503. Ч. 2: Мушкетов Дмитрий Иванович. Ед. хр. 459. б/г. 2 л.
- Борисяк А.А., Архангельский А.Д., Вернадский В.И.* Задачи Академии наук СССР в области геологических дисциплин. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. 16 с.
- Вернадский В.И.* Письма Н.Е. Вернадской. 1909 – 1940 / Отв. ред. Б.В. Левшин; Сост. Н.Ф. Филиппова, В.С. Чесноков. М.: Наука, 2007. 299 с.
- Геологический институт Академии наук СССР: Материалы о научной, административной работе Института и участие в ней Д.И. Мушкетова. 1929 – 1934 // Российская национальная библиотека. Рукописный фонд. Ф. 503: Ч. 2: Мушкетов Дмитрий Иванович. Ед. хр. 569. 42 л.
- Гольдин С.В., Добрецов Н.Л., Каныгин А.В. и др.* К 70-летию со дня рождения Альгирдаса-Зенонаса Станислово Дагиса // Геология и геофизика. 2002. № 9. С. 888 – 890.
- Журавлева З.А., Комар Вл.А., Чумаков Н.М.* Строение и корреляция верхнедокембрийских отложений Западной Якутии // Материалы по геологии и полезным ископаемым Якутской АССР. Вып. 13. 1969. С. 53 – 69.
- Захаров В.А.* Бухиазоны в стратотипическом районе. // Новые данные по стратиграфии и фауне юры и мела Сибири. Новосибирск: ИГиГ СО АН СССР, 1978. С. 97 – 128.
- Захаров В.А.* Воспитание доверием: (воспоминания о В.Н. Саксе) // В.Н. Сакс – выдающийся исследователь Арктики. Новосибирск: «Гео», 2001. С. 139 – 153.
- Захаров В.А.* Свеча горела...: (памяти Михаила Семеновича Месежникова) // Стратиграфия. Геологическая корреляция. 2006. № 5. С. 140 – 143.

- Захаров В.А., Шурыгин Б.Н.* Восточная Арктика в юрском периоде: оценка палеогеографических и палеоклиматических реконструкций методами палеобиогеографии // Юрская система России: проблемы стратиграфии и палеогеографии: Научн. материалы 3 Всеросс. совещ. Саратов: ИЦ «Наука», 2009. С. 64 – 68.
- Захаров В.А.* «Полярный волк» Ефимус // Российские недра. 2009. № 9. С. 7.
- Зоненшайн Л.П., Приставкина Е.И., Айзберг Р.Е и др.* Геологическая история территории СССР и тектоника плит. М.: Наука, 1989. 203, [3] с.
- Историческая справка // Геологический институт Академии наук СССР. 1931 – 1937: Управленческая документация. 1931 – 1937. АРАН. Ф. 664. 55 ед. хр.
- Келлер Б.М., Королев В.Г., Семихатов М.А., Чумаков Н.М.* Основные черты палеогеографии позднего протерозоя СССР // Геология докембрия. Л.: Наука, 1968. С. 82 – 94. (23 сес. МГК. Докл. сов. геологов; Пробл. 4).
- Колман Р.Г.* Офиолиты. М.: Мир, 1979. 256 с.
- Кропоткин П.Н.* Успехи геологии в Китае // Вестн. АН СССР. 1959. № 9. С. 60 – 64.
- Ли Сы-гуан.* Геология Китая. М.: ИЛ, 1951. 519 с.
- Ли Сы-гуан.* Вступительная речь на Первой Всекитайской конференции по месторождениям полезных ископаемых // Сов. геология. 1958. № 12. С. 13 – 17.
- Малахова И.Г., Бессуднова З.А., Хомизури Г.П., Минина Е.Л.* Иностранцы члены Российской академии наук. XVIII – XXI вв.: Геология и горные науки. М.: ГЦ РАН, 2012. 504 с.
- Материалы о несостоявшейся командировке Д.И. Мушкетова на XVI Международный Геологический конгресс в США, в 1933 г. 1931 – 1933 // Российская национальная библиотека. Рукописный фонд. Ф. 503. Ч. 2: Мушкетов Дмитрий Иванович. Ед. хр. 620. 48 л.
- Материалы по биостратиграфии, фауне и флоре фанерозоя России, Атлантики и Антарктиды: [Сб. науч. трудов]. СПб.: ФГУП «ВНИИОкеангеология им. И.С. Грамберга», 2013. 208 с. (Тр. НИИГА-ВНИИОкеангеология; Т. 226).
- Международный геологический конгресс. XVII сессия. СССР, 1937: Труды. Т. 1. М.: ГОНТИ, 1939. 649 с.
- Международный коллоквиум по верхней юре и границе юры и мела: Тез. докладов. Новосибирск: ИГиГ СО АН СССР, 1977. 173 с.
- Миддендорф А.Ф.* Путешествие на север и восток Сибири: Ч. 2. Отд. 5. СПб.: тип. ИАН, 1869. 310 с.; 1877. С. 311 – 618.

- Мушкетов Д.И.* Современные тектонические воззрения в связи с геологией Средней Азии // Изв. Геол. ком. 1926. Т. 45. № 1. С. 9–31.
- Мушкетов Д.И.* Речь почетного председателя Организационного комитета профессора Д.И. Мушкетова // Труды 3-го Всесоюзного съезда геологов 20–26 сентября, 1928 г. Вып. 1. Ташкент: Изд. Среднеазиат. отд. Геол. комитета, 1930. С. 23–25.
- Обручев В.А.* Древнепалеозойские осадочные породы долины р. Лены между станциями Качутской и Витимской. Иркутск: тип. К.И. Витковской, 1892. [4], II, 212 с. (Зап. Вост.-Сиб. отд. РГО по общ. геогр. 1890; Т. 2. Вып. 1).
- Обручев В.А.* Полевая геология: В 2 т. М.; Л.: Совет нефт. промышл. 1927: Т. 1. IV, 344 с.; Т. 2. IV, 370 с.
- Обручев В.А.* История геологического исследования Сибири: В 5 т. М.: Изд-во АН СССР, 1931–1949.
- Обручев В.А.* Геология Сибири: В 3 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935–1938.
- Обручев В.А.* Молодость рельефа Сибири // Академику В.И. Вернадскому к 50-летию научной и педагогической деятельности. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1936. С. 955–974.
- Обручев В.А.* В старой Сибири: [Сб. статей, воспоминаний и писем. 1888–1955]. Иркутск: кн. изд-во, 1958. 295 с.
- Окладников А.П.* История Якутии: В 2 т. Якутск: Якутгосиздат, 1949.
- Павловский Е.В., Херасков Н.П., Яншин А.А.* Выступление профессора Хуана Ти-цина с докладом о тектонике Китая в Геологическом институте АН СССР // Изв. АН СССР. Сер. геол. 1957. № 1. С. 144.
- Письма (5) и телеграмма У.С. Менденхолла (W.C. Mendenhall), генеральный секретарь оргкомитета XVI Международного геологического конгресса в США в 1933. 1932–1933 // Российская национальная библиотека. Рукописный фонд. Ф. 503. Ч. 2: Мушкетов Дмитрий Иванович. Ед. хр. 727. 13 л.
- Пуцаровский Ю.М.* Николай Павлович Херасков, теоретик тектоники // Среди геологов. Очерки об ученых. М.: ГЕОС, 1999. С. 43–50.
- Раабен М.Е., Лаврушин Ю.А.* Геологические исследования на Шпицбергене // Вестн. АН СССР. 1967. № 2. С. 50–54.
- Репрессированные геологи. Биографические материалы / Изд. 2-е. М. – СПб.: Роскомнедра, ВСЕГЕИ, ВИМС, СПб общество «Мемориал», СПбГГИ, 1995. С. 124.
- Рябухин Г.Е.* Геология в Китае: (Два года работы в КНР). М.: Знание, 1960. 32 с. (Всесоюз. об-во по распростр. полит. и науч. знаний. Сер. 9; № 8).

- Сейсмологический институт АН СССР. Материалы об административной работе Института и участии в ней Д.И. Мушкетова. 1930 – 1934 // Российская национальная библиотека. Рукописный фонд. Ф. 503: Ч. 2: Мушкетов Дмитрий Иванович. Ед. хр. 563. 16 л.
- Славное десятилетие. 1949 – 1959 / Пер. с китайск. Пекин: Изд-во лит. на иностр. яз., 1960. 420 с.
- Соболев Н.В., Шертл Х.П., Нойзер Р.Д.* Особенности состава и парагенезиса гранатов ультравысокобарических известково-силикатных метаморфических пород Кокчетавского массива (Северный Казахстан) // Геология и геофизика. 2006. № 4. С. 521 – 531.
- Соловьёв Ю.Я.* «Дату смерти знает только МВД...»: Дмитрий Иванович Мушкетов (1882 – 1938) // ВИЕТ. 2001. № 2. С. 75 – 92 : порт.
- Сообщение о подписании соглашения о научном сотрудничестве между Академией наук КНР и СССР // Советско-китайские отношения. 1917 – 1957: Сб. документов. М., Изд-во восточной литературы, 1959. № 242. С. 385 – 386.
- Сообщение об участии Д.И. Мушкетова в подготовке Международного геологического конгресса в СССР. 1926 – 1937 // Российская национальная библиотека. Рукописный фонд. Ф. 503. Ч. 2: Мушкетов Дмитрий Иванович. Ед. хр. 622. 86 л.
- Тектоническая карта Китая, Монголии и окружающих территорий. Масштаб: 1:4 000 000. 1959. На китайск. яз.
- Тихомиров В.В., Соловьёв Ю.Я., Панютина Л.Б. и др.* История Геологического института АН СССР: Развитие Института, его научные школы и библиография трудов. М.: Наука, 1980. 220, [3] с.
- Туголесов Д.А.* «Тектонические субботы» Н.С. Шатского // Природа. 1973. № 11. С. 68 – 75.
- Управленческая документация Геологического института // Геологический институт АН СССР. 1931 – 1937: Историческая справка. АРАН. 1931 – 1937. Ф. 128. Оп. 1/1632. Д. 301, 622.
- Ферсман А.Е.* Геохимия России. Вып. 1. Пг.: НХТИ, 1922. [2], 214 с.
- Ферсман А.Е.* Занимательная минералогия. Л.: Время, 1928. 318 с.
- Херасков Н.П.* Роль тектоники в изучении закономерностей размещения полезных ископаемых в земной коре // Закономерности размещения полезных ископаемых. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 14 – 92.
- Херасков Н.П.* Некоторые общие закономерности в строении и развитии структур земной коры. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 119 с. (Тр. ГИН АН СССР; Вып. 91).
- Херасков Н.П.* Тектоника и формации: Обобщающий доклад по опубликованным работам на соискание учен. степени д-ра геол.-минерал. наук. М.: б.и., 1965. 48 с.



- Хераскова Т.Н.* Мой отец Николай Павлович Херасков и мои воспоминания о нём // Старая столица: краеведческий альманах. Вып. 11. Владимир: Транзит-ИКС, 2017. С. 37 – 43.
- Хуан Бо-Цинь.* Основные черты тектонического строения Китая [*Huang, T.K.* On the major tectonic forms of China // *Geol. Memoirs Geol. Surv. China. Ser. A. Vol. 20.* 1945. 165 p.] / Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. Н.С. Шатского. М.: ИЛ, 1952. 162 с.
- Чумаков Н.М.* Тектоника юго-западной части Вилуйской впадины // Докл. АН СССР. 1957. Т. 115. № 3. С. 609 – 612.
- Чумаков Н.М.* Стратиграфия и тектоника юго-западной части Вилуйской впадины // Тектоника СССР. Т. 4. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 345 – 460.
- Чумаков Н.М.* Оледенение в докембрии // Бюлл. МОИП. Отд. геол. 1972. Т. 11. № 5. С. 155.
- Чумаков Н.М.* Докембрийские тиллиты и тиллоиды: (Диагностика и стратиграфическое значение); Автореф. дис. на соискание учен. степени д-ра геол.-минерал. наук. М.: б.и., 1975. 45 с.; Дис. 388 с.
- Шатский Н.С.* Стратиграфия и тектоника верхнемеловых и нижнетретичных отложений северной окраины Донецкого кряжа: (отчет о работах 1923 г.) // Тр. Особой комиссии по исследованию КМА при Президиуме ВСНХ: Вып. 5. Тр. Геол. отдела М.: Госиздат, 1924. С. 82 – 152; карт. : ил. : табл.
- Шатский Н.С.* К вопросу о происхождении роменских гипсов и пород Исачковского холма на Украине // Бюлл. МОИП. Отд. геол. 1931. Т. 9. № 3/4. С. 336 – 349.
- Шатский Н.С.* Основные черты тектоники Сибирской платформы // Бюлл. МОИП. Отд. геол. 1932. Т. 10. № 3/4. С. 476 – 509; карт.
- Шатский Н.С.* О тектонике Арктики // Геология полезные ископаемые Севера СССР: Тр. 1-й геол.-развед. конф. Главсевморпути: [24 – 27 апр. 1935 г.]: Т. 1. Геология. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1935. С. 149 – 168; ил.
- Шатский Н.С.* Дарвин как геолог // Ч. Дарвин. Сочинения: Т. 2. Геологические работы. М.; Л.: Биомедиздат, 1936. С. 241 – 273.
- Шатский Н.С.* О неокатастрофизме: (К вопросу об орогенических фазах и о процессе складкообразования) // Пробл. сов. геологии. 1937а. Т. 7. № 7. С. 532 – 551.
- Шатский Н.С.* Орогенические фазы и складчатость // Международный геологический конгресс. СССР. 1937. XVII сессия: Тез. докладов. М.; Л.: ОНТИ, Гл. ред. горно-топл. и геол.-развед. лит., 1937б. С. 145 – 146.

- Шатский Н.С.* О тектонике Центрального Казахстана // Изв. АН СССР. Сер. геол. 1938. № 5/6. С. 737 – 769 : табл. : карт.
- Шатский Н.С.* Родерик Импей Мурчисон. (1792 – 1871). М.: МОИП, 1941. 68 с. (МОИП. Сер. ист.; № 16).
- Шатский Н.С.* Андрей Дмитриевич Архангельский: Краткий очерк жизни и деятельности русского геолога. (1879 – 1940). М.: тип. «Кр. печатник», 1944. 60 с. : порт. (МОИП. Сер. ист.; № 24).
- Шатский Н.С.* О сравнительной тектонике Северной Америки и Восточной Европы // Изв. АН СССР. Сер. геол. 1945а. № 4. С. 10 – 26.
- Шатский Н.С.* Очерки тектоники Волго-Уральской нефтеносной области и смежной части западного склона Южного Урала. М.: МОИП, 1945б. 131 с. (Материалы к познанию геологического строения СССР. Нов. сер.; Вып. 2).
- Шатский Н.С.* Сравнительная тектоника древних платформ: Ст. 1. Основные черты строения и развития Восточно-Европейской платформы // Изв. АН СССР. Сер. геол. 1946. № 1. С. 5 – 62 : карт.
- Шатский Н.С.* Предисловие // Хуан Бо-Цинь. Основные черты тектонического строения Китая. М.: ИЛ, 1952. С. 3 – 6.
- Шатский Н.С., Богданов А.А.* Тектоническая карта СССР и сопредельных стран в масштабе 1:5 000 000: Объяснительная записка. М.: Госгеолтехиздат, 1957. 79 с. : 1 л. карт.; То же на китайск. яз. Пекин, 1958.
- Шенгер А.М.Дж., Натальин Б.А., Буртман В.С.* Тектоническая эволюция алтаид // *Геология и геофизика*. 1994. № 7/8. С. 41 – 58.
- Шубникова О.М.* Очерк жизни и деятельности А.Е. Ферсмана // Зап. ВМО. 1946. Ч. 75. № 1. С. 55 – 64.
- Юговный Е.Г., Басов В.А.* Н.И. Шульгина. (1926 – 1996) // На пути к недрам Арктики, Антарктики и Мирового океана: Очерки об ученых-геологах НИИГА – ВНИИОкеангеология. Вып. 2. Ч. 2. СПб: ВНИИ-Океангеология, 2007. С. 78 – 85. Ротапринт.
- Chamberlin T.C.* The method of multiple working hypotheses // *J. Geology*. 1897. № 5. P. 837 – 848.
- Congreso geológico internacional. Informes de la XX sesión. Mexico 1956. Historia generalidades. Listas de miembros. Asamblea general. Consejo Bureau. Mexico, 1959. 434 p.
- Hakansson E., Birkelund T., Piasecki S., Zakharov V.A.* Jurassic-Cretaceous boundary strata of the extreme Arctic (Peary Land, North Greenland) // *Bull. geol. Soc. Denmark*. 1981. Vol. 30. P. 11 – 36.
- Henriksen N.* Tove Birkelund // *North Greenland Lower Palaeozoic palaeontology and stratigraphy: short contributions, 1986. S. 2 – 3.* (Rap. Grønlands Geologiske Undersøgelse; Bind 132)

- Jean Baptiste Lamarck Medal 2008 for Franz Theodor Fürsich // European Geosciences Union. 2004.
- International geological congress. Comptes Rendus of the XV. Session, South Africa, 1929. Vol. 1. Pretoria: Wallachs' Ltd., 1930. XIV, 314 p.
- International geological congress. Report of the XVI Session, United States of America. 1933. Vol. 1. Washington: U.S. Gov. Print. Office, 1936. V, 701 p.
- Reconstruction of the Paleo-Asian ocean / Ed. R.G. Coleman // Proceedings of the 29<sup>th</sup> International Geological Congress. Pt. B. Utrecht, Netherlands: VSP, 1994. P. 6 – 190.
- Surlyk F., Zakharov V.A.* Buchiid bivalves from the Upper Jurassic-Lower Cretaceous of East Greenland // *Palaeontology*. 1982. Vol. 25. Pt. 4. P. 727 – 753.
- Zakharov V.A., Surlyk F., Dalland A.* Upper Jurassic – Lower Cretaceous *Buchia* from Andoy, Northern Norway // *Norsk Geologisk Tidsskrift*. 1981. Vol. 61. P. 261 – 269.
- Xiaomin Wang, Juhn Liou, Ho-kwang Mao.* Coesite-bearing eclogite from Dabie Mountains in Central China // *Geology*. 1989. Vol. 17. № 12. P. 1085 – 1088.

## Список принятых сокращений

---

АН – Академия наук

АН КНР – Академия наук Китайской Народной Республики, или Китайская академия наук (КАН) (с 1949)

АН СССР – Академия наук СССР (1925 – 1991)

АН УССР – Академия наук Украинской ССР (с 1936)

ВАСХНИЛ – Всесоюзная Академия сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина (1925 – 1992)

ВИМС – Всесоюзный институт минерального сырья (с 1936)

ВНИГРИ – Всероссийский нефтяной научно-исследовательский геологоразведочный институт (с 1945)

ВНИИОкеангеология – Всесоюзный (Всероссийский научно-исследовательский институт геологии и минеральных ресурсов Мирового океана (с 1981); в 1948 – 1972 НИИГА (Научно-исследовательский институт геологии Арктики) (1948 – 1972)

ВСЕГЕИ – Всесоюзный научно-исследовательский геологический институт им. А.П. Карпинского (с 1939); Геологический комитет России (1882 – 1929); Центральный научно-исследовательский геологоразведочный институт (ЦНИГРИ) (1931 – 1939)

ВСНХ – Высший совет народного хозяйства СССР (1917 – 1932)

ВТУЗ – Высшее техническое учебное заведение

ГЕОХИ – Институт геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского АН СССР/РАН (с 1947)

ГИН – Геологический институт (1930 – 1937), Институт геологических наук (1956 – 1937), Геологический институт (1956 – 1991) АН СССР, РАН – с 1991.

ГИН СО – Геологический институт им. Н.Л. Добрецова СО АН СССР/РАН (с 1973)

ДВО – Дальневосточное отделение АН СССР/РАН (с 1958)

ИГ – Институт географии (с 1936); Геоморфологический институт (1930 – 1934), Институт физической географии (1934 – 1936) АН СССР/РАН

ИГЕМ – Институт геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии (с 1956), АН СССР/РАН с 1991

ИГиГ – Институт геологии и геофизики СО АН СССР (1950 – 1990)

ИГГиМ – Институт геологии и минералогии РАН (с 2005)

ИГН – см. ГИН

ИЗК – Институт земной коры СО АН СССР/РАН (с 1949)

ИМГРЭ – Институт минералогии, геохимии и кристаллохимии редких элементов (с 1956)

ИОАН – Институт океанологии им. П.П. Ширкова АН СССР/РАН (с 1946)

ИФЗ – Институт физики Земли им. О.Ю. Шмидта АН СССР/РАН (с 1956)

КЕПС/СОПС – Комиссия по изучению естественных производительных сил (1915 – 1930) / Совет по изучению производительных сил АН СССР (1930 – 1960)

КПК – Коммунистическая партия Китая (с 1921)

ЛГИ – Ленинградский горный институт (1931 – 1992), Санкт-Петербургский горный государственный горный институт (1992 – 2011), Санкт-Петербургский горный университет (2011 – 2023) императрицы Екатерины II (с 2023).

ЛГУ – Ленинградский (Санкт-Петербургский) государственный университет (с 1819)

МГК – Международный геологический конгресс

МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (с 1755)

МНИ, МИНХиГП – Московский нефтяной институт (1930 – 1958), Московский институт нефтехимической и газовой промышленности (1958 – 1985) им. И.М. Губкина

МПГК – Международная Программа геологической корреляции

НГРИ – Нефтяной геологоразведочный институт (1929 – 1945)

НГУ – Новосибирский государственный университет (с 1958)

НИИГА – см. ВНИИОкеангеология

НИС – научно-исследовательское судно

НИУИФ – Научно-исследовательский институт по удобрениям и инсектофунгицидам им. профессора Я.В. Самойлова (с 1933)

ОИГГиМ – Объединённый институт геологии, геофизики и минералогии СО АН СССР/РАН (1990 – 1995)

ПИН – Палеонтологический институт АН СССР/РАН (с 1936)

РАН – Российская академия наук (с 1991)

СВКНИИ – Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт СО АН СССР / РАН (с 1960)

СО – Сибирское отделение АН СССР/РАН

СОПС – Совет по изучению производительных сил АН СССР (1930 – 1960)

УВС – Управление внешних сношений АН СССР

AAPG (American Association of Petroleum Geologists) – Американская Ассоциация геологов-нефтяников (с 1917)

## Именной указатель

---

**Амирасланов** Али Агамалы оглы (1900 – 1962) – член-корреспондент АН СССР (1953); Министерство цветных металлов СССР

**Антропов** Пётр Яковлевич (1905 – 1979) – геолог, государственный деятель; министр геологии и охраны недр СССР (1953 – 1962)

**Арган** Эмиль (**Argand**, Émile) (1878 – 1940) – швейцарский геолог

**Арсеньев** Владимир Клавдиевич (1872 – 1930) – путешественник, географ, этнограф, писатель

**Архангельская** Наталия Андреевна (1907 – 1980) – литолог; ГИН/ИГН/ГИН с 1936 г.

**Архангельский** Андрей Дмитриевич (1879 – 1940) – академик АН СССР (1929); ГИН/ИГН с 1934 г.; директор Института (1934 – 1939)

**Бардин** Иван Павлович (1883 – 1960) – академик АН СССР (1932); металлург; Наркомат черной металлургии СССР

**Барсболд**, Ринченгийн (Ринчен) (*монг.* **Барсболд**, Ринченгийн) (р. 1935) – иностранный член РАН (2011); монгольский палеонтолог

**Басов** Валерий Александрович (1908 – ?) – палеонтолог; ВНИИ-Океанология

**Батерст** Робин (**Bathurst**, Robin Gilbert Charles) (1920 – 2006) – литолог

**Белоусов** Владимир Владимирович (1907 – 1990) – член-корреспондент АН СССР (1953); геолог, тектонист; МГРИ, ИФЗ АН СССР

**Берзин** Николай Августович (р. 1936) – геолог; ИГГиМ СО РАН

**Биркелунд**, Туве (**Birkelund**, Tove) (1928 – 1986) – палеонтолог, Университет Копенгагена

**Блохин** Алексей Александрович (1897 – 1942) – геолог-нефтяник; ИГН 1937 – 1942

**Богданов** Никита Алексеевич (1931 – 2003) – геолог, тектонист; ИГН/ГИН 1954 – 1978; ИЛСАН

**Бодылевский** Виталий Иванович (1898 – 1968) – палеонтолог, стра-тиграф; Горный институт (Ленинград)



**Бонч-Осмоловский** Глеб Анатольевич (1890 – 1943) – палеонтолог, геолог-четвертичник; ГИН 1930 – 1934.

**Бонштедт (-Куплетская)** Эльза Максимилиановна (1897 – 1974) – минералог; Минералогический музей им. А.Е. Ферсмана АН СССР

**Бор** Нильс Хенрик Давид (**Bohr**, Niels Henrik David) (1885 – 1962) – датский физик-теоретик; иностранный почётный член АН СССР (1929)

**Бромли** Ричард (**Bromley**, Richard G.) (1939 – 2018)

**Бушинский** Георгий Иванович (1903 – 1980) – геолог; ИГН/ГИН с 1943 г.

**Бавилов** Николай Иванович (1887 – 1943) – академик АН СССР (1929) и АН УССР (1929); генетик, ботаник, химик, географ; ВАСХНИЛ

**Вахрамеев** Всеволод Андреевич (1912 – 1986) – член-корреспондент АН СССР (1979); палеоботаник, стратиграф; ИГН/ГИН с 1939 г.

**Вашингтон** Джордж (**Washington**, George) (1732 – 1799) – первый президент США (1789 – 1797)

**Вернадский** Владимир Иванович (1863 – 1945) – академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук (1912); минералог, геохимик, историк науки

**Влодавец** Николай Иванович (1890 – 1959) – геохимик; ГИН с 1934 г.

**Волков** Пётр Андреевич (1899 – 1957) – геохимик; ИГН АН СССР с 1944 г.

**Гедройц** Константин Каэтанович (1872 – 1932) – академик АН СССР (1929); агрохимик, почвовед

**Гельмгольц** Герман Людвиг Фердинанд, фон (**Helmholtz**, Hermann Ludwig Ferdinand, von) (1821 – 1894) – иностранный член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской академии наук (1868); немецкий физик, физиолог, акустик, психолог

**Гинзбург** Илья Исаакович (1882 – 1965) – минералог и геохимик; ИГН

**Гинзбург** Натан (Анатолий) Ильич (1917 – 1984) – петрограф; ВИМС

**Го Можо** (1892 – 1978) – китайский писатель, историк, государственный деятель

**Голубятников** Дмитрий Васильевич (1866 – 1933) – геолог-нефтяник; Геологический комитет России; Роснефть

**Горнштейн** Дмитрий Карлович (1917 – 2012) – геолог; Институт геологии алмаза и благородных металлов СО АН СССР

**Григорьев** Владимир Николаевич — геолог; ИНГ/ГИН с 1950 г.

**Григорьева** С.Г. — ИГН

**Грицаенко** Галина Савиновна (1910 — 2003) — геолог, петрограф; ИГН с 1943 г., ИГЕМ

**Громов** Валериан Иннокентьевич (1896 — 1978) — палеонтолог, геолог-четвертичник; ГИН/ИГН/ГИН с 1933 г.

**Гросвальд** Михаил Григорьевич (1921 — 2007) — геоморфолог, гляциолог; ИГ

**Грэбо** Амадеус Уильям (**Grabau**, Amadeus William) (1870 — 1946) — американский палеонтолог, геолог

**Губкин** Иван Михайлович (1871 — 1939) — академик АН СССР (1929); геолог-нефтяник; Московский нефтяной институт

**Дагис** Альгирдас Станиславович (1932 — 2000) — стратиграф; ИГиГ СО АН СССР

**Дарвин** Чарльз Роберт (Darwin, Charles Robert) (1809 — 1882) — английский естествоиспытатель

**Дергунов** Александр Борисович (р. 1925 — ?) — геолог-тектонист; ГИН с 1965 г.

**Диденко** Алексей Николаевич (р. 1954 — член-корреспондент РАН (2016); геолог, геофизик; ИТиГ ДВО РАН

**Добрецов** Николай Леонтьевич (1936 — 2020) — академик АН СССР (1987); геолог; СО АН СССР, ОИГМ СО РАН

**Долгушин** Леонид Дмитриевич (1911 — 2012) — гляциолог; ИГ

**Дондт** Анни Валери (Dhondt, Annie V.) (1942 — 2006) — палеонтолог, Королевский институт естественных наук Бельгии (Брюссель)

**Жидкова** Людмила Семеновна (—) — литолог; ВНИГРИ

**Журавлёв** Всеволод Сергеевич (1922 — 1972) — стратиграф, тектонист; ИГН/ГИН с 1951 г.

**Журавлёва** Зоя Алексеевна (—) — стратиграф, палеонтолог; ИГН/ГИН с 1947 г.

**Закариадзе** Гурам Сергеевич (р. 1932) — геохимик, тектонист; ГИН, ГЕОХИ

**Зандер** Бруно (Sander, Bruno) (1884 — 1979) — австрийский геолог и петрограф; Университет Инсбрука

**Захаров** Виктор Александрович (р. 1936) — стратиграф, палеонтолог; ГИН с 2000 г.

**Зоненшайн** Лев Павлович (1929 — 1992) — член-корреспондент РАН (1991); геолог, тектонист, океанолог; ИОАН

**Зюсс Эдуард** (Suess, Eduard) (1831 – 1914) – иностранный член-корреспондент (1887), почетный член (1901) Императорской Санкт-Петербургской академии наук; австрийский геолог

**Калицкий** Казимир Петрович (1873 – 1941) – геолог-нефтяник; Геологический комитет России, ВНИГРИ

**Калломон** Джон Ханнес (Callomon, John Hannes) (1928 – 2010) – британский палеонтолог, стратиграф

**Карпинский** Александр Петрович (1846 – 1936) – академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук (1896), президент РАН и АН СССР (1917 – 1936); геолог

**Катушенок** Иван Иосифович (1903 – ?) – стратиграф, тектонист; ГИН с 1931 г.

**Кауффман** Эрик Дж. (**Kauffmann**, Eric G.) (–) – американский палеонтолог

**Келлер** Борис Максимович (1912 – 1997) – геолог, стратиграф; ГИН с 1936 г.

**Кеннеди** Уильям Джеймс (**Kennedy**, William James) – (р. 1943) британский геолог и палеонтолог

**Кесь** Александра Семёновна (1910 – 1993) – геоморфолог, палеогеограф; ИГ

**Книппер** Андрей Львович (1931 – 2010) – академик РАН (1992); тектонист; ИГН/ГИН с 1954 г. директор ГИН (1989 – 1994)

**Колман** Роберт Гриффин 1923 – 2012 – иностранный член РАН (1994); американский петролог, тектонист

**Колотухина** Софья Евгеньевна (–) – ГИН/ИГН 1935 – 1950

**Комар** Владимир Андреевич (1924 – 1991) – стратиграф, палеонтолог; ИГН/ГИН с 1954 г.

**Конников** Эдуард Германович (1935 – 2011) – геолог; ГИН СО РАН

**Коптев-Дворников** Владимир Сергеевич (1903 – 1970) – геолог, петрограф; ГИН / ИГН 1934 – 1954

**Коссовская** Анна Григорьевна (1915 – 2000) – геолог; ГИН

**Коржинский** Дмитрий Сергеевич (1899 – 1985) – академик АН СССР (1953); минералог, петрограф; ИГН (1937 – 1956), ИГЕМ

**Костылёва-Лабунцова** Екатерина Евтихиевна (1894 – 1974) – минералог, петрограф; ИГН

**Косыгин** Юрий Александрович (1911 – 1994) – академик АН СССР (1970); геолог-тектонист; ИГН АН СССР (1945 – 1958), Институт тектоники и геофизики ДВО АН СССР

**Красильников** Борис Николаевич (1910 – 1974) – геолог; ИГиГ СО АН СССР

**Кропоткин** Петр Николаевич (1910 – 1996) – член-корреспондент АН СССР (1966), академик РАН (1992); геолог, геофизик; ИГН/ГИН с 1939 г.

**Куллинг** Оскар (**Kulling** Oscar) (1898 – 1988) – шведский геолог

**Куно** Хисаси (**Kuno**, Hisashi Kuno) (1910 – 1997) – японский геолог

**Кусто́**, Жак-Ив (**Cousteau**, Jacques-Yves) (1910 – 1997) – французский океанолог, изобретатель, писатель

**Лабунцов** Александр Николаевич (1884 – 1963) – геолог, минералог; Минералогический музей АН СССР, Институт геохимии, минералогии и кристаллографии им. М.В. Ломоносова

**Лаврушин** Юрий Александрович (р. 1931) – геолог-четвертичник, геоморфолог; ИГН/ГИН с 1954 г.

**Лайель** Чарльз, сэръ (Lyell, Charles, Sir) (1797 – 1875) – иностранный член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской академии наук (1871); британский геолог

**Ландин** Иван Алексеевич (1897 – 1938) – военный лётчик, исследователь Арктики

**Левинсон-Лессинг** Франц Юльевич (1861 – 1939) – академик АН СССР (1925); геолог, кристаллограф, петрограф; Санкт-Петербургский университет, Петербургский политехнический институт, Геологический комитет России

**Ли Сы-гуан** (1889 – 1971) – академик АН КНР (1955), иностранный член АН СССР (1958); китайский геолог

**Лю** Джун Гуан (**Liou**, Juhn Guang) (–) – американский петролог

**Ма Син-юань** (–) – профессор Пекинского геологоразведочного института

**Макеев** Зороастр Александрович (1900 – 1968) – ИГН 1935 – 1937

**Марковский** Николай Иосифович (1909 – 1988) – геолог-нефтяник; ВНИГРИ

**Маслов** Владимир Петрович (1891 – 1968) – литолог, стратиграф, палеонтолог; ГИН/ИГН/ГИН с 1935 г.

**Менденхолл** Уолтер Карран (Menddenhall, Walter Carren) (1871 – 1957) – американский геолог

**Меннер** Владимир Васильевич (1905 – 1989) – академик АН СССР (1966); палеонтолог, стратиграф; в ГИН/ИГН с 1934 г.

**Месежников** Михаил Семёнович (1931 – 1989) – палеонтолог; ИГиГ

**Мирлин** Гилель Авсеевич (1911 – 2002) – геолог; ГИН/ИГН с 1936 г.

**Мионов** Степан Ильич (1883 – 1959) – академик АН СССР (1946); геолог-нефтяник; Институт нефти АН СССР

**Муратов** Михаил Владимирович (1908 – 1982) – член-корреспондент АН СССР (1962); геолог, тектонист; МГРИ

**Мушенко** Алла Ивановна (–) – тектонист ИГН/ГИН с 1945 г.

**Мушкетов** Дмитрий Иванович (1882 – 1938) – геолог, тектонист; Горный институт (Ленинград), Сейсмологический институт АН СССР, ГИН 1933 – 1934 гг.

**Мэрчисон (Мурчисон)**, Родерик Импи, сэр, 1-й баронет (**Murchison**, Roderick Impey, Sir, 1<sup>st</sup> Baronet) (1792 – 1871) – почетный член Императорской Санкт-Петербургской академии наук (1845); британский геолог

**Нагибина** Марина Сергеевна (1914 – 2000) – геолог, тектонист; ИГН/ГИН с 1940 г.

**Наливкин** Борис Васильевич (1895 – 1979) – палеонтолог; Горный институт (Ленинград)

**Наливкин** Дмитрий Васильевич (1889 – 1982) – академик АН СССР (1946); геолог и палеонтолог, ГИН/ИГН 1933 – 1944

**Несмеянов** Александр Николаевич (1899 – 1980) – академик (1943); химик

**Никифорова** Ксения Владимировна (1911 – 1996) – геолог; ГИН с 1935 г.

**Новикова** Антонина Спиридоновна (1918 – 1993) – геолог, тектонист; ИГН/ГИН с 1949 г.

**Обручев** Владимир Афанасьевич (1863 – 1956) – академик АН СССР (1929); геолог, географ, мерзлотовед, историк науки; ГИН/ИГН 1930 – 1955 г., директор (1930 – 1933)

**Обут** Александр Михайлович (1911 – 1988) – палеонтолог, стратиграф; ИГиГ

**Огнев** Василий Николаевич (1902 – 1993) – геолог; ЛГУ

**Окладников** Алексей Павлович (1908 – 1981) – академик АН СССР (1968); историк, этнограф

**Осипова** Александра Ивановна (1914 – 2007) – литолог, палеонтолог; ПИН

**Оффман** Петр Евгеньевич (1908 – 1984) – геолог, тектонист; ИГН/ГИН с 1939 г.

**Павлов** Алексей Петрович (1854 – 1929) – академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук (1916); палеонтолог, стратиграф, тектонист, геоморфолог, историк науки; Московский университет

**Павлов** Иван Петрович (1849 – 1936) – лауреат Нобелевской премии (1904), академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук (1907); русский физиолог

**Павловский** Евгений Владимирович (1901 – 1989) – тектонист; ГИН/ИГН с 1938 г.

**Пейве** Александр Вольдемарович (1909 – 1985) – академик АН СССР (1964); геолог, тектонист; ГИН с 1935 г.; директор ГИН АН СССР (1961 – 1985)

**Петров** Михаил Платонович (1906 – 1978) – академик АН Туркменской ССР (1951); географ, ботаник

**Петров (Катаев)** Евгений Петрович (1902 – 1942) – советский писатель, военный корреспондент

**Петрокович** Юрий Александрович (1912 – 1942) – геолог; Уральское геологическое управление; репрессирован, умер в заключении

**Петрушевский** Борис Абрамович (1908 – 1985) – геолог; ГИН/ИГН (1938 – 1942); ВИМС

**Пиसेчки** Стефан (**Piasecki**, Stephan) (р. 1954) – палеонтолог, стратиграф; Университет Копенгагена

**Пожарицкий** Константин Леопольдович (1900 – 1967) – геолог; ВИМС

**Постельников** Евгений Степанович (–) – тектонист; ИГН/ГИН с 1955 г.

**Прутков** Козьма – коллективный псевдоним четырех писателей (Алексей, Александр и Владимир Жемчужниковы и их двоюродный брат Алексей Толстой)

**Прянишников** Дмитрий Николаевич (1865 – 1948) – академик АН СССР (1929); агрохимик, биохимик

**Пуцаровский** Юрий Михайлович (1916 – 2018) – академик АН СССР (1984); тектонист; ИГН/ГИН с 1946 г.

**Раабен** Мария Евгеньевна, фон (1920 – 2012) – стратиграф; ИГН/ГИН с 1949 г.

**Разумова-Хераскова** Валентина Николаевна (1909 – 2002) – геолог; ИГН/ГИН с 1954 г.

**Рёгл** Фред (**Rögl**, Fred) (р. 1936) – палеонтолог; Музей естественной истории Вены (Австрия)

**Рожкова** Екатерина Владимировна (1898 – 1979) – литолог, минералог; ВИМС

**Ронкина (Грамберг)** Зинаида Зиновьевна (1892 – 1952) – геолог; НИИГА

**Рябинин** Анатолий Николаевич (1874 – 1942) – палеонтолог; Геологический комитет России, Горный институт

**Рябухин** Георгий Евгеньевич (1908 – 1998) – геолог-нефтяник; МИНХиГП

**Саваренский** Фёдор Петрович (1881 – 1946) – академик АН СССР (1943); гидрогеолог; ГИН/ИГН 1935 – 1940

**Сакс** Владимир Николаевич (1911 – 1979) – член-корреспондент АН СССР (1958); геолог, стратиграф, палеогеограф; НИИГА, ИГиГ

**Сапожников** Дмитрий Гаврилович (1909 – 2008) – литолог; ГИН/ИГН 1935 – 1955

**Сатпаев** Каныш Имантаевич (1899 – 1964) – академик АН СССР (1946), АН Каз. ССР (1946); геолог

**Сауков** Александр Александрович (1902 – 1964) – член-корреспондент АН СССР (1953); геохимик; ИГН/ГИН с 1944 г.

**Семихатов** Михаил Александрович (1932 – 2018) – академик РАН (1994); геолог, стратиграф; ИГН/ГИН с 1954 г.

**Сенюков** Василий Михайлович (1906 – 1975) – геолог-нефтяник; МНИ, ВНИГНИ

**Силин** Фёдор Андреевич (1866 – 1961) – геолог; экспедиции АН СССР

**Синицын** Василий Михайлович (1912 – 1977) – геолог, тектонист, геоморфолог; ИГН 1947 – 1948 гг., Лаборатория геологии угля АН СССР

**Скляр** Евгений Викторович (р. 1954) – член-корреспондент РАН (1997); геолог, петрограф

**Славянов** Николай Николаевич (1878 – 1958) – гидрогеолог; ГИН/ИГН 1933 – 1938

**Соболев** Николай Владимирович (1935 – 2022) – академик АН СССР (1990); ИГиМ СО РАН; геолог, петролог

**Соколов** Борис Сергеевич (1914 – 2013) – академик АН СССР; геолог, палеонтолог; ИГиГ СО АН СССР/РАН, ПИН

**Соколов** Глеб Александрович (1902 – 1978) – геолог-рудник; МГУ, ИГЕМ

**Сорби** Генри Клифтон (**Sorby**, Henry Clifton) (1826 – 1908) – британский естествоиспытатель, геолог

**Субботин** Константин Дмитриевич (–) – геолог

**Сумгин** Михаил Иванович (1873 – 1942) – мерзлотовед; ГИН/ИГН 1934 – 1937

**Сунь Ятсен** (1866 – 1925) – китайский политический деятель; первый президент Китайской Республики (1912)



**Суриков** Василий Иванович (1848 – 1916) – русский художник

**Сурилик** Финн (**Surlyk**, Finn) (р. 1943) – датский геолог и палеонтолог

**Сюй** Бэйхун (1895 – 1953) – китайский художник и график

**Сяо Сючан** (**Xiao Xuchang**) (1930 – 2023) – академик АН КНР; тектонист

**Твенхофел** Уильям Генри (**Twenhofel**, William Henry) (1875 – 1957) – американский геолог, палеонтолог

**Тихомиров** Владимир Владимирович (1915 – 1994) – член-корреспондент АН СССР (1981); геолог, историк науки: ИГН/ГИН 1949 – 1991

**Трофимук** Андрей Алексеевич (1911 – 1999) – академик АН СССР (1958); ИГиГ СО АН СССР

**Туголесов** Дмитрий Александрович (1916 – 2009) – геолог, тектонист; ИГН / ГИН с 1946 г.

**Ферсман** Александр Евгеньевич (1883 – 1945) – академик РАН (1919); минералог, кристаллограф, геохимик; директор ИГН (1942 – 1945)

**Фришенфельд** Георгий Эдуардович (1899 – 1944) – геолог; ГИН/ИГН 1938 – 1941

**Фюрзих** Франц (**Fürsich**, Franz) (р. 1947) – немецкий палеонтолог; Университет Фридриха-Александра в Эрланген-Нюрнберге (Германия)

**Хаин** Виктор Ефимович (1914 – 2009) – академик АН СССР (1987); геолог, тектонист, историк науки; МГУ Институт геологии АН АзербСССР, Азербайджанский индустриальный институт

**Хакансон** Экарт (**Håkansson**, Eskart) (–) – палеонтолог; Университет Западной Австралии

**Хенриксен** Нильс (**Henriksen**, Niels) (р. 1966) – датский геолог

**Херасков** Николай Николаевич (1931 –) – геолог

**Херасков** Николай Павлович (1906 – 1965) – геолог, тектонист; ИГН/ГИН с 1946 г.

**Хераскова** Татьяна Николаевна (р. 1937) – геолог, тектонист; ГИН с 1974 г.

**Хуан Цзыцинь** (**Цзицин**) (**Huang, Jiqing**) (**Huang**, Те-Кан) (1904 – 1995) – китайский геолог, тектонист; иностранный член АН СССР (1988)

**Хэнкок** Джон Майкл (**Hancock**, John Michael) (1928 – 2004) – английский палеонтолог

**Ци Байши** (1864 – 1957) – китайский художник, каллиграф, резчик по камню

**Чемберлен** Томас Краудер (**Chamberlin**, Thomas Chrowder) (1843 – 1928) – американский геолог

**Чен Го-да (Chen Gouda)** – китайский геолог

**Чен Чин-сюан** (–) – китайский геолог; Северо-Западный филиал Института геологии АН Китая

**Чепиков** Константин Романович (1901 – 1989) – член-корреспондент АН СССР (1953); геолог-нефтяник; ИГН 1940 – 1954

**Чжан Вен-ю** (–) – китайский геолог; Институт геологии АН Китая

**Чумаков** Николай Михайлович (р. 1927) – геолог; ИГН/ГИН с 1951 г.

**Чураков** Александр Николаевич (1887 – 1954) – геолог; ГИН с 1933 г.

**Чухров** Фёдор Васильевич (1908 – 1988) – академик АН СССР (1970); минералог и геохимик; ИГН

**Шалфеев** В.М. – геолог; ИГН

**Шараськин** Анатолий Яковлевич (1937 – 2000) – тектонист; ГИН РАН

**Шатский** Николай Сергеевич (1895 – 1960) – академик (1953) АН СССР; геолог, тектонист; ГИН АН СССР с 1934 г., директор (1956 – 1960)

**Шацкий** Владислав Станиславович (р. 1949) – академик РАН (2019); геохимик, петролог; Институт геохимии им. А.П. Виноградова СО РАН, г. Иркутск

**Шенгёр** Али Мехмет Джелаль (**Şengör**, Ali Mehmet Celâl) (р. 1955) – иностранный член РАН (1994); турецкий геолог, тектонист

**Штейнманн** Иоганн Генрих Конрад Готфрид Густав (**Steinmann**, Johann Heinrich Conrad Gottfried Gustav) (1856 – 1929) – иностранный член-корреспондент РАН (1925); немецкий геолог

**Штрейс** Николай Александрович (1910 – 1990) – геолог, тектонист; ГИН с 1936 г.

**Шубникова** Ольга Михайловна (1884 – 1955) – минералог; ИГН

**Шульгина** Наталья Иосифовна (1926 – 1996) – НИИГА

**Шульц** Сергей Сергеевич (1898 – 1981) – геолог, геоморфолог; Геологический комитет России, ЛГУ

**Щербаков** Дмитрий Иванович (1893 – 1966) – академик АН СССР (1953); ИГН

**Эрнст У. Гэри (Ernst, W. Gary)** (р. 1931) – американский петролог

**Юдовный** Ефим Григорьевич (1929 – 2009) – геолог; НИИГА

**Юшко** Софья Авраамовна (1902 – ?) – геолог; ГИН/ИГН 1934 – 1937

**Ягт** Джон (**Jagt**, John W.M.) (1930 – 2018) – датский палеонтолог

**Яншин** Александр Леонидович (1911 – 1999) – академик АН СССР (1958); геолог; ГИН/ИГН с 1936 г.

*Научное издание*

**ИСТОРИЯ  
ГЕОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА РАН  
В ДОКУМЕНТАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ:  
АЛЬМАНАХ**

Очерки по истории геологических знаний

Выпуск 34

(Серия основана в 1953 г. в ИГН АН СССР)

ООО «Издательство ГЕОС»

129315, Москва, 1-й Амбулаторный пр-д, 7/3-114.

Тел./факс: (495) 959-35-16, (499) 152-19-14, 8-926-222-30-91.

E-mail: [geos-books@yandex.ru](mailto:geos-books@yandex.ru),

[www.geos-books.ru](http://www.geos-books.ru)

ООО ИПК «Панорама»

Подписано к печати 10.10.2024

Формат 60 × 90<sup>1</sup>/<sub>16</sub>. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Уч.-изд. л. 21,0.

Тираж 300 экз.

Отпечатано в полном соответствии с представленным электронным оригинал-макетом в ОАО «Альянс «Югполиграфиздат»,

ООО ИПК «Панорама»

400001, г. Волгоград, ул. КИМ, 6